

ISSN 2712-9519

ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Том 1 № 1 (1)

2021

Научно-практический журнал

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Сетевое издание

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Астраханский государственный медицинский университет» Минздрава России

Основан в 2020 году

Журнал входит в перечень изданий РИНЦ

2021

Том 1 № 1 (1)

Редакционный совет

Башкина О.А. – ректор ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, доктор медицинских наук, профессор
Галимзянов Х.М. – президент ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, доктор медицинских наук, профессор
Попов Е.А. – проректор по учебно-воспитательной работе ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, доктор медицинских наук, профессор
Самотруева М.А. – проректор по научно-инновационной работе ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, доктор медицинских наук, профессор

Главный редактор

Рубальский С.И. – доктор медицинских наук, профессор (г. Астрахань)

Председатель редакционной коллегии

Маджаева С.И. – доктор филологических наук, профессор (г. Астрахань)

Заместитель председателя редакционной коллегии

Сорокина Э.А. – доктор филологических наук, профессор (г. Москва)

Редакционная коллегия

Бекишева Е.В. – доктор филологических наук, доцент (г. Самара)
Гагарина Е.Ю. – кандидат филологических наук, доцент (г. Астрахань)
Гринев-Гриневиц С.В. – доктор филологических наук, профессор (Польша, г. Сувалки)
Дроздова Т.В. – доктор филологических наук, доцент (г. Астрахань)
Зубкова О.С. – доктор филологических наук, профессор (г. Курск)
Иванчук О.В. – доктор педагогических наук, доцент (г. Астрахань)
Кислякова Е.Ю. – доктор филологических наук, доцент (г. Волгоград)
Лукоянова Т.В. – кандидат филологических наук, доцент (г. Астрахань)
Мизулин Н.Н. – кандидат философских наук, доцент (г. Астрахань)
Носович Я.Ф. – доктор филологических наук, профессор (Польша, г. Варшава)
Пенская З.П. – кандидат педагогических наук, доцент (г. Астрахань)
Сатретдинова А.Х. – кандидат филологических наук, доцент (г. Астрахань)
Ткачева Т.А. – кандидат филологических наук, доцент (г. Астрахань)
Шаховский В.И. – доктор филологических наук, профессор (г. Волгоград)

Ответственный секретарь

Байдашева Э.М. – кандидат психологических наук
Дьякова Е.М. – технический редактор

Материалы представленных статей рецензируются

Свидетельство регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-79816 от 07 декабря 2020 г.

Сайт <http://www.lobrj.ru>

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть преобразована в электронный вид, воспроизведена любым способом без предварительного согласия с издателем. Выпуски журнала «ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ» доступны на сайте <http://www.elibrary.ru>

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Астраханский государственный медицинский университет», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Асмус Н.Г.</i> Особенности номинации лица в финансово-экономической терминологии английского языка (на материале онлайн словарей)	5
<i>Бекишева Е.В., Рожкова Т.В.</i> К вопросу о развитии научного концепта и его терминологического отражения (на материале психиатрической терминологии)	17
<i>Гагарина Е.Ю.</i> К вопросу о проблеме коммуникативного поведения поликультурной личности иностранного обучающегося [На англ. яз.]	31
<i>Голованова Е.И.</i> Профессиональный коллоквиализм: между обыденным и специальным	38
<i>Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А.</i> Особенности развития терминоведения в начале XXI века	49
<i>Дроздова Т.В.</i> Когнитивные доминанты репрезентации экспертного знания в аспекте обучения иностранному языку профессиональной коммуникации	70
<i>Заболотнева О.Л., Кожухова И.В.</i> Функционирование маркера <i>ok</i> в академическом дискурсе	79
<i>Зубкова О.С.</i> Функционирование топонимов в индивидуальном сознании (некоторые результаты пилотажного эксперимента)	90
<i>Липэн Чжао, Романова Н.А.</i> Военная присяга как жанр ритуального институционального текста: сопоставительный аспект	100
<i>Логвина С.А.</i> Композиционная семантика эвфемистического дискурса	111
<i>Ткачева Т.А.</i> Дефиниционный анализ значения термина «гомеопатия»	128

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Маджаева С.И.</i> Дискурсология. Терминология. Экология языка в современной лингвистике (научно-практическая конференция с международным участием)	139
<i>Сатретдинова А.Х.</i> Межвузовская научно-практическая конференция студентов и молодых ученых с международным участием «Проблемы толерантности и социокультурной интеграции в поликультурной образовательной среде российского вуза»	143
Сведения об авторах	147
Требования к оформлению статьи	148

CONTENT

<i>Asmus N.G.</i> Peculiarities of persons' nominations in the financial and economic terminology of the English language (on the material of online dictionaries)	5
<i>Bekisheva E.V., Rozhkova T.V.</i> Development of scientific concept and its terminological representation (as exemplified in psychiatric terminology)	17
<i>Gagarina E.Yu.</i> To the question of the problem of communicative behavior of the multicultural personality of a foreign student	31
<i>Golovanova E.I.</i> Professional colloquialism: between ordinary and special	38
<i>Grinev-Grinevitch S.V., Sorokina E.A.</i> Some features of development of terminology science at the beginning of the XXI century	49
<i>Drozdova T.V.</i> Dominant cognitive structures of expert knowledge representation as a starting point in teaching foreign language for special purposes	70
<i>Zabolotneva O.L., Kozhukhova I.V.</i> Marker <i>ok</i> in academic discourse	79
<i>Zubkova O.S.</i> Functioning of toponyms in the individual consciousness (some results of the pilot experiment)	90
<i>Lipeng Zhao, Romanova N.A.</i> Military oath as a genre of ritual institutional text: a comparative aspect	100
<i>Logvina S.A.</i> Compositional semantics of euphemistic discourse	111
<i>Tkacheva T.A.</i> Definition analysis of the meaning of the term «homeopathia»	128

SCIENTIFIC LIFE

<i>Madzhaeva S.I.</i> Discursology. Terminology. Language ecology in modern linguistics (international practical research conference)	139
<i>Satretdinova A.Kh.</i> Interuniversity scientific-practical conference of students and young scientists with international participation «Problems of tolerance and socio-cultural integration in the multicultural educational environment of a Russian university»	143
Information about authors	147
Requirements for article arrangement	148

**ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ ЛИЦА В ФИНАНСОВО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА
МАТЕРИАЛЕ ОНЛАЙН СЛОВАРЕЙ)
PECULIARITIES OF PERSONS' NOMINATIONS IN THE FINANCIAL AND
ECONOMIC TERMINOLOGY OF THE ENGLISH LANGUAGE (ON THE
MATERIAL OF ONLINE DICTIONARIES)**

Настоящая статья посвящена изучению способов и средств номинации лица в английской финансово-экономической сфере. Наиболее продуктивными способами образования существительных, номинирующих лицо в финансово-экономической терминологии английского языка, являются синтаксический и морфологический способы, лексико-семантический способ характерен в основном для профессиональной лексики, морфолого-синтаксический способ малопродуктивен. К характеристикам финансово-экономической терминологии в английском языке мы относим следующие черты: ее выход за пределы собственно профессионального употребления, стабильность состава и мотивированность большей части номинаций.

Ключевые слова: термин, финансово-экономическая терминология, номинация лица, терминологизация, мотивированность

This article is devoted to the study of the ways and means of persons' nominations in the English financial and economic spheres. The most productive ways of forming nouns nominating a person in the financial and economic terminology of the English language are syntactic and morphological methods, the lexical-semantic method is typical mainly for professional usage, the morphological-syntactic method is nonproductive. We point out the following features of financial and economic terminology in English: going beyond the limits of its own professional use, the stability of the composition and the motivation of most of the nominations.

Key words: term, financial and economic terminology, nomination of a person, terminology.

Введение

Стремительные рыночные преобразования экономики инициировали процесс формирования и развития экономической терминологии, которая сначала наполняется терминами и специальными единицами номинации, а затем вызывает процесс терминообразования. Возрастание роли экономики в жизни современного общества выводит проблему исследования термина и терминологии в ряд наиболее важных проблем общего языкознания.

В настоящее время наблюдается тенденция к сближению многих сфер деятельности человека, и это влечет за собой неизбежность языкового взаимодействия в системе мировой экономики, а расширение международных контактов в этой сфере приводит к необходимости совершенствования системы передачи информации, следовательно, взаимного согласования лексических единиц, принадлежащих различным участкам финансово-экономической терминологии.

К числу наиболее важных ее составляющих принадлежит многочисленная и постоянно пополняемая группа номинативных единиц со значением лица. Однако номинации лица до сих пор продолжают оставаться актуальным объектом исследования, что, в первую очередь, обусловлено чрезвычайно активным появлением новообразований в системе имен лиц в течение последних десятилетий. Подход к номинациям лица как к совокупности единиц, обладающих системной организацией, позволяет не только классифицировать материал исследования, но также выявить и описать основные черты системы номинации лица.

Цель исследования – многоаспектное описание английских номинаций лица в финансово-экономической сфере, отраженных в лексикографических источниках и в речи участников деловой коммуникации.

Материалом для исследования послужили комплексные общеотраслевые одноязычные и двуязычные онлайн экономические и финансовые словари, словари бизнеса, а также узкоспециальные словари по биржевому, банковскому делу, рекламе и маркетингу.

В ходе исследования были применены *следующие методы*: описательный метод, структурно-семантический анализ, метод словарных дефиниций.

Результаты исследования. Обобщая и интерпретируя результаты известных исследований, мы пришли к выводу, что термин обладает семантическими (однозначен, нейтрален, имеет содержательную точность), формальными (кодифицирован, краток, имеет номинативный характер, этимологию и словообразовательную способность) и прагматическими

(актуален, употребляется в определенной сфере) свойствами. Наиболее продуктивными способами образования существительных, номинирующих лица в финансово-экономической терминологии английского языка, являются синтаксический и морфологический способы; лексико-семантический способ характерен в основном для профессиональной лексики, морфолого-синтаксический способ малопродуктивен. Номинации лица как продуктивная группа лексики языка и органическая составляющая экономической терминологии являются одним из наиболее подвижных пластов этой языковой подсистемы и изменяются в зависимости от усложнения понятийной сферы различных отраслей экономики.

Наименования лица как продуктивная группа лексики языка

Наименования лица являются самой продуктивной группой лексики языка. В конце XX столетия интерес к данной группе слов обусловлен возросшим вниманием к человеку, жизнедеятельность которого становится объектом исследования разных наук. Антропоцентризм как мировоззрение, в соответствии с которым человек есть центр и наивысшая цель мироздания, завоёвывает всё более прочные позиции в качестве ведущего принципа в различных областях научных исследований [1, с. 37]. Как пишет С.В. Вахитов, социальная сущность человека, разнообразие социальных взаимоотношений, с одной стороны, и коммуникативная направленность языка, его антропоцентрический характер, с другой, предопределили возникновение значительного пласта существительных с семантикой лица [3, с. 80]. В связи с этим наименования лица занимают центральное место в номинативном запасе языка, поскольку представления о человеке и его многообразной деятельности формируют один из важнейших аспектов языковой картины мира.

А.С. Белоусова отмечает, что названия лица представляют человека как носителя различных признаков: физических и физиологических свойств, эмоциональных состояний, образа мыслей, взглядов, способа мышления, склонностей, вкусов, черт характера, привычек, знаний, умений, навыков,

совершаемых действий, поступков, поведения, функций, занятий, участия в чем-либо, положения в определенной ситуации, разнообразных связей, отнесенностей, отношений и т. д. [2, с. 94].

Человек как субъект познания является носителем определенной системы знаний, представлений, мнений об объективной действительности. Картина мира понимается современными лингвистами как исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании её носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира. Языковая картина мира включает в себе вербализованную часть сложившихся в сознании человека представлений о мире. Язык не только является частью картины мира как одна из представленных в сознании семиотических систем, но и на его основе формируется языковая картина мира.

Терминологизация лексики: к постановке проблемы

Вслед за М.М. Глушко, мы определяем термин как слово или словосочетание, обладающее строгой и точной дефиницией, четкими семантическими границами и поэтому однозначное в пределах соответствующей классификационной системы [4, с. 33].

Терминология является подвижной, гибкой и быстро изменяющейся частью общенародной лексики. Неоднородность терминологии может быть также прослежена с позиции становления термина, т.е. в процессе терминологизации. Под терминологизацией понимается приобретение общеупотребительным словом признаков термина. Терминологическая лексика информативна, в языке термины позволяют кратко и предельно точно сформулировать мысль, т.е. не любые лексические единицы могут выступать в качестве термина. Процесс терминологизации характеризуется разной степенью развития значения слова.

Л. А. Шкатова указывает на три степени терминологизации обозначений лица: *нулевую* (у общеупотребительных, неспециальных слов), *среднюю* (у «бытующих» терминов, не имеющих строго определённого содержания) и *высокую* (у официально принятых кодифицированных знаков строго определённого содержания) [7, с. 147].

Продуктивные способы номинации лица в английской финансово-экономической сфере

Наиболее продуктивными способами образования существительных, номинирующих лицо в финансово-экономической терминологии английского языка, являются синтаксический (41%) и морфологический (35%) способы, лексико-семантический способ (14%) характерен в основном для профессиональной лексики, морфолого-синтаксический способ (10%) малопродуктивен.

Образование терминов со значением лица в терминологической лексике английского языка связано, в первую очередь, с преобладанием синтаксического способа номинации, при помощи которого образуются составные, многокомпонентные номинации.

В английском наиболее продуктивными моделями образования составных номинаций являются:

1) существительное + существительное со значением лица

(*note broker* – a broker who buys and sells commercial paper (с англ. биржевой маклер (по векселям), *debt collector* – a person or agency engaged by a company for the recovery of its debt due on account of the sale of goods and services, which have exceeded the accepted payment terms (с англ. сборщик долгов), *loan officer* – эксперт по кредитованию);

1) прилагательное + существительное со значением лица

introducing broker – a person or firm that takes orders to buy or sell futures contracts from clients and passes those orders to a futures commission merchant for execution (с англ. представляющий брокер), *financial planner* - a person who

evaluates your personal finances and helps you develop a financial plan (с англ. *специалист по финансовому планированию*).

1) существительное со значением лица + предлог + существительное *applicant for credit* - a person who seeks credit (с англ. лицо, обращающееся за кредитом), *tenant at will* - a tenant who is renting a building, etc. legally and with the owner's permission but without a formal agreement (англ. бессрочный арендатор).

Рассмотрев основные модели образования составных номинаций, мы выявили, что наиболее продуктивной является модель «существительное + существительное со значением лица». Соотношение данных моделей мы можем увидеть на Диаграмме 1.

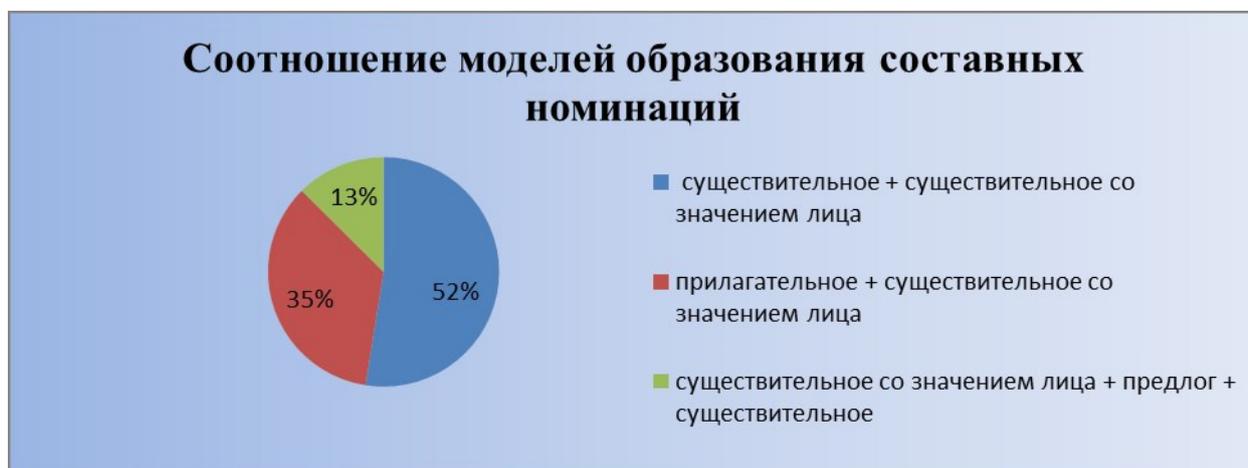

Диаграмма 1. Синтаксический способ номинации

Вторым по частотности способом номинации является морфологический способ. Суффиксальное образование существительных со значением лица построено по модели "основа и суффиксы *-er/-or* и *-yst/-ant/-ary*". Проиллюстрируем примерами: *bidder* – a person who makes a bid, usually at an auction (с англ. *аукционер*), *adjuster* – a person who calculates losses for an insurance company (с англ. *оценщик*), *analyst* – a financial analyst who tracks the performance of companies and industries, evaluates their potential value as investments, and makes recommendations on specific securities (с англ. *экономист-аналитик*), *beneficiary* – a person or organization who receives assets that are held in your name in a retirement plan, or are paid on your behalf by an insurance

company, after your death (с англ. получатель страховой суммы, лицо, в пользу которого будут производиться выплаты).

Префиксация как способ образования номинации лица для данной сферы не типична, как и в целом для словообразования имен существительных. В английском языке помимо аналогичных префиксов *co-* (*co-manager* – соуправляющий, *co-insurer* – состраховщик, *cotrustee* – партнер по доверенности, *cotenant* – соарендатор) и *sub-* (*subcontractor* – субподрядчик, *subunderwriter* – вторичный гарант выпуска ценных бумаг) к числу продуктивных можно также отнести приставку *non-* со значением отрицания того, что выражено производящей основой (*non-repeater* – лицо, не совершающее повторных покупок, *non-prospect* – лицо, не являющееся потенциальным покупателем).

Конверсия, а также субстантивация как способы образования номинаций лица малопродуктивны. В английском языке номинация лица, образованная от глагола путем конверсии без изменения внешней формы производящего слова *jerk*, *tout* и субстантивированные *loyal*, *local* более характерны для профессионального жаргона экономистов.

На Диаграмме 2 мы можем увидеть частотность морфологических способов образований.

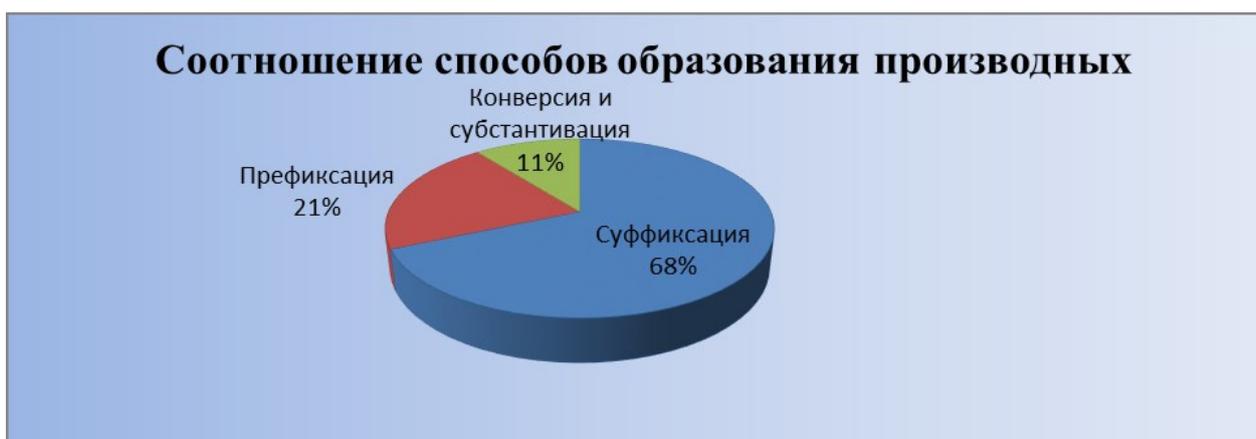

Диаграмма 2. Морфологический способ номинации

Для современной терминологии характерно наличие значительного пласта терминов, образованных на основе переосмысления

общеупотребительных слов (14%). Номинации лица такими лексико-семантическими способами, как метафорический (реже – метонимический) перенос, характерны в основном для профессиональной лексики английского языка. Следует отметить, что некоторые номинации, возникшие в профессиональном жаргоне экономистов, постепенно переходят в разряд терминов. В английском языке количество номинаций лиц, образованных с помощью метафорического переноса, значительно. В это число включают как однословные номинации, так и фразеологизмы со значением лица, образованные в результате метафорического переосмысления базового компонента, поскольку они представляют собой «формально разложимые, но семантически не членимые словосочетания» [5, с. 43].

Большинство метафорически переосмысленных английских номинаций лица являются результатом переноса по ассоциации. При данном виде переноса схожие признаки «связаны не с понятием об определенном явлении, а с вызванными теми или иными обстоятельствами представлениями о нем, ассоциациями» [8, с. 35].

Можно также отметить, что фразеологические единицы метафорического характера образуются в английском подъязыке экономики и выходят за пределы собственно профессионального употребления. Основными лексическими группами, участвующие в метафорическом образовании номинации лиц экономической и финансовой сферы, являются:

1) номинации животных (18%), например:

loan shark – a person who lends money at a very high interest rate, (с англ. *ростовщик*); *fat cat* – a businessman who earns an enormous salary and bonus (воротила; капиталист, финансирующий политическую кампанию).

2) номинации вымышленных существ (27%), например:

angel – a person who provides backing for a stage performance, such as a play or musical, and receives a percentage dividend when the start-up costs have been covered (с англ. спонсор, покровитель), *ghost* – someone who is recorded on the payroll system, but who does not work for the organisation (с англ. лицо,

зарегистрированное в качестве работника, но фактически не работающее и не получающее заработной платы).

3) номинация лиц, изначально не связанных с экономической сферой деятельности (55%), например:

company doctor – a specialist businessperson who rescues businesses which are in difficulties (с англ. *антикризисный управляющий*), *white knight* – someone who buys in a company to prevent another company taking it over completely (с англ. дружественный инвестор, который делает новое, более выгодное, предложение о поглощении компании).

Небольшая группа терминов со значением лица представляет собой слова из литературного языка в результате изменения объема значения слова. Это вызвано экстралингвистическими причинами – совпадением основных, базовых понятий данной тематической области и их особой актуальностью в общем употреблении для носителей обоих языков. В частности, примерами семантических дериватов, образованных в результате расширения значения общеупотребительных слов, могут являться такие номинации субъектов экономической деятельности, как *seller*, *buyer*, *carrier*. Сопоставление толкований этих лексем, приведенные, с одной стороны, в общелитературных словарях, а с другой – в специальных лексикографических изданиях, свидетельствует о том, что у значений специальных и неспециальных номинаций общим дифференциальным признаком является обозначение лица по виду деятельности. Термин получает, кроме того, и дополнительные признаки: 1) обозначение физических и / или юридических лиц; 2) отношение к обязательству, договору и т. д.

Рассмотрим другие примеры изменения семантического объема слов: *cowboy* – изначально "ковбой" (a man who rides a horse and whose job is to take care of cattle in the western parts of the US) перешло в разряд экономических терминов за счет изменения семантического объема слова – a manager who takes a lot of risks in order to get a high profit (агрессивный портфельный менеджер,

который покупает спекулятивные ценные бумаги, причем нередко в кредит, менеджер, который сильно рискует ради получения высокой прибыли).

Таким образом, мы пришли к выводу, что процентное соотношение лексико-семантического способа образования терминов выглядит следующим образом (см. диаграмму 3):

Диаграмма 3. Лексико-семантический способ номинации

Номинации, образованные морфолого-синтаксическим способом, образуются чаще всего способами словосложения и сокращения. В английском языке номинации первого типа представляют собой единичные образования. Доминируют же сложные существительные с первым атрибутивным компонентом: *pawnbroker* a person who lends money against the security of valuable objects (с англ. – заимодавец под залог), *bookkeeper* – a person who keeps the financial records of a company or an organization (с англ. бухгалтер).

Усечение основ является малопродуктивным способом образования исследуемых нами английских номинаций лиц, которые преимущественно используются в профессиональном жаргоне экономистов в американском варианте, среди них: *temp* = *temporary*, *pres* / *Pres* / *prez* / *Prez* = *president*.

Аббревиация как способ номинации лиц более типична для английского экономического подязыка. Основным видом аббревиатур являются инициально-буквенные образования, например: *CEO* – Chief Executive Officer (с англ. генеральный исполнительный директор), *CFO* – Chief Financial Officer (с англ. финансовый директор). Термины-аббревиатуры функционируют в

английском экономическом подъязыке в качестве самостоятельных номинативных единиц наравне с соответствующими им развернутыми аналогами, в ряде случаев бывают даже более употребительны, чем их полные варианты. Аббревиация как способ образования терминов встречается в 27% случаев, в то время как метод словосложения встречается чаще всего в словарных статьях и составляет 55%.

Заключение. На основе проведенного исследования мы пришли к выводу, что существует необходимость регулярного упорядочивания отдельных терминов и осмысления фактов варьирования терминологии. Мы выявили ряд общих и специфических для английского языков характеристик, касающихся особенностей формирования и функционирования данного пласта лексики. К характеристикам финансово-экономической терминологии в английском языке мы относим следующие особенности: выход лексики за пределы собственно профессионального употребления, стабильность состава и мотивированность большей части номинаций.

В целом номинация лица как органическая составляющая экономической терминологии, являясь одним из наиболее подвижных пластов этой языковой подсистемы, изменяется в зависимости от усложнения понятийной сферы различных отраслей данной области знания и деятельности человека.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. – 911 с.
2. Белоусова А.С. К построению лексико-семантической классификации слов в связи с задачами толковой лексикографии. Словарные категории. М.: Наука, 1989. – С. 92-95.
3. Вахитов С.В. Мотивационные модели составных наименований со значением лица в русском языке XI – XVII вв. / Теория поля в современном языкознании: Тезисы докл. – Уфа, 1994. – Часть 3. – С. 80-82.

4. Глушко М.М. Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования. М.: Международные отношения, 2004. – 198 с.
5. Капанадзе Л.А. О понятиях «термин» и «терминология». Развитие лексики современного русского языка. М., 2005. – 289 с.
6. Национальная экономическая энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <https://vocable.ru/termin/kovboi.html> (дата обращения: 19.11.2020).
7. Шкатова Л.А. Различные степени терминологизации наименований лиц / Современные проблемы русской терминологии. – М.: Энерго-атомиздат, 1986. – С. 135-158.
8. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. – 280 с.
9. Wallstreetmojo. URL: <https://www.wallstreetmojo.com> (дата обращения: 21.11.2020).

References

1. Arutjunova N.D. Jazyk i mir cheloveka [Language and the human world]. Moscow: Languages of Russian culture, 1999. – 911 p.
2. Belousova A.S. К postroeniju leksiko-semanticheskoy klassifikacii slov v svjazi s zadachami tolkovoj leksikografii. Slovarnye kategorii [To the construction of a lexico-semantic classification of words in connection with the tasks of sensible lexicography. Dictionary categories]. Moscow: The science, 1989. – pp. 92-95.
3. Vahitov S.V. Motivacionnye modeli sostavnyh naimenovanij so znacheniem lica v rusском jazyke XI – XVII v.v. [Motivational models of compound names with the meaning of a person in the Russian language of the XI-XVII centuries]. Teorija polja v sovremennom jazykoznanii: Tezisy dokladov. [Field theory in modern linguistics: Abstracts], 1994. – Part 3. – pp. 80-82.
4. Glushko M.M. Funkcional'nyj stil' obshhestvennogo jazyka i metody ego issledovanija [The functional style of the public language and methods of its research]. Moscow: International Relations, 2004. – 198 p.

5. Kapanadze L.A. O ponjatijah «termin» i «terminologija». Razvitie leksiki sovremennogo russkogo jazyka [On the concepts of "term" and "terminology". Development of the vocabulary of the modern Russian language]. Moscow, 2005. – 289 p.
6. Nacional'naja jekonomicheskaja jenciklopedija [National Economic Encyclopedia] [Electronic resource]. URL: <https://vocable.ru/termin/kovboi.html>
7. Shkatova L.A. Razlichnye stepeni terminologizacii naimenovanij lic [Different degrees of terminology of names of persons]. Sovremennye problemy russkoj terminologii. [Modern problems of Russian terminology], 1986. – pp. 135-158.
8. Shmelev D.N. Problemy semanticheskogo analiza leksiki [Problems of semantic vocabulary analysis]. Moscow: The science, 1973. – 280 p.
9. Wallstreetmojo. [Electronic resource]. URL: <https://www.wallstreetmojo.com>

УДК 001:616.89(014)=20

Е.В. Бекешева, Т.В. Рожкова

E.V. Bekisheva, T.V. Rozhkova

**К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ НАУЧНОГО КОНЦЕПТА И ЕГО
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ
ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)
DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC CONCEPT AND ITS
TERMINOLOGICAL REPRESENTATION (AS EXAMPLIFIED IN
PSYCHIATRIC TERMINOLOGY)**

Статья посвящена рассмотрению развития концепта «шизофрения» на материале репрезентирующих его терминов, возникших в разные эпохи истории познания душевных расстройств. Когнитивная сложность научного знания на разных уровнях истории науки по-разному отражается в языковом знаке, репрезентируя как субъективные выводы исследователя и поверхностные признаки патологических процессов, так и объективные характеристики изучаемого объекта. Диахронический анализ развития понятия «шизофрения» включает анализ прототерминов, предтерминов, синхронический анализ синонимов и терминологических дублетов, позволяют наиболее полно представить

исследуемый концепт. Привлечение фактов из истории медицины позволяют показать и объяснить общее направление развития научной мысли.

Ключевые слова: концепт, познание, история медицины, психиатрия, шизофрения, научное мышление, терминологическое поле

The article studies development of the concept “schizophrenia” as exemplified in the terms which represent this disorder. The studied terms were appearing while mental disorders were being investigated. Cognitive complexity of knowledge at different levels of scientific history is reflected differently in a language sign. It represents both subjective findings of a researcher, the signs of pathological processes as well as objective characteristics of the studied object. Diachronic analysis of the development of the notion «schizophrenia» comprises the study of prototems, preterms, synchronic analysis of synonyms and terminological doublets help to give a thorough presentation of the given concept. By appealing to the history of medicine it becomes possible to describe and explain general trends in the development of the scientific thought.

Key words: concept, development of knowledge, history of medicine, psychiatry, schizophrenia, scientific thinking, terminological field

Введение.

В последние десятилетия в связи с бурным развитием когнитивной лингвистики, которая представляет семантическую теорию, исследующую глубинную семантику, на первый план выдвигается понятие концепта, как ментальной структуры, связанной с эксплицирующей её языковой формой. Практически в каждой второй работе, связанной с исследованием отражения человеческого фактора в языке, приводится определение концепта, предложенное разными авторами (Н.Н. Болдырев [1], А. Вежбицкая [4], В.И. Карасик [7], Е.С. Кубрякова [9], З.Д. Попова, И.А. Стернин [11], Ю.С. Степанов [14] и др.). Нам представляется наиболее конкретным и соответствующим нашему материалу исследования определение концепта, данное Н.Н. Болдыревым: «концепты представляют собой те идеальные, абстрагированные единицы, смыслами которых человек оперирует в процессе мышления. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания. Человек мыслит концептами» [1, с. 23-24].

Такое глубокое и многоаспектное изучение концепта, его признаков и форм в лингвистике и культурологии привело к сложившейся теории лингвоконцептологии, а само понятие концепта в результате высокой

частотности его изучения в научных работах к настоящему времени перешло из объекта исследований в операциональный термин философии, психологии, науковедения и когнитивной лингвистики. Однако необходимо отметить, что остаются ещё «белые пятна» в изучении динамических сторон этой мыслительной структуры, а именно в изучении исторического развития научного концепта.

«В рамках когнитивно-коммуникативного подхода терминопорождение предстаёт как когнитивный процесс, связанный с обработкой информации, стремлением упорядочить её в ментальном лексиконе, сохранить в памяти, обеспечить извлечение из неё нужных данных» [10, с. 354]. Медицинская терминология, являясь результатом порождения и развития научных знаний, тесным образом связана с когнитивными науками. Когнитивная сложность научного знания на разных уровнях истории науки по-разному отражается в языковом знаке, репрезентируя как субъективные выводы исследователя и поверхностные признаки патологических процессов, так и объективные характеристики изучаемого объекта. Как справедливо отмечает В.Ф. Новодранова, «Современная медицинская терминология характеризуется гетерогенностью и гетерохронностью, в ней отражаются как традиционные, имеющие многовековую историю способы познания, так и самые современные методы исследования. Эволюция медицинского знания связана как с чувственными представлениями и наблюдениями, так и с концептуальным оформлением этого знания» [10, с. 355].

Интерпретация научного концепта в хронологическом аспекте напрямую связана с уровнем развития медицины в определённый период времени. Лингвокогнитивный анализ позволяет выяснить, как связаны концепты с эксплицирующими их языковыми формами. Ответ на данный вопрос предоставляет информацию о функционировании когнитивной системы медиков разных эпох. Проанализировав предтермины, прототермины и ряд терминологических синонимов и межъязыковых дублетов, отражающих один и тот же научный концепт, можно проиллюстрировать его историческое развитие

на протяжении десятков или даже сотен лет. Материалом нашего анализа послужило сформированное терминологическое гнездо «шизофрения» как отражение развития и изменения научного концепта.

История термина *шизофрения*

История шизофрении неразрывно связана с развитием религии, культуры и научного прогресса. Отношение к безумию в разные исторические эпохи менялось – от сакрального поклонения до профанизации и полного низвержения, от психиатрических злоупотреблений до насаждения искусственной шизофренизации. Исследуя терминологическое гнездо «шизофрения», можно узнать по какому пути шло изучение этого заболевания от древнейших времен до настоящего времени.

Симптомы, напоминающие состояние, которое в современной психиатрии носит название «шизофрения», одним из первых описал арабский врач Авиценна и назвал эту болезнь по-арабски «*джинун муфрит*» (*тяжелое безумие*).

Интенсивное изучение этой психической патологии началось во второй половине XIX в. Французский психиатр Жан-Пьер Фальре в 1854 году ввел термин *folie circulaire* (фр.) – круговое безумие, циркулярный психоз.

Почти через 20 лет Эвальд Геккер ввел термин *hebephrenia* (греч. hebe – юность) для обозначения самостоятельного (по его мнению) заболевания. Это наименование связано с тем, что при данном заболевании мышление взрослого человека сходно с мышлением ребенка.

В 1879 году русский психиатр Виктор Хрисанфович Кандинский (1849 – 1889), который и сам страдал психическим расстройством, в период своей ремиссии объективно проанализировав своё состояние, напоминающее синдром современной шизофрении, в журнале «Медицинское обозрение» публикует статью и ставит себе два диагноза «первичное помешательство» и «галлюцинаторный первичный бредовый психоз», что соответствует

психическому расстройству, названному в его собственной классификации, **идеофрения** (др. греч. *ideo* – своеобразное; *phren* – ум, мышление).

Примерно в этот же период французский психиатр Бенедикт Огюстен Морель (1809–1873) на основе своих клинических описаний (одно из них – история подающего надежды мальчика, в четырнадцатилетнем возрасте поражённого психическим заболеванием, приведшим к деградации умственных способностей и потере коммуникационных способностей) сделал вывод о преимущественном поражении этим психическим заболеванием лиц молодого возраста и назвал болезнь ***dementia praecox*** (ранняя или юношеская деменция, то есть слабоумие).

Учение Мореля развил немецкий психиатр Эмиль Крепелин (1856 – 1926), полагая, что *dementia praecox* (исторический прообраз шизофрении) является врождённым слабоумием. Концепцию Крепелина критиковали в частности, по следующей причине: прогрессирующее ухудшение происходило не всегда, то есть у некоторых пациентов были ремиссии, а по утверждению самого же Крепелина в 8-13 случаях раннего слабоумия возможно выздоровления. Согласно терминологии отечественного психиатра В.П. Сербского, получается «слабоумие без слабоумия». К.Г. Юнг считал название ***dementia praecox*** «чрезвычайно неудачным», отмечая: «то, что её открыли психиатры, является большим несчастьем для этой болезни: она обязана этому обстоятельству плохим прогнозом; *dementia praecox* означает почти то же, что терапевтическая безнадежность» [17, с. 246].

Швейцарский психиатр Эйген Блейлер (1857 – 1937) в 1908 году предложил заменить термин ***dementia praecox*** на термин **шизофрения** (греч. *schizo* – расщеплять + *phren* – ум»), поскольку данным заболеванием страдали не только лица юношеского возраста. Учитывая обширную симптоматику изучаемого заболевания, Блейлер скромно оценил оригинальность созданной им концепции шизофрении, отметив в своей статье «*Dementia praecox* или группа шизофрений» (1911 г.): «Такие термины, как ***острая паранойя, острое галлюцинаторное помешательство, психическое помешательство***, а также

мания и *меланхолия* сами по себе не означают заболевания. Тот или иной специалист исключительно по своему собственному усмотрению создал не только названия, но и целые концепции, в зависимости от того, какой из симптомов показался ему наиболее серьёзным» [18, с. 53].

Итак, к началу XX века был сформирован ряд синонимов, репрезентирующих одно и то же патологическое состояние: *джинун муфрит*, *folie circulaire* (круговое безумие), *гебефрения*, *идеифрения*, *dementia praecox*, *острая паранойя*, *острое галлюцинаторное помешательство*, *психическое помешательство*, *шизофрения*, которые получили разную степень распространённости в научном языке в силу лингвистических и экстралингвистических причин.

Анализ научного концепта *шизофрения*

Проанализируем каждое наименование с точки зрения его соответствия научному концепту, основываясь на предложенном А. Вежбицкой способе «Естественного Семантического Метаязыка» (ЕСМ), преломив его в соответствии со спецификой нашего материала. По А. Вежбицкой ЕСМ – это «*lingua mentalis*» («алфавит человеческих мыслей»), т.е. определённый набор фундаментальных врождённых человеческих концептов, способных генерировать другие концепты. Что касается медика, то набор его профессиональных базовых концептов сходится к следующему списку: локализация патологического процесса, причина возникновения (этиология), развитие и течение патологического процесса (патогенез: время, симптоматика), лечение, прогноз. Необходимо отметить, что в названиях любого патологического процесса находят своё отражение три основные признака болезни: этиология, локализация, патогенез. Эти элементарные смыслы, чаще всего вербализуемые в европейской медицинской традиции греко-латинскими терминами и терминологическими элементами, понятны любому представителю медицинской профессии независимо от его национального происхождения и научной школы. Учитывая данную профессиональную

тенденцию в качестве операционной единицы нашего исследования, мы вводим аббревиатуру ПСММ (профессиональный семантический метаязык медицины).

Обозначение заболевания *джинун муфрит (тяжелое безумие)*, созданное Авиценной, мы относим к прототерминам, так как оно, во-первых, не получило широкого распространения в европейской медицине в силу своего арабского происхождения; во-вторых, под это название не была подведена какая-либо теоретическая база, а только лишь эмпирические данные. Эволюция медицинского знания связана с чувственными представлениями и острой наблюдательностью, характерной для древних врачей и естествоиспытателей.

Французское словосочетание *folie circulaire* (букв. *круговое безумие*) в современной психиатрии стало синонимом термина *биполярное расстройство (маниакально-депрессивный психоз)*, которое обозначает психическое расстройство, сопровождаемое чередованием приподнятого настроения и депрессии.

Что касается наименования *hebephrenia*, то впоследствии эта нозологическая форма была отнесена Крепелиным к шизофрении. В DSM-III, DSM-III-R, DSM-IV и DSM-IV-TR (DSM – **D**iagnostic and **S**tatistical **M**anual of **M**ental **D**isorders) это расстройство имело название *шизофрения дезорганизованного типа* [19].

Прототермин В.Х. Кандинского *идеофрения* (букв. «своеобразное мышление») мы относим к субъективным и псевдонаучным наименованиям, поскольку автор, сам страдающий этим заболеванием, постарался создать эвфемистический термин для обозначения своего состояния, тем самым выделить не патологические признаки болезни, а неординарность и исключительность людей больных шизофренией.

Название *dementia praecox* (*раннее слабоумие*) мы также относим к прототерминам по причине ошибочных взглядов его создателей на этиологию (наследственное заболевание) и обозначенное в наименовании время (раннее).

Такие термины, как *острая паранойя, острое галлюцинаторное помешательство, психическое помешательство*, а также *мания и меланхолия*,

как уже отмечалось Э. Блейером, отражают субъективный авторский взгляд на патогенез заболевания, не соответствующий современным объективным данным, поскольку являются терминологической репрезентацией отдельных симптомов.

Термин *шизофрения*, несмотря на критику специалистов, получил широкое употребление в медицинском сообществе. Он имеет весьма абстрактную словообразовательную структуру и семантику (букв. «расщепление ума»), что позволяет под данную языковую форму различные научные концепции, разрабатываемые национальными научными школами. Если следовать трём основным требованиям, предъявляемым к медицинскому термину, разработанным основателем терминологического направления в преподавании латинского языка в медицинских вузах профессором М.Н. Чернявским, а именно, адекватность и точность; соответствие современному научному понятию; недопустимость синонимии полисемии [16, с. 424], то основная негативная характеристика термина *шизофрения* заключается в его «амбисемантичности» [15, с. 395], т.е. возможности репрезентировать различные варианты интерпретации этиологии и симптоматики данного психического расстройства.

По мере накопления научных знаний, касающихся шизофрении, этот научный концепт начал обрастать множеством признаков, основанных на симптоматике заболевания, которые получили терминологическое отражение в научном языке. Э. Блейлер выделил патогномоничные признаками нарушения единства психики, которые являются критериями диагностики шизофрении до настоящего времени, и назвал их *четыре «А»* (*аффект упрощенный, ассоциации бедные, амбивалентность, аутизм*). Помимо этих симптомов существуют и множество других, представленных следующими терминами с интересной словообразовательной структурой и семантикой: *синестопатии* (греч. *koinos* – общий, *aesthesia* – чувство, ощущение) – *крайне тягостные и неприятные, неопределённые телесные ощущения*, *иллюзии* (греч. *illusion* – ошибка, заблуждение) – искажённое восприятие реально существующих

предметов и явлений, **бредовые идеи** – болезненные идеи, искажённо отражающие реальную действительность, **ипохондрия** (греч. hypochondrion – подреберье) – необоснованное беспокойство по поводу мнимого тяжелого заболевания, **анатия** (греч. а – без, не) – состояние, характеризующееся отсутствием эмоционально-волевых проявлений, **паранойя** (греч. para – вблизи, рядом, paro – воспринимать, мыслить) – хронический бредовый психоз, **абулия** (греч. а – без, не, bule – воля) – нарушение воли, частичное или полное отсутствие желаний и побуждений к деятельности, **галлюцинации** (греч. hallucination – бред, видения) – расстройства восприятия, при которых кажущиеся образы возникают без реальных объектов, **онейродные и кататонические расстройства** (греч. oneiros – сон, сновидения, eides – подобный, похожий, греч. katataneino – стягивать напрягать) – виды психотических расстройств и др.

Первичные нарушения при шизофрении описываются также как **негативные (дефицитарные)**, отражающие выпадение или извращение функций, которые есть в норме. К **позитивным (продуктивным)** расстройствам относятся **дополнительные (вторичные) признаки**, отсутствующие у здорового человека.

Терминологическое поле термина *шизофрения*

Всю совокупность терминов, которые репрезентируют понятие «шизофрения» можно представить в виде терминологического поля, под которым в лингвистике понимается «многоуровневая классификационная структура, которая объединяет термины сферы одной профессиональной деятельности» [16, с. 275]. Кроме уже указанных терминов, в него входят также периферийные термины, обозначающие специфику её течения, а именно: а) заимствованные обозначения из других областей медицины, приобретающие в психиатрическом контексте дополнительную семантику (например, **злокачественная шизофрения**, которая манифестирует в детском, подростковом и юношеском возрасте и быстро приводят к формированию

эмоционально-волевого и интеллектуального дефекта); функционирующие лишь в рамках психиатрии термины с узким значением (например, *шубы* (нем. Schub – толчок, сдвиг) – *приступы шизофрении, по окончании которых, определяются выраженные те или иные дефекты психики, характерные для шизофренического типа расстройств*).

Как отмечают сами психиатры, «утверждение, что шизофрения – это какое-то понятное заболевание с четким набором симптомов, больше не выдерживает никакой критики. Чтобы двигаться вперед, делать успехи в лечении, надо пересмотреть термин *шизофрения* потому, что мы уже живем в эру постшизофрении» [12]. По всей видимости, шизофрения – это огромное множество самых разных болезненных состояний. Выдающийся психиатр сэр Робин Мюррей писал: «Думаю, концепция шизофрении устарела. Привычные нам представления о синдроме уже неактуальны» [12]. Профессор психиатрии Маастрихтского университета Джим ван Ос утверждает, что «мы не изменим нашего отношения к заболеванию, не изменяя терминологию» [13, с. 53], поэтому он предложил отменить термин *шизофрения*, а вместо него ввести концепцию *расстройств психотического спектра*. Видимо, концепция будет продолжать устаревать и с течением времени термин *шизофрения* канет в историю, как это уже случилось с водянкой. Исторически сложилось, что в классификации болезней в психиатрии, в конце концов, побеждает «самый известный профессор», но будущее должно быть построено на профессиональной дискуссии, фактах и опыте, который переживают сами пациенты.

Заключение.

Итак, мы рассмотрели концепт *шизофрения* и вербализующее его терминологическое поле с точки зрения теории знания и познания, как результат когнитивной деятельности специалистов-психиатров. Приведённые в статье исторические факты и примеры доказывают справедливость мысли, высказанной Н.Н. Болдыревым, что «любая наука сильна именно

многообразием точек зрения, подходов, направлений, благодаря которым обеспечивается её развитие, а не своим догматизмом. Познание окружающего мира представляет собой сложный, многофакторный процесс взаимодействия вербальных и невербальных средств, различных когнитивных систем и форм познания. [2, с. 251]. Именно этот факт обуславливает развитие концептуального содержания большинства медицинских терминов и их роль в познании человеческого организма.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная лингвистика: Курс лекций по английской филологии – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – 123 с.
2. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. – 480 с.
3. Буянов М.И. Лики великих, или знаменитые безумцы. И.–М. Российское общество медиков-литераторов, 1994. – 120 с.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков: [сб. науч. работ]/ ред.: Т.В. Булыгина, пер.: А.Д. Шмелев, А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 1999. – 791 с.
5. Голованова Е.И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. – Вып. 8. – № 33, Екатеринбург, 2004. – С. 18-24.
6. Елизова Т.К. Специфика научного концепта «время» в английском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 7. – С. 87-89.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: 2004. – 389 с.
8. Кравченко А.В. Четыре тезиса к новой философии языка // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Тез. Междунар. научно-практич. конф. – Челябинск, 2001. – С. 5-6.

9. Кубрякова Е.С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // Реальность, язык и сознание. – Тамбов, 2002. – С. 5-15.
10. Новодранова В.Ф. Средства выражения когнитивной сложности научного знания (на материале языка медицины) // Когнитивное исследование языка: Материалы круглого стола «Факторы и механизмы языковой когниции». – Вып. XV. – Тамбов, 2013. – С. 353-361.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. – 314 с.
12. Психиатр Саймон Маккарти Джонс: Шизофрени, какой мы её знали, больше не существует. [Электронный ресурс]. – URL: <https://snob.ru/entry/150727>.
13. Рид Дж. Изобретение шизофрени // Модели безумия: Психологические, социальные и биологические подходы к пониманию шизофрени/ Под ред. Дж. Рида, Л.Р. Мошера, Р.П. Бенталла. – Ставрополь: Возрождение, 2008. – 412 с.
14. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2004. – 982 с.
15. Татаринов В.А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь. – М.: «Московский лицей», 2006. – 528 с.
16. Чернявский М.Н. Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии / Энциклопедический словарь медицинских терминов, Т.III. – М.: «Советская энциклопедия», 1984. – С. 410-425.
17. Юнг К.Г. Либидо, его метаморфозы и символы. – СПб. Восточно-Европейский институт психоанализа, 1994. – 416 с.
18. Bleuler E. Dementia Praecox or the Group of Schizophrenias. – New York: International Universities Press, 1950. – 548 p.
19. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders-IV. [Электронный ресурс]. – URL: <https://books.google.ru>.

References

1. Boldyrev N.N. Kognitivnaya lingvistika: Kurs lekcij po anglijskoj filologii [Cognitive Linguistics], Tambov, 2002. – 123 p.
2. Boldyrev N.N. Yazyk i sistema znanij. Kognitivnaya teoriya yazyka. [Language and the System of Knowledge. A Cognitive Theory of Language], 2019. – 480 p.
3. Buyanov M.I. Liki velikih, ili znamenitye bezumcy [Images of Great People or Famous insanes], 1994. – 120 p.
4. Vezhbickaya A. Semanticheskie universalii i opisanie yazykov, [Semantic Universals and Description of Langauges], 1999. – 780 p.
5. Golovanova E.I. Lingvisticheskaya interpretaciya termina: kognitivno-kommunikativnyj podhod [Linguistic Interpretation of a Term: Cognitive and Communicative Approach], Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2004. – Vyp. 8. – № 33. – pp. 18-24.
6. Elizova T.K. Specifika nauchnogo koncepta «vremya» v anglijskom i russskom yazykah [Specificity of Scientific Concept “Time” in English and Russian Languages] Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2012. – №7. – pp. 87-89.
7. Karasik V.I. Yazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: Personality, Cocepts, Discourse], 2004. – 389 p.
8. Kravchenko A.V. Chetyre tezisa k novej filosofii yazyka [Four theses for New Philosophy of a Language], Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticeskom i kul'turologicheskom aspektah [Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects], 2001. – pp. 5-6.
9. Kubryakova E.S. O sovremennom ponimanii termina «koncept» v lingvistike i kul'turologi [Modern Understanding of the Term “Concept” in Linguistics and Culturology], Real'nost', yazyk i soznanie [Reality, Language and Perception], 2002. – pp. 5-15.

10. Novodranova V.F. Sredstva vyrazheniya kognitivnoj slozhnosti nauchnogo znaniya (na materiale yazyka mediciny) [Means of Representation of Cognitive Complexity of Scientific Knowledge (as exemplified in the Language of Medicine)], Kognitivnoe issledovanie yazyka: Materialy kruglogo stola «Faktory i mekhanizmy yazykovoj kognicii» [Cognitive Studies of Language], 2013. – Vyp. XV. – pp. 353-361
11. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive Linguistics], 2007. – 314 p.
12. Psihiatr Sajmon Makkarti Dzhons: Shizofrenii, kakoj my eyo znali, bol'she ne sushchestvuet [The Concept of Scizophrenia is Coming to an End – Here's Why], URL: <https://snob.ru/entry/150727>.
13. Rid Dzh. Izobretenie shizofrenii [The Invention of Scichizophrenia]. Modeli bezumiya: Psihologicheskie, social'nye i biologicheskie podhody k ponimaniyu shizofrenii [Model of Madness: Psychological, Social and Biological Approaches to Schizophrenia], 2008. – 412 p.
14. Stepanov Yu.S. Konstanty: slovar' russkoj kul'tury [Constants: The Dictionary of Russian Culture], 2004. – 982 p.
15. Tatarinov V.A. Obshchee terminovedenie: enciklopedicheskij slovar [General Terminology Science. Encyclopaedic Dictionary], 2006. – 528 p.
16. Chernyavskij M.N. Kratkij ocherk istorii i problem uporyadocheniya medicinskoj terminologii [Profile of the History and Problems of Regulation of Medical Terminology], Enciklopedicheskij slovar' medicinskih terminov [Encyclopaedic Dictionary of Medical Terms], 1984. – Vol. 3. – pp. 410-425.
17. Yung K.G. Libido, ego matamorfozy i simvol'y [Transformations and Symbols of the Libido], SPb. – 1994. – 416 p.

**TO THE QUESTION OF THE PROBLEM OF COMMUNICATIVE
BEHAVIOR OF THE MULTICULTURAL PERSONALITY OF A FOREIGN
STUDENT**

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ КОММУНИКАТИВНОГО
ПОВЕДЕНИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ ИНОСТРАННОГО
ОБУЧАЮЩЕГОСЯ**

The article is devoted to the problem of the formation of communicative behavior of a multicultural personality of a foreign student. Modern processes of globalization and internationalization have a significant impact on the development of higher education in all countries of the world. The article presents the relevance of the development of the communicative behavior of the multicultural personality of a foreign student. The author analyzes the content of the concepts of “communicative behavior”, “multicultural personality” and offers the definition of “multicultural personality of a foreign student”. The functional components that are necessary for the development of the multicultural personality of a foreign student are listed and examples of factors that reduce the level of communicative behavior are given.

Key words: communicative behavior, intercultural interaction, culture, multicultural personality, multicultural personality of a foreign student, educational environment, social adaptation, language.

Статья посвящена проблеме формирования коммуникативного поведения поликультурной личности иностранного обучающегося. Современные процессы глобализации и интернационализации оказывают значительное влияние на развитие системы высшего образования всех стран мира. В статье представлена актуальность развития коммуникативного поведения поликультурной личности иностранного обучающегося. Автор анализирует содержание понятий «коммуникативное поведение», «поликультурная личность» и предлагает определение «поликультурная личность иностранного обучающегося». Перечислены функциональные компоненты, которые необходимы для развития поликультурной личности иностранного обучающегося, и приведены примеры факторов, снижающих уровень коммуникативного поведения.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, межкультурное взаимодействие, культура, поликультурная личность, поликультурная личность иностранного обучающегося, образовательная среда, социальная адаптация, язык.

Since the beginning of the 2000s, extensive processes of globalization and internationalization have been rapidly developing, resulting, among other things, in increased interest of universities in the education of foreign citizens. Internationalization is a long process in which the present socio-cultural reality offers

intercultural interaction in the educational system in various conditions of cultural diversity and standardization. The internationalization of higher education increases the importance of the multicultural education of foreign students. In recent years, researchers have focused on the multicultural education of foreign citizens as students of Russian universities and the multicultural personality of a foreign student. Thus, the issues of communicative behavior of the personality of a foreign student, as well as formed communication skills and the possibility of their application, acquire a great importance.

We consider it is necessary to clarify such concepts as “multicultural personality” and “multicultural personality of a foreign student”. We find interesting Yu.V. Agranat’s definition of a “multicultural personality” as a tolerant person, with a highly developed sense of empathy, emotionally stable, able to live in a multinational world, interact with people of different cultural, racial, ethnic, or other groups, successfully function in a diverse modern society [1, p. 59]. The opposite point of view is expressed by G.B. Kuchikova: “A multicultural person refers to a creative, humanistic, bilingual, ethno-tolerant person with formed culture-forming values, possessing cultural competence, self-identification, intercultural communication skills in cultural pluralistic environment, adaptation to other cultural values, capable of creating material and spiritual wealth. A multicultural person is a subject with a positive self-concept” [3, p. 38], and L.V. Ivanova believes that “when speaking of multiculturalism as the ability to engage in dialogue, to understand a person of a different culture, to accept him the way he is, and also as the possibility of enriching his own culture, when understanding another we enrich ourselves. We believe that multiculturalism is one of the effective means of confronting the negative consequences of globalization” [2, p. 83].

After examining various sources we came to the conclusion that a multicultural person is a tolerant person, presumably bilingual, able to develop in a multicultural space. We perceive a multicultural person as a person who has a high level of development of spiritual and moral values, labor skills, is in constant search for new information, in the stage of self-improvement and development, with the ability and

skills to correctly assess the events of the international life of society and the state taking into account spiritual and moral values of the individual.

We take into account that the concept of a multicultural personality of a foreign student is complex and multidimensional; it also includes many components, criteria, parameters and a whole system of personal qualities. It is necessary to clarify the subject of understanding the multicultural personality of a foreign student – this is a foreign citizen who is staying on the territory of the Russian Federation and is studying at a university. Note that for a foreign citizen, foreign language proficiency (English, Russian, French, Arabic, Spanish, etc.) opens up wide possibilities: mobility in intercultural space, communication and mutual understanding, openness, and in-touch capabilities. It should be noted that in this article we take as multicultural personality of a foreign student a foreign citizen who has arrived to study at a higher educational institution on the territory of the Russian Federation.

For the successful implementation of the educational process, a foreign citizen must have: multicultural qualities, a basic level of knowledge of the language and culture of the host country, non-confrontational attitude, respect and understanding of this culture, as well as knowledge of the rules for staying as a foreign citizen in the state. [5, p. 99]. We are interested in the process of formation of communicative behavior and multicultural personality skills of a foreign student.

I.A. Sternin's research in the field of studying a model for describing communicative behavior offers to consider communicative behavior as a set of norms and traditions of communication of a nation, of social, age, gender, professional and other groups, as well as of individuals. The author stresses that “the communicative factor is a unit of communicative parameters, on the basis of which one can describe the communicative behavior of a multicultural personality” [7, p. 8].

According to the scientist, we present the practical orientation of this article as the verbal and non-verbal communicative behavior of the multicultural personality of a foreign student in standard communicative situations (meeting, greeting, acquaintance, leave-taking, apology, congratulation, prohibition, refusal, remark, prompting, compliment, etc.) to the following communication areas: communication

with teachers at the university, communication with foreign citizens, communication in a cafe, communication on the street, communication in the spare time, written communication, telephone communication, etc. Gestures (affirmation, denial, consent, disagreement, request, joy, grief) can be attributed to non-verbal communicative behavior.

The main difficulty for foreign citizens of near and far abroad studying in a Russian university consist in the fact that learning or improving the form of communicative behavior is supported by disciplines developed and implemented as an addition to the curriculum of educational programs in terms of addition of hours of the Russian language due to the variable and elective disciplines, as well as the teaching of the discipline "Russian as a Foreign Language". The difficulties include the level of students' involvement in the educational process and the socio-educational environment of the university.

The prospect for solving this problem consists in the participation of foreign students in Olympiads, conferences, creative and musical evenings, where communication in the language of culture takes place. That is, cognitive conditions through communicative behavior are sustained, during which the analysis of the information received, comparison, acceptance or denial, juxtaposition occurs. Thus, the result of all these processes is the knowledge gained about the foreign language culture, which helps the multicultural personality of foreign students to learn more about the country's culture. [6, p. 49].

It is necessary to clarify that in the present article we do not dwell on the problem of adaptation of foreign citizens studying at a university; we conclude that the quality of their professional training is affected by socio-cultural adaptation both in the host country and in the educational institution. Attention to the above issue in higher education institutions of the Russian Federation is relevant.

In our opinion, the presence of modern gadgets fitted with such programs as Google Translator, Yandex Translator and others, significantly reduces the development of communication skills among foreign students. In turn, this "simplified" approach violates the verbal and cogitative process of a multicultural

personality, simplifies, reduces and supplants communicative behavior in socio-cultural spheres. It is not difficult for a foreign citizen who does not speak Russian to make purchases, due to the fact that at present every city has chain stores where one can make purchases without engaging in dialogue with sellers and cashiers, and make payments by bank transfer. Leisure or free time is not spent visiting the theater or cinema; but due to the lack a sufficient level of language proficiency, to understand what happening, companies of like-minded is people are forming groups where communication takes place in their native language. In the studied problems of communicative behavior, the central issues are the need for work upon multicultural education of foreign students. Our own observations and special studies in this regard showed that for all conditions created for the convenience of a modern person, it is necessary to use a differentiated approach, for example, replace the use of an electronic translator with a dictionary, through which one can increase his vocabulary. However, new challenges put forward new approaches to their solution in the education system as well. In this article, we intentionally draw attention to the problem of the formation of the communicative behavior of the multicultural personality of a foreign student. We believe that the complex of all types of work in this direction (increasing in-class hours in the field of "Russian as a Foreign Language", active work on the social adaptation of foreign citizens studying at the university, the opportunity to have a permanent communicative contact, involvement in events held at the university and in the city and much more) will significantly improve the results.

Summing up, we should note that the key task of the multicultural personality of a foreign student is the preservation and mutual development of cultural values. The multicultural personality of a foreign student is a multifaceted personality with a dual nature, who speaks at least two languages (the language of the state of his citizenship and dialects). The study of the Russian language as a means of intercultural interaction, which is necessary for educational activities in the Russian Federation, plays a great role for the intellectual development of a multicultural personality in modern society. The motivating factor, in our opinion, is the

knowledge of the language, words, expressions related to everyday realities. The formation of a multicultural personality of a foreign student, capable of cultural communication, should become a necessary component of the formation of a professional personality in the process of studying at a university.

References

1. Agranat Yu.V. Formirovanie polikul'turnoj lichnosti budushhix specialistov social'noj sfery` pri obuchenii inostrannomu yazy`ku v vuze [The formation of a multicultural personality of future social specialists in teaching a foreign language at a university]: Dis. k. ped. n. – Chabarovsk, 2009. – 186 p.

2. Ivanova L.V., Agranat Yu.V. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya polikul'turnoj lichnosti studentov v kontekste obucheniya inostrannomu yazy`ku v vuze [Pedagogical conditions for the formation of a multicultural personality of students in the context of teaching a foreign language at the university]. Fundamental'ny'e issledovaniya [Basic research]. 2013. – № 1–1. – pp. 82 – 84.

3. Kuchikova G.B. O roli uchitelya v polikul'turnom obrazovanii mladshix shkol'nikov [On the role of a teacher in multicultural education of primary school students]. G.B. Kuchikova, Kazakstan kәsipkeri [Kazakhstan Professional]. 2010. – № 11 (90). – pp. 38-39.

4. Madzhaeva S.I. Gagarina E.Yu. Meditsinskiy internet-forum i sotsialnaya set: opredeleniye i funktsii [Medical Internet Forum and Social Network: Definition and Functions]. Vestnik chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. – № 6 (428). – pp. 101-106.

5. Satretdinova A.Kh. Lingvokul'turologicheskij podhod v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [Linguoculturological approach in teaching Russian as a foreign language]/ Lingvistika v sovremennom mire: Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pod nauchnoj redakciej E.V. Shutovoj. – Moskva, 2010. – pp. 98-102.

6. Satretdinova A.Kh., Penskaya Z.P. Obuchenie mezhkul'turnoj kommunikacii na zanyatiyah po russkomu yazyku kak inostrannomu [Teaching

intercultural communication in the classes of Russian as a foreign language]/ Термины в коммуникативном пространстве: Материалы научно-практической конференции с международным участием. 2017. – pp. 48-53.

7. Sternin I.A. Modeli opisaniya kommunikativnogo povedeniya [Models for describing communicative behavior]. – Voronezh: «Garant», 2000. – 27 Liaens. – Ed. 2. corr. 2015.

Литература

1. Агранат Ю.В. Формирование поликультурной личности будущих специалистов социальной сферы при обучении иностранному языку в вузе: Дис. ... к. пед. н. – Хабаровск, 2009. – 186 с.

2. Иванова Л.В., Агранат Ю.В. Педагогические условия формирования поликультурной личности студентов в контексте обучения иностранному языку в вузе // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 1–1. – С. 82-84.

3. Кучикова Г.Б. О роли учителя в поликультурном образовании младших школьников // Қазақстан кәсіпкері = Профессионал Казахстана. – 2010. – № 11 (90). – С. 38-39.

4. Маджаева С.И., Гагарина Е.Ю. Медицинский интернет-форум и социальная сеть: определение и функции // Вестник челябинского государственного университета. – 2019. – № 6 (428). – С. 101-106.

5. Сатретдинова А.Х. Лингвокультурологический подход в преподавании русского языка как иностранного // Лингвистика в современном мире: Материалы II Международной научно-практической конференции. Под научной редакцией Е.В. Шутовой. – Москва, 2010. – С. 98-102.

6. Сатретдинова А.Х., Пенская З.П. Обучение межкультурной коммуникации на занятиях по русскому языку как иностранному // Термины в коммуникативном пространстве: Материалы научно-практической конференции с международным участием. 2017. – С. 48-53.

7. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения – Воронеж: «Гарант», 2000. – 27 Лиценс. – Изд. 2. испр. 2015.

УДК 316.77:81:004.43

Е.И. Голованова

E.I. Golovanova

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОЛЛОКВИАЛИЗМ: МЕЖДУ ОБЫДЕННЫМ
И СПЕЦИАЛЬНЫМ
PROFESSIONAL COLLOQUIALISM: BETWEEN ORDINARY AND
SPECIAL**

Статья посвящена рассмотрению промежуточного статуса профессионального коллоквиализма, под которым понимается единица устной коммуникации профессионалов в условиях повседневной практической деятельности. На конкретных примерах автор показывает, что данный разряд единиц одновременно вербализует специальное знание об объектах, явлениях и отношениях, значимое для выполнения задач профессиональной деятельности, и обыденное знание, сформированное в рамках национальной культуры на основе когнитивных механизмов повседневного дискурса.

Ключевые слова: профессиональный коллоквиализм, профессиональная коммуникация, специальное знание, обыденное знание, дискурс повседневности.

The article views an intermediate status of professional colloquialism understood as a unit of oral communication of professionals in everyday practice. The examples under the author's analysis show that this category of the units simultaneously verbalizes special knowledge about objects, phenomena and relations, which is important for performing professional activity tasks, and everyday knowledge formed within the framework of the national culture on the basis of cognitive mechanisms of everyday life discourse.

Key words: professional colloquialism, professional communication, special knowledge, everyday knowledge, discourse of everyday life.

Одним из перспективных направлений современного терминоведения выступает анализ различных типов и видов профессионального знания, объективированного средствами языка, установление важнейших форматов хранения тех или иных видов знания в языке. С этих позиций профессионализм, или **профессиональный коллоквиализм**, как единица устной коммуникации специалистов в условиях повседневной практической деятельности, представленная во всех профессиональных сферах, является

значимым объектом анализа в силу своего промежуточного статуса – между специальным и обыденным знанием.

Исследование профессиональных коллоквиализмов затрудняется из-за отсутствия полного (сводного) словаря устной профессиональной лексики и фразеологии в русском и других языках, хотя необходимость создания такого словаря вполне отрефлексирована исследователями и рассматривается в качестве значимой научной задачи [10, с. 12-13]. Существующие собрания профессиональной лексики, используемой в устной коммуникации представителей определенных сфер деятельности (в виде отдельных изданий или приложений к диссертациям) демонстрируют весьма различные подходы к отбору и интерпретации такой лексики, в результате чего в словарь без всякой дифференциации могут быть включены используемые в устной среде термины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы.

Некоторые из интересующих нас в настоящем исследовании единиц зафиксированы в толковых словарях разговорной речи. Например, в «Словаре современного русского города» под редакцией Б.И. Осипова [9] представлено около 200 профессиональных коллоквиализмов, большая часть из которых сопровождается указанием на конкретную сферу применения лексики. Немалое количество специальных лексем содержится в «Толковом словаре русской разговорной речи» (вып. 1, 2) под редакцией Л.П. Крысина. В предисловии к этому словарю указывается, что границы между разговорным и жаргонным, разговорным и просторечным регистрами в языке в настоящее время размываются [11]. Сходные процессы, по нашим наблюдениям, отмечаются и в сфере устной профессиональной коммуникации, что, конечно, не упрощает изучение соответствующих единиц.

В чем состоит промежуточный статус профессионального коллоквиализма? С одной стороны, коллоквиализмы в профессиональной среде отражают особенности восприятия и осмысления объектов и явлений специалистами-практиками и транслируют значимую для них *специальную информацию*. С другой стороны, в отличие от терминов они преимущественно

опираются на *обыденное знание*, т.е. знание, не свободное от национально-культурных стереотипов и полученное в результате действия когнитивных механизмов, актуальных для дискурса повседневности. Специфика обыденного восприятия и зафиксированного на его основе знания отчетливо проявляется в ситуациях речевой коммуникации специалиста с неспециалистом (см. об этом: [8]).

Термины, выступая обозначениями специальных объектов, явлений и отношений, в совокупности представляют собой внутренне упорядоченное целое, логико-лингвистическую модель определенной сферы знания или деятельности [7, с. 26], в соответствии с чем носят системный (систематичный) характер, главная их роль – быть инструментом теоретического познания. Во многих работах подчеркивается, что термины соотносятся с понятиями, содержание которых раскрывается в дефиниции (не случайно наличие дефиниции представителями Московской терминологической школы признается в качестве одного из важнейших признаков термина [5, с. 30]). Как отмечают когнитологи, специфика понятий – в том, что они **конструируются**, об их содержании **договариваются** [6, с. 27].

Профессионализмы же выступают инструментом практического познания, в них отражено своеобразие эмпирического опыта профессионалов. Профессионализмы рождаются в ходе повседневной предметно-практической деятельности людей и вербализуют неявное знание, не рефлекслируемое сознанием (подробнее см.: [4]), поэтому содержание профессионализмов **реконструируется** в ходе лингвистического анализа. Когнитивные структуры, стоящие за профессионализмами, характеризуются тесным переплетением специального знания с обыденным [2]. По сравнению с терминами, профессионализмы не образуют системы, здесь проблематично выделить регулярные модели номинации специальных объектов. Главная задача профессионализма – зафиксировать в языковой форме и транслировать образ того или иного объекта профессиональной деятельности в сознании специалистов.

Ранее мы выделили две основные группы профессионализмов: 1) собственно профессионализмы и 2) коммуникативные профессионализмы [1; 3]. Именно первый тип единиц отражает специфические познавательные процессы в ходе предметно-практической деятельности людей. Здесь преимущественно представлены наименования, возникшие в результате метафорического или метонимического переноса, благодаря чему они не только обладают мотивированностью и образностью, но и характеризуются такими свойствами, как многозначность и семантическая неопределенность. Например, в коммуникации представителей целого ряда профессий употребляется наименование *рыба*. В среде музыкантов под рыбой подразумевается рабочий вариант мелодии (или текста); переводчики называют рыбой черновой вариант перевода; журналисты – предварительно собранный и подготовленный материал для публикации; в общении научных работников этим словом обозначают заготовку отзыва, рецензии или характеристики; веб-дизайнеры используют его в значении «временное наполнение макета страницы для имитации ее законченного вида»; в деловой среде повсеместно *рыба* – это шаблон документа, используемый для составления окончательного текста. В основе всех наименований лежит нечто общее, а именно материализованная схема, макет будущего произведения как связного целого (своего рода «скелет», который в дальнейшем «обрастает мясом»). Иными словами, в специальном референте профилируется наличие структуры, при этом довольно простой (ср. у рыбы: голова, позвоночник и хвост).

В профессиональной речи строителей используется слово *сапожок* как обозначение напольного плинтуса, напоминающего в разрезе форму сапога – с высоким голенищем и закругленным носком. В стоматологии *сапожком* именуется патология, связанная с формой корней зуба: в нормальном состоянии они расположены вертикально, а в указанном случае их концы образуют закругление («растут сапожком»).

В приведенных примерах образная концептуализация качеств специального объекта способствует легкой и быстрой передаче информации в условиях устной неформальной коммуникации профессионалов.

При знакомстве с русским корпусом неформальных обозначений в профессиональной среде обращает на себя внимание активность «деревянных» номинаций. Например, в речи лепщиц пельменей используется профессионализм *деревянное тесто* для обозначения непластичного, «мертвого» теста, т.е. лишенного значимых для профессиональной деятельности свойств. В речи журналистов-газетчиков зафиксирован фразеологизм *резьба по дереву* как вид деятельности, связанный с литературной обработкой заметок нештатников и практикантов.

Значительную группу наименований в устном общении профессионалов объединяет информация об отсутствии у специальных объектов тех или иных типичных связей. При этом в качестве основы вторичного семиозиса часто используются лексемы, отражающие стереотипные для национального мировосприятия образы. Так, в речи рабочих, которые занимаются остеклением балконов, зафиксировано слово *кукушка* для обозначения балкона последнего этажа. В этом названии отражено характерное для русской культуры осмысление кукушки через символику одиночества как нарушения привычных связей: фиксируется отсутствие стандартной связи объекта с находящимся выше балконом, что влечет необходимость сооружения дополнительного контура конструкции. Еще пример – наименование *сирота* в речи водителей пассажирского транспорта. Так называют кондукторов, не закрепленных за определенным водителем. Мотивировочным признаком выступает отсутствие значимой с точки зрения профессионалов связи между водителем и кондуктором, которые, как следует из номинации, осмысляются как близкие, родные люди.

Наиболее значимой при классификации объектов в сфере предметно-практической деятельности является их визуально-деятельностная характеристика. Через отдельный признак номинатор целостно воспринимает

объект. Чаще всего таким признаком выступает форма (*галстук, звездочка, баранка, карандаш, портянка, рукав, рогатый, кишка, лягушка, пушка, пистолет* и др.), размер (*малыш, коротышка, семечки, клопы, чемодан, балда*), характерная функция (*удавка, царанка, клевак, ползун, бегунок, пиявка, тиски, паровоз, крокодил*), качественная (*деревянное тесто, больной вагон, слепое тиснение, бархатный путь, окно, мигалка*) или количественная (*свадьба, деревня* – о поездах, *пара, двойник, двойняшки*) характеристика, а также материал, из которого сделан предмет (*железо, картонка*), или типичный цвет в качестве опознавательного знака (*мухоморик* – дежурный по станции в красной шапочке, *черный экран* и т. п.).

При этом восприятие формы оказывается доминирующим в механизме познания профессионального объекта: *портянка* – наряд на работу или расчетный листок, индивидуальная зарплатная ведомость; *блины* – автомобильные колонки; *головка* – привод ленточного или скребкового конвейера; *зубок* — режущий инструмент с победитовой напайкой, резец; *поросенок* – концевой редуктор конвейера проходческого комбайна; вытянутые предметы: *кишка, нитка, веревка*; сдвоенные объекты: *штаны* – двойной патрубок вентиля в шахте.

Конечно, каждая деятельность отличается собственными когнитивными параметрами, при этом важную роль играет оценка профессиональных объектов. Во многих случаях оценка выражается непрямо, имплицитно, например: *горбатый* – троллейбус с «гармошкой», то есть троллейбус, перевозящий большее количество пассажиров, чем обычно (ср. *горбатиться* – напряжённо трудиться, *горбатая смена* – тяжёлая смена). В этом примере скрыто выражена отрицательная оценка предмета с точки зрения водителей. Негативное осмысление содержится и в профессиональных номинациях, изначально связанных с миром животных: *ошейник* – ремень безопасности в автомобиле; *намордник* – респиратор у шахтёров.

Отрицательная оценка очевидна в следующих наименованиях из речи водителей: *барбухайка* – автобус из стран бывшего союза, произведенный на

ремонтном или непрофильном заводе (не доведенный до нужного состояния); *ведро* – автомобиль марки «Ока», *ведро с болтами (с гайками, с мотором)* – старый, разбитый автомобиль. Водители пассажирского транспорта о тех, кого они перевозят, пренебрежительно говорят: *мослы, дрова* («не дрова везешь!»); *костыли* – о медлительных пассажирах. Положительная оценка проявляется в наименовании *лайнера* (из речи копирайтеров) – краткий анонс передачи, часто содержащий рекламную информацию о спонсорах (в названии подчеркнута легкость восприятия текста, быстрота его воздействия и функция «перевозки», трансляции нужной информации).

Весьма интересны общие характеристики интерпретируемой профессиональной реальности. Для любого специалиста главным является *деятельностное* осмысление предметов и явлений. Типичное состояние любых предметов, которые окружают профессионала, и его собственное состояние – это активность, движение. Маркеры статичности вербализованы в таких единицах, как *тормозок* – еда, принесенная с собой на работу (раб.), *зажим* – ограничение активности актера, помеха (театр.).

Нами выделены также ряды однокоренных слов с общим признаком «отсутствие движения, фиксированность позиции, статичность». Например, профессиональные обозначения с корнем *глух-*: *глухое окно* (неподвижное окно, не открывающееся, без возможности доступа воздуха), *глушить* (в волейболе – отбивать мяч без возможности ответного удара, когда контакт закрыт), *глухарь* – нераскрытое уголовное дело (здесь подчеркнуто отсутствие движения в расследовании), ср. также: *глухая кража, мокрый глухарь* (о нераскрываемых или нераскрытых преступлениях).

Сходный признак выражается профессионализмами с корнем *вис-*: *висяк* – нераскрытое преступление (дело «висит», то есть не движется); *повиснуть* – у водителей: не въехать в подъем из-за скользкого покрытия, буксовать; *зависнуть на трубе* – о больном, если долго не удастся снять его с аппарата искусственной вентиляции легких («Петров неделю на трубе висит», т.е. находится в одном положении, без изменений). Ср. в речи бухгалтеров: *висят*

остатки – числятся в учете («Остатки висят уже полгода»); *висяк* – программа, которая приводит к зависанию компьютера. Ограничение движения в языке шахтеров репрезентировано словом *мышеловка* – так говорят о шахте с одним стволом, без запасного выхода и вентиляции.

В профессиональном предмете в целом очень важна его *готовность функционировать*. Это демонстрируют, например, следующие наименования: *больной вагон* – неисправный в техническом отношении; *несвежий светофор* – «непроходимый» для грузового автомобиля (времени для проезда перекрестка недостаточно); *убитый шрифт* – неразличимый для восприятия шрифт; *убить поезд* – нарушить график работы поезда; *глаз замылился* – об ослабленном внимании при проверке письменных работ учащихся. Сравните также: *штопать путь* – подбивать шпалы (здесь выражено представление о нарушенной целостности чего-либо), *штопать бочку* – заваривать отверстия (то есть делать предмет пригодным к употреблению), *штопать* – мед. накладывать швы (возвращая функциональность).

Таким образом, профессиональные коллоквиализмы оказываются весьма важным объектом изучения процессов познания, концептуализации и категоризации действительности. Их сущностные черты обусловлены связью с практической деятельностью людей и отражают их практическое сознание.

При осмыслении статуса и роли профессиональных коллоквиализмов в языке уместно вспомнить известные слова Льва Владимировича Щербы: «Я думаю вообще, что литературный язык меньше сам создает, чем берет созданное жизнью, а языковая жизнь бьется и кипит главным образом в разговорном языке отдельных человеческих группировок» [14].

Литература

1. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение – М.: Флинта; Наука, 2011. – 224 с.
2. Голованова Е.И. Обыденное профессиональное сознание в лингвистическом аспекте // Вестник Пятигорского гос. лингв. ун-та. – 2016. – №

2. – С. 144-148.

3. Голованова Е.И. Профессионализм как языковая единица на перекрестке когниции и коммуникации // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 32. – С. 602-610.

4. Голованова Е.И. Устная профессиональная лексика как концептуализация неявного знания // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № 6. – С. 532-534.

5. Гринев С.В. Введение в терминоведение – М.: Московский Лицей, 1993. – 309 с.

6. Демьянков В.З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. – М.; Калуга, 2007. – С. 26-33.

7. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура – М.: КомКнига, 2006. – 256 с.

8. Маджаева С.И. Тематическая когерентность в медицинском дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. – 2012. – № 1 (15). – С. 196-199.

9. Словарь современного русского города / под ред. Б.И. Осипова. – М.: Русские словари: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2003. – 565 с.

10. Солнышкина М.И. Двужычная социолектография: состояние и проблемы // Филология и культура. – 2013. – № 4 (34). – С. 125-132.

11. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. А–И / отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 776 с.

12. Фельде О.В. Лексика профессионального субстандарта в лексикографическом освещении // Вестник Новосибирского гос. ун-та. – 2012. – Т. 11, № 9. – С. 41-45.

13. Фельде О.В. Проблемы и перспективы лексикографического описания русского профессионального субстандарта // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33 (248). – С. 209-212.

14. Щерба Л.В. Современный русский литературный язык // Архив петербургской русистики. – URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba5.htm>.

References

1. Golovanova E.I. Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie. [Introduction to Cognitive Terminology] – М.: Flinta; Nauka, 2011. – 224 p.
2. Golovanova E.I. Obydennoe professional'noe soznanie v lingvisticheskom aspekte [Ordinary professional consciousness in the linguistic aspect]/ Vestnik Pjatigorskogo gos. lingv. un-ta. – 2016. – № 2. – pp. 144-148.
3. Golovanova E.I. Professionalizm kak jazykovaja edinica na perekrestke kognicii i kommunikacii [Professionalism as a language unit at the crossroads of cognition and communication]/ Kognitivnye issledovanija jazyka. – 2018. – № 32. – pp. 602-610.
4. Golovanova E.I. Ustnaja professional'naja leksika kak konceptualizacija nejavnogo znanija [Oral professional vocabulary as the conceptualization of implicit knowledge]/ Kognitivnye issledovanija jazyka. – 2010. – № 6. – pp. 532-534.
5. Grinev S.V. Vvedenie v terminovedenie [Introduction to terminology]. – М.: Moskovskij Licej, 1993. – 309 p.
6. Dem'jankov V.Z. «Koncept» v filosofii jazyka i v kognitivnoj lingvistike [«Concept» in the philosophy of language and in cognitive linguistics]/ Konceptual'nyj analiz jazyka: sovremennye napravlenija issledovanija: sb. nauch. tr. – М.: Kaluga, 2007. – pp. 26-33.
7. Lejchik V.M. Terminovedenie: Predmet, metody, struktura [Terminology: Subject, methods, structure]. – М.: KomKniga, 2006. – 256 p.
8. Madzhaeva S.I. Tematicheskaja kogerentnost' v medicinskom diskurse [Thematic coherence in medical discourse]/ Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Jazykoznanie. – 2012. – № 1 (15). – pp. 196-199.

9. Slovar' sovremennogo russkogo goroda/ pod red. B.I. Osipova [Dictionary of the modern Russian city]. – M.: Russkie slovari: Astrel': AST: Tranzitkniga, 2003. – 565 p.
10. Solnyshkina M.I. Dvujazychnaja sociolektografija: sostojanie i problemy [Bilingual sociolectography: state and problems]/ Filologija i kul'tura. – 2013. – № 4 (34). – pp. 125-132.
11. Tolkovyj slovar' russkoj razgovornoj rechi. Vyp. 1. A–I/ otv. red. L.P. Krysin [Explanatory dictionary of Russian colloquial speech. Vol. 1. A – I]. – M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. – 776 p.
12. Fel'de O.V. Leksika professional'nogo substandarta v leksikograficheskom osveshhenii [Vocabulary of professional sub-standard in lexicographic lighting]/ Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. – 2012. – T. 11, № 9. – pp. 41-45.
13. Fel'de O.V. Problemy i perspektivy leksikograficheskogo opisanija russkogo professional'nogo substandarta [Problems and prospects of the lexicographic description of the Russian professional substandard]/ Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 33 (248). – pp. 209-212.
14. Shherba L.V. Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk [Modern Russian literary language]/ Arhiv peterburgskoj rusistiki. – URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba5.htm>.

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ В НАЧАЛЕ XXI
ВЕКА**

**SOME FEATURES OF DEVELOPMENT OF TERMINOLOGY SCIENCE
AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY**

В статье представлены результаты анализа особенностей развития терминоведения в начале XXI века. Указывается о продолжении традиций, заложенных в XX веке. Отмечаются новые направления, новые методики и новые формирующиеся терминоведческие школы в современном терминоведении. В стремительном процессе развития всех видов межкультурной коммуникации терминоведение играет решающую роль при достижении ожидаемых результатов. Подчеркивается необходимость введения дисциплин по основам терминоведения в обучении не только гуманитарным, но и техническим специальностям.

Ключевые слова: терминоведение, терминография, термин, семантическое поле, терминология, когнитивное терминоведение, дискурсология, антропологистика, межкультурная коммуникация, персонология, лингвистика интернета.

The article presents the results of analysis of features of terminology science at the beginning of the XXI century. At present alongside with continuation of traditions established in the previous century there are new directions, new methods and new forming terminological scientific schools. In the rapid development of all types of intercultural communication, terminology plays a crucial role in achieving the expected results. The necessity is stressed to introduce courses in foundations of terminology science not only in humanities but also in technical specialities.

Key words: terminology science, terminography, term, semantic field, terminology, cognitive terminology science, discoursology, anthropolinguistics, intercultural communication, personology, Internet linguistics.

Введение

Терминоведение в качестве самостоятельной научной дисциплины сформировалось к концу XX века и в сравнении с другими отраслями научного знания имеет непродолжительный исторический путь своего развития. Но при этом следует заметить, что терминоведение – это то явление, которое позволяет говорить о степени развития профессиональной когниции в любой отрасли знания.

Научные и научно-практические исследования по терминоведению будут всегда востребованы обществом, поскольку связаны с изучением, анализом,

классифицированием, упорядочением тех языковых явлений, которые обеспечивают обществу результативность профессионального общения, в том числе – межкультурной профессиональной коммуникации.

Начало XXI века – это время, которое ознаменовалось для терминоведения не только своим дальнейшим поступательным развитием, но и началом формирования новых направлений, новых творческих объединений, новых терминоведческих школ.

1. Сохранение традиций

Историческая преемственность современной теории термина с терминоведческой наукой XX века обнаруживается в том, что по-прежнему актуальными, востребованными научным сообществом являются такие, например, задачи, как

- проблема определения степени реализации терминологических свойств в различных областях специальной лексики (особенности терминов химии, биологии, медицины, права, математики, искусствоведения и т.п.) для уточнения типологии терминов и терминологий;

- вопрос о системности термина и о его месте в структурной организации отраслевых терминологий;

- выделение и описание семантических (терминологических) полей;

- описание тенденций развития семантических, формальных и системных отношений в одноязычных терминологиях;

- вопрос об эквивалентности и адекватности разноязычных терминов и терминологий;

- проблемы развития и взаимодействия терминологий родственных языков;

- проблема лексикографического описания термина и связанная с ней проблема создания терминологических словарей;

- проблемы методов представления студентам терминологий в отраслевых вузах;

– место термина в структуре языков для специальных целей и многие другие.

Перечисленные проблемные вопросы и множество неназванных, но присутствующих в современном терминоведении насущных задач, являются чрезвычайно важными, поскольку от их теоретического осмысления и практического решения зависит результативность профессионального общения специалистов.

Проблема представления студентам отраслевых вузов специальных систем терминов и понятий в качестве пропедевтических дисциплин становится все более актуальной в связи с тенденцией к специализации отраслей научного знания и с центробежным развитием научных дисциплин.

В науковедении существует мнение о том, что число наук и научных дисциплин растет в геометрической прогрессии и в настоящее время удваивается каждые 25 лет. По нашим данным, в области строительства и архитектуры в начале 1970-х годов насчитывались 32 предметные дисциплины, а к концу 1990-х годов их число дошло до 50; в области медицинских знаний в середине 1960-х годов выделялось 56 разделов, оформленных в виде редакционных отделов второй редакции Большой медицинской энциклопедии (БМЭ), а в начале 1980-х годов в третьей редакции БМЭ их было 64 при обсуждении возможного создания еще нескольких редакционных отделов.

Это несколько меньшие темпы развития, чем в общем науковедении, но, тем не менее, усиливающаяся специализация приводит к расхождению научных дисциплин, составляющих науки, и к затруднению взаимопонимания специалистов.

Поэтому считаем необходимым введение в учебную практику таких курсов, которые могли бы ознакомить студентов, обучающихся разным специальностям в пределах одной отрасли, с основными понятиями данной отрасли. При ознакомлении студентов с общеотраслевой терминологией целесообразно представить ее в системном виде, что дает студентам видение отрасли как стройной системы знаний.

В процессе обучения иностранному языку в неязыковых отраслевых вузах считаем необходимым системное представление иностранных терминов (как заимствованных, так и эквивалентных), присутствующих в системе конкретной отраслевой терминологии. Конечно же, это предполагает предварительную разработку систем терминов.

Необходимо подчеркнуть, что тема, связанная с изучением отраслевых терминологий и ставшая традиционной для терминоведения конца XX века, остается актуальной и в настоящее время. Отмечается количественный рост терминоведческих исследований, посвященных анализу отраслевых терминологий с учетом принадлежности специальной лексемы как к отдельному языку (*частное терминоведение*), так и к разным языкам (*сравнительное и сопоставительное терминоведение*), как к отдельной самостоятельной научной отрасли (например, *медицина, юриспруденция, астрономия, экономика*), так и к междисциплинарным соприкасающимся научным областям (например, к таким, как *маркетинг, лингвоэмотиология, теория межкультурной коммуникации, интернет*).

Историческая преемственность терминоведения проявляет себя и в том, что в современных исследованиях, посвященных проблеме термина, по-прежнему активно используются ставшие уже классическими работы Д.С. Лотте, Г.О. Винокура, А.А. Реформатского, В.М. Лейчика, С.В. Гринева-Гриневича.

При рассмотрении исторической преемственности терминоведения нельзя обойти вниманием проблему создания отраслевых терминографических изданий.

2. Проблема терминографических изданий

Вопрос о том, где найти точное описание значения термина, в настоящее время является чрезвычайно актуальным, поскольку связан как с чисто интралингвистическими явлениями (синонимия, полисемия, консубстанциональность термина), так и с экстралингвистическими

(расширение границ профессионального общения, возрастающая степень образованности, межотраслевые взаимоотношения специалистов и т.д.). Следовательно, проблема семантики термина является одновременно языковедческой и социальной.

Востребованность в справочных пособиях, помогающих в правильном понимании и в правильном практическом использовании специальной лексики, становится все более насущной.

Спрос на справочную литературу (в том числе – и терминографическую) постоянно растет. Причинами этого опять же являются чисто языковедческие явления (переход слова из одной профессиональной отрасли в другую, метафоричность термина, процессы языкового заимствования) и социальные (развитие научно-технического прогресса, появление новых отраслей научного и научно-практического знания, международные отношения, расширение сфер профессиональной коммуникации и т.д.).

К весьма значимым событиям в терминоведении первого двадцатилетия XXI века следует отнести появление терминографического издания «Словарь терминов межкультурной коммуникации» [6], который своим появлением закрепил дисциплину «Теория межкультурной коммуникации» в качестве самостоятельной и уже оформившейся. Сочетая признаки нескольких жанров словарей (толковый, терминологический, переводный, энциклопедический, справочный), названное справочное пособие адресуется специалистам многих отраслей научного и научно-практического знания, поскольку связан он с разными аспектами гуманитарных исследований.

Используя при создании словаря приемы традиционной общей лексикографии (алфавитный принцип расположения вокабул, прямая его разновидность, построение дефиниции, прием отсылок, этимологическая характеристика и т.д.) составители не только помещают термин в качестве вокабулы, требующей своего описания, но и при этом указывают на источник заимствования (лексикографические работы, принадлежащие определенной области научного знания).

С момента первого выхода словаря (2013 год) прошло уже несколько лет. Можно с уверенностью сказать о том, что данное терминографическое издание пользуется большим спросом не только у специалистов по межкультурной коммуникации и у профессионалов-лингвистов, но и у широкого круга читателей.

Надо отметить, что создание терминографического справочного пособия – дело очень трудоемкое, при котором следует обратить внимание на использование существующих принципов обеспечения высокого качества дефиниций и иноязычных эквивалентов за счет систематизации лексики при ее отборе и ее описании.

3. Новые направления

Первые два десятилетия XXI века отмечены тем, что в общем языкознании появляются, формируются и закрепляются новые лингвистические направления как специального – например, терминологическая вариология (в работах К.Я. Авербуха [1]; С.Л. Мишлановой и А.М. Гуреевой [7]; Л.А. Манерко [8]; Ю.В. Сложеникиной [14; 15]), так и междисциплинарного характера: *антрополингвистика, теория языков для специальных целей, теория межкультурной коммуникации, персонология, дискурсология* и мн. др.

3.1. Антрополингвистика

Антрополингвистика – раздел лингвистики, изучающий эволюцию человеческого мышления на основе её отражения в соответствующей эволюции языка (прежде всего его лексики). Её исходным положением является то, что все исторические изменения в человеческом сознании, развитии культуры и росте знаний отражаются в лексической системе языка.

В 2005 г. вышло первое издание учебника по антрополингвистике (*Основы антрополингвистики*), а в настоящее время подготовлено к печати пятое, значительно дополненное издание.

В 2005 г. в России была защищена первая кандидатская диссертация, а в 2007 г. первая докторская диссертация.

За последние 15 лет только в Польше было проведено свыше 130 магистерских антропологических исследований лексики разных областей знания.

Одной из последних кандидатских работ в этой области является сопоставительное исследование английского и русского лексического наполнения семантического поля «Фитнес» [9]. Это исследование позволяет сделать вывод о том, что изначально было понятие «здоровье».

Развитие познания в изучаемой области прошло долгий путь от расплывчатого представления о *здоровье* до выделения тех качеств, которые составляют поле *Fitness*. Чем глубже и отчетливее человек понимал и воспринимал окружающий мир и себя, тем сложнее и больше становилось лексическое поле.

От простого, неясного и расплывчатого понимания представлений *strength*, *health* и *wholeness* мы приходим к структурированной системе понятий, в которой каждому значению отведено определенное место.

Важно отметить, что понятия *Fitness* в первой половине XX века в мышлении человека еще не существовало, хотя был целый ряд других понятий: *крепкость*, *сила*, *атлетизм*, *хорошая физическая форма* и т.д.

Популяризация и распространение сети предприятий фаст-фуда в Америке в 50-х годах XX века привели к тому, что проблема избыточного веса, в том числе и у детей, приобрела характер национальной катастрофы. Более 50% школьников не справлялись с нормативами по физической культуре, их физическая форма не соответствовала возрасту, а взрослые люди сталкивались с серьезным расстройством здоровья – вплоть до инвалидности. К 1970-м годам ситуация только ухудшилась. Ожирение и низкая физическая активность стали одними из главных причин смертности населения. Появилась острая необходимость борьбы с излишним весом и малоподвижностью. Были открыты

тысячи фитнес-клубов и разработаны программы с учетом индивидуальных особенностей людей.

Анализ словарных толкований отобранных лексических единиц позволил открыть явление скрытой многозначности, наблюдающейся у многих современных слов и находящей формальное выражение в использовании в них союзов *and, or, или* [9].

Необходимо заметить, что в исследовании Д.И. Каспрук, обладающем высокой степенью научной новизны, впервые представлена авторская методика оценки качества и корректировки словарных определений термина и на основе поля «фитнес» впервые представлена авторская методика анализа формирования семантического поля с учетом истории появления, структурных характеристик и семантических отношений между членами поля. Предложенная Д.И. Каспрук методика анализа семантического поля может быть использована и для исследования других полей.

Следует подчеркнуть то, что ряд проведенных в последние годы антропологических исследований на материале английского языка позволил получить представление об особенностях развития некоторых представлений.

Так, в исследовании Алиции Венсерской-Квечень (Alicja Węsierska-Kwiecień) [16], посвященном развитию семантического поля „Work” (труд), было установлено, что даже хронологический перечень различных синонимичных наименований данного понятия может дать представление о развитии его содержания. Само слово *work* имеет протогерманское происхождение и изначально имело ряд значений, среди которых было *работа* (труд, деятельность, действие). С этим значением оно было впервые зафиксировано в древнеанглийском языке в 825 году.

В XIV веке из французского языка было заимствовано 5 синонимов, часть из которых уже имела дополнительные акценты:

1300 год – labour – *труд*

1300 год – task – *задание, задача*

1320 год – service – *обслуживание*

1340 год – occupation – *занятость*

1375 год – duty – *обязанность*

Следующий синоним отражает растущую роль купечества:

1400 год – business – *занятость, впоследствии дело, бизнес.*

В XVI веке в Англии появляются крупные добывающие предприятия, в целом увеличивается число наемных работников, выполнявших тяжелую, однообразную работу, что отразилось в появлении слова:

1550 год – drudgery – *нудная, тяжелая работа.*

В середине XVI века, когда вопросы религии приобрели огромное значение в жизни Англии, появились синонимы слову *работа*, носящие религиозный оттенок:

1551 год – calling – *призвание,*

1553 год – vocation – *призвание, предназначение, профессия, развившиеся из значения «призвание богом».*

Рост с конца XVI века административного аппарата в государстве и формирование сословия служащих вызвал необходимость в развитии представлений о работе с соответствующим развитием словаря и появлением новых слов:

1576 год – profession – *профессия* (значение, развившееся из существовавшего с 1225 г. значения «профессиональная присяга, приносимая студентами трех древнейших факультетов – права, медицины и богословия, а также военными»);

1597 год – employment – *занятие* (появившееся как абсолютный синоним слову *работа* и получившее дополнительный оттенок);

1622 год – commission – *поручение;*

1627 год – job – *работа, место работы* (появившееся как абсолютный синоним слову *работа* и получившее также дополнительный оттенок «краткосрочная, одноразовая работа»);

1746 год – chore – *рутинная повседневная работа.*

С дальнейшим ростом класса служащих и уточнением представлений о характере их работы появлялись новые синонимы слову *работа* со специализированным значением:

1803 год – *career* – *деятельность, карьера, профессия*;

1803 год – *situation* – *ситуация, позиция* (должность);

1848 год – *assignment* – *назначение на пост*;

1890 год – *position* – *должность*.

Большая часть перечисленных лексем вошла в данное поле как альтернативные наименования данного понятия (современные полные синонимы) с дальнейшей специализацией, отражающей направления развития разновидностей *работы* [16].

В исследовании Конрада Вишневого (Konrad Wiśniewski) [18], посвященном эволюции понятия *революция* в английском сознании, было выявлено, что появление терминов, называющих различные виды повстанческих действий, совпадает со временем появления различных форм таких событий (от бунта до революции) в истории Англии.

В ходе системного анализа значений терминов было впервые установлено, что классификация революционных действий может быть основана на существенных признаках таких действий, относящихся к трем аспектам

а) цель революции – против кого направлено восстание (правительство, глава правительства, правящая партия, существующая государственная система и т.д.);

б) характер революционных действий (внезапный, скрытый, кровавый, неудачный, косвенный и т.д.); революционные силы (армия, политики, народ, группа людей и т.д.).

Это позволяет точнее описать историю развития революционных действий [18].

В исследовании Катажины Витковской (Katarzyna Witkowska) [17], посвященном истории формирования понятия «*sensitive* (чувствительный)» в

английской ментальности был установлен интересный факт: сопоставление толкований слова *sensitive* в английских словарях и словарных толкований ряда его славянских эквивалентов (польский – *wrażliwy*, русский – чувствительность, словацкий – *sitlivý*) показало, что в значении английского слова доминируют негативные коннотации (чувствительный к враждебным воздействиям – наносимым эмоциональным травмам, боли; легко ранимый, уязвимый), тогда как в славянских эквивалентах есть как негативные, так и позитивные коннотации. Значение английского слова ориентировано на неблагоприятную обстановку и ожидание враждебных действий с ксенофобией и готовностью к агрессивному ответу. Это может свидетельствовать о различиях в культурных установках германской и славянских ментальностей [17].

Использование аналитических методов, предоставляемых антропологической лингвистикой, позволяет уточнить особенности развития национального мышления через изучение диахронического развития национальной лексики (терминологии).

3.2. Лингвистика интернета

По причине увеличивающегося под воздействием технического прогресса и внедрения цифровых информационно-коммуникативных технологий в лексике национальных языков значительно возрастает количество заимствованных слов (в том числе – и *терминов*), требующих описания своей семантики и особенностей употребления как в письменной, так и в устной речи.

В жизни каждого современного человека и в жизни всего общества интернет занимает важное место. Интернет, как и любой другой вид человеческой деятельности, использует языковые средства в качестве инструмента профессионального и любительского общения.

По мнению Н.А. Ахреновой, особенностью сферы интернета является то, что она «представляет собой симбиоз как собственно строго терминологического технического компьютерного и литературного языков, так и сленга, поликодовых лингвокреативных конструкций и пр.» [2; 3, с. 3].

Интерес к изучению и описанию терминологии интернета постоянно растет, поскольку формирование сложной понятийной структуры самого понятия «интернет» и системы его видовых разновидностей повлекло за собой появление огромного количества новых терминов.

В своих многочисленных статьях и в монографии Н.А. Ахренова доказывает то, что в современном языкознании сформировалось новое направление – *интернет-лингвистика*, или – *лингвистика интернета* [2; 3].

3.3. Когнитивное терминоведение

Стремительно развивающееся в настоящее время когнитивное терминоведение относится к числу явлений, которые в теории термина могут быть названы как новые, но опирающиеся на уже известные теоретические терминоведческие методики. К области когнитивного терминоведения, согласно Е.И. Головановой [4], отнесены исследования многих отраслей научного и научно-практического знания, проведенные с позиции когнитологии.

Отметим работы Т.С. Росяновой [11], анализирующей достаточно новую развивающуюся область – *маркетинг*. Автор на материале исследования английской терминологии маркетинга предлагает для изучения профессиональных концептов алгоритм анализа, состоящий из пяти этапов и успешно апробированный при исследовании концептуальных структур шести профессиональных концептов.

Заслуживает внимания предлагаемое Т.С. Росяновой определение микротерминосистемы: «Под микротерминосистемой в настоящем исследовании понимается устойчивая ограниченная совокупность терминов, обладающая семантической целостностью и состоящая из терминологических единиц, связанных друг с другом на основе формальных и семантических признаков и организованных по системному принципу» [11, с. 46].

В работах Т.С. Росяновой представлен сам механизм, методы и способы его реализации разработанного автором нового *комплексного когнитивно-семантического подхода* в области терминоведения, который заключается в

том, что, во-первых, системно рассматривает когнитивные явления в терминологиях и, во-вторых, учитывает особенности и свойства терминов как в статике (на материале терминографических источников), так и в динамике (на материале специализированных изданий).

Следует отметить, что созданная Т.С. Росяновой новая методика анализа терминологий, проведенная автором на лексическом материале маркетинга, может быть названа универсальной, пригодной для анализа и других языков для специальных целей.

3.4. Дискурсивное терминоведение

Термин – это не только составной компонент терминологии как списка специальных лексем, относящихся к определенной отрасли научного и научно-практического знания. Термин – это и средство профессионального общения, профессиональной коммуникации.

Необходимо указать на то, что в настоящее время успешно развивается направление, связанное с исследованием практического использования термина как средства общения, как средства обучения, как средства познания и фиксации результатов этого познания. Данное направление сформировалось и продолжает развиваться под руководством доктора филологических наук, профессора Р.С. Аликаева.

В центре внимания ученых, объединившихся вокруг руководителя, темы, связанные с изучением поведения термина в особом виде дискурса – в тексте тематических монографий и в текстах научных статей.

Интересным является исследование А.К. Сабанчиевой [12; 13], проведенное на изучении текстов монографий, посвященных многоаспектному описанию астрономических терминов. По мнению автора, созданная ею методика анализа астрономического термина соединяет рассмотрение особенностей их формальной структуры (внешней формы) и их семантических особенностей (внутренней формы) с особенностями функционирования термина в профессиональном дискурсе.

А.К. Сабанчиева выделяет несколько моделей терминологической

номинации, реализующихся в текстах монографий по астрономии. К основным метафорическим моделям терминов автор относит, например, такие, как (сохранено выделение, принадлежащее автору – А.К. Сабанчиевой):

– «АСТРОНОМИЯ – это МИР ЧЕЛОВЕКА» (*young star* – молодая звезда; *old star* – старая звезда; *heavenly / celestial body* – небесное *тело*; *the Twins (Gemini)* – *Близнецы*),

– «АСТРОНОМИЯ – это МИР АРТЕФАКТОВ» (*air blanket* – воздушная оболочка; *north polar cap* – северная полярная *шапка* (например, Марса); *belt of the Milky Way* – *пояс (полоса) Млечного Пути*); *the Scales (Libra)* – *Весы*),

– «АСТРОНОМИЯ – это МИР ПРИРОДЫ» (включает модели «АСТРОНОМИЯ – это МИР ЖИВОТНЫХ» и «АСТРОНОМИЯ – это МИР РАСТЕНИЙ») (*cloud of comets* – кометное *облако*; *coronal rain* – корональный *дождь*; *stellar field* – звездное *поле*; *cocoon stars* – «*коконовые*» звезды; *the Fishes (Pisces)* – *Рыбы*),

– «АСТРОНОМИЯ – это МИР МИФОВ и СКАЗОК» (*dwarf star* – звезда-*карлик*, *white dwarf* – белый карлик).

Очевидно, что следует выделить модель «АСТРОНОМИЯ – это мир ЧЕЛОВЕКА», поскольку антропоморфные термины своим наличием в терминологии подчеркивают солидный возраст данной отрасли научного знания. Необходимо подчеркнуть и то, что терминология, изучаемая А.К. Сабанчиевой, характеризуется свойством антропоцентричности, которое проявляется мифологичностью номинации, антропоморфностью терминов (*тело, голова, руки* и их английских эквивалентов), присвоением небесным явлениям имен ученых (термины-эпонимы).

Определяя новизну своего исследования, автор указывает на то, что впервые изучается специфика функционирования астрономических терминов в тексте научной монографии.

Выявлению специфических особенностей, приобретаемых термином в профессиональном дискурсе, посвящены исследования З.О. Доткуловой [5], выполненные на материале англоязычных научных статей и монографий,

связанных с фармацией и фармацевтикой. Автор, используя работы Д.С. Лотте, О.С. Ахмановой, С.В. Гринева-Гриневича и других ученых, подробно анализирует позиции исследователей, выявляет все положительные моменты и приходит к выводу о том, что «Явление синонимии, в целом, расценивается нами как положительное явление, свидетельствующее о развитии соответствующей области научного знания» [5, с. 123].

Необходимо подчеркнуть то, что З.О. Доткулова представила свою методику многоаспектного анализа проявления синонимии в профессиональных текстах. Думается, что данная методика найдет свое применение в терминоведческом исследовании специальной лексики, принадлежащей не только медицине.

3.5. Терминоведение и персонология

Необходимо сказать и о том, что востребованность в изучении термина проявляется не только в терминоведении как в частной лингвистической дисциплине, но и в других смежных и несмежных отраслях. Например, термин является одним из важных характерологических признаков при классификации типов языковых личностей в персонологии – новом быстро развивающемся в настоящее время направлении.

Современная медицина – это совокупность большого количества общих, частных, внутриотраслевых и межотраслевых научных дисциплин. Терминология медицины – предмет неистощаемого повышенного интереса, наблюдающегося и со стороны специалистов-медиков, и со стороны терминоведов-теоретиков, и со стороны терминоведов-практиков.

Медицинский термин – это особое слово, поскольку на медицинский термин *накладывается* не только функция номинации понятия (назывная функция), но и социальная функция обеспечения общения врача с пациентом (деонтологическая функция). В том, как используется медицинский термин в речи медика, проявляются профессиональные и человеческие особенности врача как языковой личности. И здесь необходимо указать на то, что понятие «врач как языковая личность» является предметом многоаспектного изучения в

исследованиях, принадлежащих С.И. Маджаевой и ее ученикам (см., например, работу Киселевой [18]).

4. Терминоведческие конференции

Известно, что научная конференция – это то явление, которое позволяет научному сообществу обсудить новые направления в науке, сообщить о новых открытиях, представить на обсуждение проблемные вопросы и т.д. Необходимо сказать, что в течение первых двадцати лет XXI века состоялось большое количество международных конференций, посвященных терминоведению.

Так, уже традиционным становится проведение Международного симпозиума «Терминология и знание» в Институте русского языка им. В.В. Виноградова в Москве. В разные годы участниками симпозиума были представители не только России, но и Беларуси, Китая, Польши, Финляндии.

В мае 2016 года в Белграде (Сербия) состоялся международный научный симпозиум «Славянская терминология сегодня» (*СЛОВЕНСКА ТЕРМИНОЛОГИЈА ДАНАС*), в работе которой приняли участие терминоведы Сербии, Польши, России, Чехии, Украины, Беларуси.

В мае 2017 года в Варшаве (Польша) в здании Польской Академии Наук (Pałac Staszica) состоялась международная научная конференция «Славянская терминология: сегодня и завтра» (*MIĘDZYNARODOWĄ KONFERENCJĘ NAUKOWĄ «TERMINOLOGIA SŁOWIAŃSKA: DZIŚ I JUTRO»*). В работе конференции и совместного заседания Международной терминологической комиссии при Международном комитете славистов (Komisja Terminologiczna przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów МКТ МКС / ТК МКС), Комитета славяноведения (Komitet Słowianoznawstwa PAN) и Комитета языкознания Польской Академии Наук (Komitet Językoznawstwa PAN) приняли участие представители терминоведческой общественности Польши, России, Украины, Беларуси, Сербии, Чехии, Македонии, Хорватии, Словакии, Литвы.

Ярким событием в терминоведческой жизни России была конференция, посвященная памяти терминоведа Ю.Н. Марчука, проведенная в марте 2019 года в Московском государственном областном университете (МГОУ).

Становится традиционным проведение терминоведческих конференций в Вильнюсе (Литва) на базе Национального института литовского языка. Так, в октябре 2019 года состоялась Третья Международная конференция по терминологии под названием «Научные, административные и образовательные аспекты терминологии» (*Scientific, administrative and educational dimensions of terminology*), участниками которой были представители терминоведческой науки Литвы, Латвии, России, Польши, Финляндии, Австрии, Испании, Италии, Грузии, Греции, Венгрии, Румынии.

Терминоведение становится одним из наиболее важных направлений в современном языкознании. На это указывает тот факт, что в программах всех лингвистических конференций обязательно присутствует пункт, связанный с термином, его значением и особенностями его употребления, с отраслевыми терминологиями.

Заключение

Первые два десятилетия XXI века показали, что терминоведение как самостоятельная отрасль научного и научно-практического знания постепенно расширяет свои границы.

Вопросы, связанные с анализом термина как особой языковой единицы, с описанием особенностей его семантического наполнения и функционального его использования, широко представлены в научных языковедческих исследованиях, становятся обязательно присутствующими в лингвистических мероприятиях (симпозиумы, научные и научно-практические конференции регионального и международного масштабов).

Уже доказано, что термин как компонент специальной лексики присутствует в каждом виде профессиональной деятельности, обладает познавательной и обучающей функциями.

В настоящее время стремительно развиваются все виды межкультурной коммуникации (в том числе – и профессиональной коммуникации). В достижении ожидаемых результатов профессионального общения важную роль играет терминоведение.

Думается, что созрела необходимость в создании учебных курсов по основам терминоведения во всех учебных заведениях, дающих профессиональные знания.

Литература

1. Авербух К.Я. Общая теория термина. – Иваново, 2004. – 252 с.
2. Ахренова Н.А. Введение в интернет-лингвистику. – М.: ИД «Международные отношения». – 2017. – 183 с.
3. Ахренова Н.А. Доминанты современной интернет-лингвистики. Автореф. дис. ... д-ра филологических наук. – Мытищи, 2018. – 53 с.
4. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение. – М.: Флинта; Наука, 2014. – 224 с.
5. Доткулова З.О. Терминология фармации и фармацевтики в научном дискурсе. Монография. – Нальчик. 2019. – 148 с.
6. Жукова И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович, под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 632 с.
7. Каспрук Д.И. Антропологические аспекты сопоставительного исследования лексики (на примере семантического поля «fitness»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2018. – 24 с.
8. Киселева Л.А. Терминологическая репрезентация профессионально-языковой картины мира врача в немецком языке (на примере предметной области медицины “акушерство и гинекология”). Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Астрахань. – 2018. – 22с.
9. Манерко Л.А. Язык современной техники: Ядро и периферия: Монография. – Рязань, Изд-во РГПУ, 2000. – 140 с.

10. Мишланова С.Л., Гуреева А.М. Вариативность терминологии международного бакалавриата. – Пермь, Перм. гос. ун-т, 2011.
11. Росянова Т.С. Английская терминология маркетинга: концептуальная и категориальная организация. Монография. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. – 150 с.
12. Сабанчиева А.К. Русские и английские термины астрономии: структура и содержание (на материале русско- и англоязычных монографий). Монография. – Нальчик, 2017. – 120 с.
13. Сабанчиева А.К. Структурно-семантическая парадигма русских и английских терминов сферы астрономии (на материале русско- и англоязычных научных монографий): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Нальчик. 2017. – 20 с.
14. Сложеникина Ю.В. Термин: семантическое, формальное, функциональное варьирование. – Самара, 2005.
15. Сложеникина Ю.В. Терминологическая вариативность: семантика, форма, функция. – М.: УРСС, 2010. – 288 с.
16. Alicja Węsierska-Kwieceń. Anthropolinguistic study of the semantic field “work” (manuscript) [Антропологическое исследование семантического поля «работа»]. – Suwalki, PWSZ. – 2019. – 60 p.
17. Katarzyna Witkowska Analiza antropolingwistyczna pola semantycznego „wrażliwy” (manuscript) [Антропологический анализ семантического поля «чувствительный»]. – Suwalki, PWSZ. – 2019. – 50 p.
18. Konrad Wiśniewski. Investigation of the Semantic Field “Revolution” (manuscript) [Исследование семантического поля «Революция»] – Suwalki, PWSZ. – 2019. – 63 p.

References

1. Averbuh K.YA. Obshchaya teoriya termina [General theory of the term]. – Ivanovo, 2004. – 252 p.

2. Ahrenova N.A. Vvedenie v internet-lingvistiku [Introduction to Internet Linguistics]. M.: ID «Mezhdunarodnye otnosheniya». 2017. – 183 p.
3. Ahrenova N.A. Dominanty sovremennoj internet-lingvistiki. [Dominants of modern Internet linguistics] Avtoref. dis. ... d-ra filologicheskikh nauk. Mytishchi, 2018. – 53 p.
4. Golovanova E.I. Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie. [Introduction to Cognitive Terminology] – M.: Flinta; Nauka, 2014. – 224 p.
5. Dotkulova Z.O. Terminologiya farmacii i farmacevtiki v nauchnom diskurse. [Terminology of pharmacy and pharmaceuticals in scientific discourse] Monografiya. Nal'chik. 2019. – 148 p.
6. Zhukova I.N. Slovar' terminov mezhkul'turnoj kommunikacii [Glossary of Intercultural Communication Terms]/ I.N. Zhukova, M.G. Lebed'ko, Z.G. Proshina, N.G. Yuzefovich, pod red. M.G. Lebed'ko i Z.G. Proshinoj. M.: FLINTA: Nauka, 2013. – 632 p.
7. Kaspruk D.I. Antropolingvisticheskie aspekty sopostavitel'nogo issledovaniya leksiki (na primere semanticheskogo polya «fitness»): [Anthropolinguistic aspects of the comparative study of vocabulary (on the example of the semantic field "fitness")] Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2018. – 24 p.
8. Kiseleva L.A. Terminologicheskaya reprezentaciya professional'no-yazykovej kartiny mira vracha v nemeckom yazyke (na primere predmetnoj oblasti mediciny “akusherstvo i ginekologiya”). [Terminological representation of the professional-linguistic picture of the doctor's world in German (on the example of the subject area of medicine "obstetrics and gynecology")] Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk, Astrahan'. 2018.
9. Manerko L.A. YAzyk sovremennoj tekhniki: YAdro i periferiya: Monografiya. [The language of modern technology: Core and periphery] – Ryazan', Izd-vo RGPU, 2000. – 140 p.
10. Mishlanova S.L., Gureeva A.M. Variativnost' terminologii mezhdunarodnogo bakalavriata. [Variety of International Baccalaureate

Terminology.] Perm', Perm. gos. un-t, 2011.

11. Rosyanova T.S. Anglijskaya terminologiya marketinga: konceptual'naya i kategorial'naya organizaciya. [English marketing terminology: conceptual and categorical organization.] Monografiya. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2017. – 150 p.

12. Sabanchieva A.K. Russkie i anglijskie terminy astronomii: struktura i sodержanie (na materiale rusko- i angloyazychnyh monografij). [Russian and English terms of astronomy: structure and content (based on Russian- and English-language monographs).] Monografiya. Nal'chik, 2017. – 120 p.

13. Sabanchieva A.K. Strukturno-semanticheskaya paradigma russkih i anglijskih terminov sfery astronomii (na materiale rusko- i angloyazychnyh nauchnyh monografij) [Structural and semantic paradigm of Russian and English terms in the sphere of astronomy (based on the material of Russian and English-language scientific monographs)]: Avtoref. dis. kand. filol. nauk. Nal'chik. 2017. – 20 p.

14. Slozhenikina YU.V. Termin: semanticheskoe, formal'noe, funkcional'noe var'irovanie. [Term: semantic, formal, functional variation.] – Samara, 2005.

15. Slozhenikina YU.V. Terminologicheskaya variativnost': semantika, forma, funkciya. [Terminological variability: semantics, form, function.] M.: URSS, 2010. – 288 p.

16. Alicja Wesierska-Kwiecien. Anthropinguistic study of the semantic field “work” (manuscript) [Antropolingvisticheskoe issledovanie semanticheskogo polya «rabota»]. – Suwalki, PWSZ. 2019. – 60 p.

17. Katarzyna Witkowska Analiza antropolingwistyczna pola semantycznego „wrazliwy” (manuscript) [Antropolingvisticheskij analiz semanticheskogo polya «chuvstvitel'nyj»]. – Suwalki, PWSZ. 2019. – 50 p.

18. Konrad Wisniewski. Investigation of the Semantic Field “Revolution” (manuscript) [Issledovanie semanticheskogo polya

УДК 81:372.881

T.V. Drozdova

T.V. Drozdova

**КОГНИТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭКСПЕРТНОГО
ЗНАНИЯ В АСПЕКТЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ
DOMINANT COGNITIVE STRUCTURES OF EXPERT KNOWLEDGE
REPRESENTATION AS A STARTING POINT IN TEACHING FOREIGN
LANGUAGE FOR SPECIAL PURPOSES**

В статье обосновывается рациональность обращения к ментальным форматам репрезентации экспертного знания, выполняющим роль когнитивных доминант, и средствам их объективации на уровне языкового сознания профессионального сообщества при обучении специализированному иностранному языку. Рекомендуются проводить анализ содержания профессиональных понятий и категорий на практических занятиях, сравнивая иноязычные и русскоязычные языковые средства их репрезентации. В качестве примера приводится анализ экономического концепта COMPANY/КОМПАНИЯ.

Ключевые слова: экспертное знание, когнитивные доминанты, концептуальный признак, языковая репрезентация, термин, иностранный язык для специальных целей, обучение.

It is argued in the paper that in teaching foreign language for special purposes it is quite reasonable to refer to dominant formats of expert knowledge representation as they not only activate the mental image of the professional field, but also provide for better acquisition of foreign language units which objectify cognitive structures. The author suggests conducting analysis of special concepts and categories in class for the students to compare verbal means of their representation in foreign and native languages. Analysis of the economic concept COMPANY/КОМПАНИЯ is given in the paper.

Key words: expert knowledge, dominant concepts, conceptual features, verbal representation, term, foreign language for special purposes, teaching.

Введение

Современный подход к языку с позиций когнитивной лингвистики предлагает рассматривать языковые явления как средство доступа к ментальным единицам и структурам репрезентации и хранения знаний, являющихся результатом когниции субъектов и относящихся к различным

областям жизнедеятельности, включая профессиональные сферы. В то же время, поскольку концептосферы большинства специальных областей достаточно хорошо определены, структурированы, а их составляющие вербализованы, рациональным представляется использовать когнитивные форматы как опору при обучении иностранному языку профессионального общения. Ставя целью данной статьи подтвердить обоснованность такого подхода к образовательному процессу, укажем, что институциональность профессиональных областей обуславливает формирование общей базы экспертных (профессиональных, специализированных) знаний, которая обеспечивает сходное осмысление мира и взаимопонимание коммуникантов в рамках соответствующей сферы деятельности.

Когнитивные единицы и структуры, репрезентирующие общую базу знаний на уровне коллективного сознания представителей соответствующего социума, мы предлагаем рассматривать, вслед за Н.Н. Болдыревым [2], как когнитивные доминанты. Они определяются указанным автором как такие концепты и категории разного уровня сложности с конкретной структурой в виде определенных связей, которые выступают определяющими (доминантными) в конкретных ситуациях восприятия и осмысления мира. На уровне языкового сознания, как указывает Н.Н. Болдырев, функцию таких доминант «выполняют прототипические средства репрезентации знаний в языке (обозначения концептов и категорий)» [2, с. 39]. Очевидно, что в области профессиональной коммуникации такими прототипическими средствами являются языковые знаки-термины, представляющие базовый уровень вербализации специальных понятий (концептов и категорий). Указанные языковые знаки могут служить как средством языковой классификации и обобщения результатов познания в специализированной области деятельности, так и точками **«внутриязыковой референции** при поиске адекватных обозначений реалий и языковых форм передачи необходимого смысла в дискурсе» [Ibid]. Отметим, что мы используем в данной статье термины «концепт» и «понятие» синонимично, но подразумеваем под последним

вербализованную репрезентацию той части содержания концепта, которая может быть представлена в языке.

Необходимость учета базы профессиональных знаний при обучении иностранному языку для специальных целей отмечалась в ряде лингвистических работ (см., например, [6] [7] [8] и др.), однако использованию когнитивных доминант, насколько известно, не уделялось специального внимания. Подчеркнем, что, приступая к изучению профессионально-ориентированного иностранного языка, субъект уже обладает основами экспертного знания в определенной области деятельности и соответствующей терминологией на родном языке, а также базовым знанием изучаемого иностранного языка. Совокупность этих обобщенных знаний, наряду со знаниями, полученными в повседневном опыте, можно рассматривать как специфический когнитивный контекст, т.е. связанную структуру знания, пакет знаний о стереотипной ситуации, определенной модели или схеме осмысления событий (cf. [1], [5]), обеспечивающий усвоение профессионально-ориентированного иностранного языка.

Не менее важным оказывается и понимание того, что не только база профессионального знания характеризуется доминантным принципом организации, но и то, что освоение специализированного иностранного языка в образовательном процессе можно также рассматривать как, в определенной степени, подчиняющееся доминантному принципу концептуального взаимодействия в языковом общении (подробно см. об этом принципе в [3]). В данном случае подразумевается ориентация на коллективную базу экспертных знаний, их структуру и содержание, выбор координат, служащих доминантами в общении педагога и обучающихся, которое направлено на усвоение соответствующих языковых единиц и их употребление в предложениях и высказываниях, репрезентирующих положение дел в экспертной области (объекты, связи, ситуации и др.).

Учитывая тот факт, что на уровнях индивидуального и коллективного сознания концепты существуют как целостные, нерасчлененные образования,

т.е. в формате гештальта (cf. [4]), необходимо предварительно вычлениить, раскрыть признаки, формирующие содержание концепта (т.е. концептообразующие признаки). Реализация этой задачи должна осуществляться на практическом занятии с опорой на базу экспертных знаний обучающихся. Полученные результаты необходимо верифицировать через сравнение со словарными дефинициями лексем, служащих прототипическими именами концептов/понятий в лингвистических словарях, и с описанием анализируемого понятия в толковых специализированных словарях, в первую очередь, иноязычных. Рекомендуются также уточнять объем содержания концепта/понятия на основе концептуального анализа профессионально-ориентированных текстов (учебных и/или научных, инструкциях, руководствах и т.п.). Такой анализ позволяет также установить категориальную принадлежность анализируемого концепта/понятия, его вхождение в различные когнитивные структуры и схемы. Как следствие, появляется возможность определенным образом систематизировать подлежащие усвоению языковые единицы и установить их комбинаторику в лингвистическом контексте.

Когнитивные единицы концептосферы экономики

Ниже мы предлагаем рассмотреть пример обращения к одной из когнитивных единиц концептосферы экономики – концепту **COMPANY/КОМПАНИЯ** – принимающей роль когнитивной доминанты при введении и закреплении в образовательном процессе лексических единиц, объединенных в одноименное идеографическое поле. Выбор лексемы *company* как прототипического имени доминантного концепта требует указания на ее предпочтительное употребление в британском варианте английского языка. Это дает возможность построить синонимический ряд, указав лексему *corporation* как превалирующую в американском варианте, а также синонимично используемые нейтральные лексемы *firm* и *business* (последняя – как исчисляемое существительное). Соответственно, эквивалентами в русском языке будут являться лексемы *компания*, *корпорация*, *фирма*, и в отдельных

контекстах – *бизнес*. Дополнительно устанавливается, что анализируемый концепт входит в экономические категории более высокого уровня: ENTERPRISE/ПРЕДПРИЯТИЕ и ECONOMIC AGENT/ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АГЕНТ, а также в универсальную категорию ASSOCIATION/АССОЦИАЦИЯ, ОБЪЕДИНЕНИЕ (cf.: *company – a formal association of persons for business purposes, esp. a corporation or group of persons legally incorporated under company law...* [9, с. 110]). Это знание учитывается в дальнейшем при организации содержания данного концепта в формат фрейма со следующими слотами STRUCTURE/СТРУКТУРА – TYPE/ТИП – LAW/ЗАКОН – PROPERTY/СОБСТВЕННОСТЬ – PEOPLE/ЛЮДИ – PLACE/МЕСТО – TIME/ВРЕМЯ – ACTIVITY/ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – RESULT/РЕЗУЛЬТАТ – CORPORATE CULTURE/КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА.

Заметим, что имена слотов фрейма, являясь, в свою очередь, именами концептуальных признаков/концептов, также могут выступать в конкретных ситуациях профессиональной сферы репрезентантами соответствующих когнитивных доминант. Однако для образовательного процесса более важным является определение содержания каждого из этих слотов и систематизации объективирующих его языковых единиц на основании параметров, соответствующих имени слота, представляющего когнитивную доминанту. Так, слот STRUCTURE/СТРУКТУРА подразумевает, что компания может иметь сложную иерархическую организацию, включающую филиал(ы) (*affiliate*), несколько отделений (*multidivisional company*), иметь дочерние структуры (*subsidiary company, daughter company vs parent company*). Слот PROPERTY/СОБСТВЕННОСТЬ раскрывается понятиями «основные средства» (*assets*), «акции» (*stock, shares*) и др., которые могут быть субкатегоризованы далее и раскрывать, например, отношения типа род-вид (*share: ordinary share – обыкновенная акция, preference share – привилегированная акция*). Лексические единицы, как можно видеть из последнего примера, могут быть организованы и закреплены в виде контрастивных множеств (антонимов).

Владение базой знаний позволяет на основе определения когнитивной доминанты (доминант) среди составляющих элементов разных слотов в рамках единого содержания концепта определить мотивированность нескольких словных производных лексических единиц (аналитических дериватов). Например, принадлежность акций компании (слот PROPERTY/СОБСТВЕННОСТЬ) широкому кругу собственников (слот PEOPLE/ЛЮДИ), наличие акций в свободной продаже указывает на тип компании (слот TYPE/ТИП): *public company* – открытая акционерная компания. Знание о принадлежности всех акций одному лицу или ограниченному числу лиц – членам одной семьи – указывает на данные когнитивные доминанты как определяющие мотивацию термина *private/proprietary company* – частная компания. Знание о том, что одна компания может владеть акциями (выступать держателем акций) другой (других) компаний служит мотивирующим основанием для появления в английском языке лексической единицы *holding company* – холдинговая компания. Заметим, что приведенные примеры лексических единиц и стоящих за ними когнитивных образований подтверждают, что взаимосвязь элементов содержания определенного концепта, как и его связь в концептосфере экспертной области с другими концептами, представлена на лингвоментальном уровне в формате семантической сети, узлами которой выступают обозначения соответствующих ментальных единиц.

Необходимо также показать, что в зависимости от того, какой из признаков (понятий), формирующих определенный слот концепта, становится доминантным при его интерпретации, создается терминологический знак, посредством которого такая доминанта профилируется. Например, слот ACTIVITY/ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ представлен единицами, профилирующими тип деятельности, реализуемой компанией: *investment company* – инвестиционная компания, *insurance company* – страховая компания, *management company* – управляющая компания, *oil-refining company* – нефтеперерабатывающая компания, *shipping company* – судоходная компания и др. Содержание этого

слота может быть представлено и иной языковой структурой, реферирующей к пропозиции, например: *refine (company, oil), insure (company, something)*. Основываясь на данной когнитивной структуре и учитывая, что концепт COMPANY/КОМПАНИЯ подводится под категорию ECONOMIC AGENT/ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АГЕНТ, следует рассмотреть комбинаторику существительного и предиката (глагола): *company refines oil/ insures (property)/ invests money (in something)* и т.п.

Концепт COMPANY/КОМПАНИЯ, как указывалось ранее, подводится под категорию ASSOCIATION/АССОЦИАЦИЯ, ОБЪЕДИНЕНИЕ что подразумевает определенные действия по созданию такой экономической структуры, управление/руководство ею и т.п. Перевод данной категории в положение когнитивной доминанты позволяет закрепить, например, следующие устойчивые словосочетания: *to form a company – создать компанию, to register a company – зарегистрировать компанию, to run a company – управлять компанией* и др. Знание о принципах создания и организации данного объединения и его деятельности реферирует к такой когнитивной структуре как скрипт (сценарий). Доминирование этой структуры при обсуждении ситуаций в области экономики реализуется как возможность усвоения, например, следующих словосочетаний: *to write the Memorandum of Association – составить устав объединения, to issue shares – выпустить акции, to elect the Board of Directors – избрать Совет директоров, to hire managers (employees) – нанять менеджеров (служащих), to work out the company policy – разработать политику компании* и др.

В заключение еще раз подчеркнем, что учет преподавателем базы профессиональных знаний обучающихся, выявление на занятиях содержания концептосферы профессиональной области и определение когнитивных доминант как опоры для работы с определенными группами лексики позволит оптимизировать образовательный процесс. Обращение к когнитивным форматам хранения экспертного знания и их вербальным репрезентантам

обеспечит осмысленный подход к изучаемому иноязычному материалу, анализу комбинаторики лексических единиц, подбору точных русскоязычных эквивалентов.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.

2. Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. – 2019. – Вып. XXXVII. – С. 37-43.

3. Болдырев Н.Н. Доминантный принцип концептуального взаимодействия в языковом общении // Когнитивные исследования языка. – 2019. – Вып. XXXVIII. – С. 21-30.

4. Голованова Е.И. Образ, понятие, гештальт как форматы профессионального знания // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 6 (335). – С. 122-125.

5. Дроздова Т.В. Когнитивные форматы хранения экспертного знания и обучение иностранному языку профессиональной коммуникации // Термины в коммуникативном пространстве: материалы науч-практич. конференции с международным участием / под ред. С.И. Маджаевой. – Астрахань: Изд-во Астраханского ГМУ, – 2019. – С. 93-98.

6. Маджаева С.И. Фреймовый подход к систематизации терминологических знаний // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. – 2012. – № 2 (22). – С. 130-137.

7. Новодранова В.Ф. Когнитивная карта науки // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов, 26-38 сентября 2006 г. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – С. 69-70.

8. Сатретдинова А.Х., Пенская З.П. Медицинские термины в учебно-профессиональном дискурсе // Гуманитарные исследования, 2019. – № 3 (71). – С. 56-60.

9. Adam J.H. Longman Dictionary of Business English. Group UK Limited. London. 1982.

References

1. Boldyrev N.N. Kognitivnaja semantika. Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku: kurs lekcij [Cognitive Semantics: a Course of Lectures], Tambov: Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2014. – 236 p.

2. Boldyrev N.N. Dominantnyj princip organizacii jazykovogo soznanija [Dominant Principle of Linguistic Cognition Organization]. Kognitivnye issledovanija jazyka [Cognitive Studies of Language]. 2019. – Vol. XXXVII. – pp. 37-43.

3. Boldyrev N.N. Dominantnyj princip konceptual'nogo vzaimodejstvija v jazykovom obshhenii [Dominant Principle of Conceptual Interaction in Verbal Communication]. Kognitivnye issledovanija jazyka [Cognitive Studies of Language]. 2019. – Vol. XXXVIII. – pp. 21-30.

4. Golovanova E.I. Obraz, ponjatie, geshtal't kak formaty professional'nogo znanija [Image, Concept, Gestalt Viewed as Professional Knowledge Formats]. // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. [Vestnik of Cheliabinsk State University]. 2014. – No. 6 (335). – pp. 122-125.

5. Drozdova T.V. Kognitivnye formaty hranenija jekspertnogo znanija i obuchenie inostrannomu jazyku professional'noj kommunikacii [Cognitive Structures of Expert Knowledge Representation as Applied to Teaching Foreign Languages for Special Purposes]. Terminy v kommunikativnom prostranstve: materialy nauch-praktich. konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Terms in the Communicative Space: Materials of the Scientific Practical Conference with International

Participation]. – Astrakhan: Publishing House of the Astrakhan State Medical University. 2019. – pp. 93-98.

6. Madzhaeva S.I. Frejmovyj podhod k sistematizacii terminologicheskikh znanij [Frame Approach to Terminology Knowledge Systematization] Uchenye zapiski. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gos. un-ta. [Learned Articles. Electronic Scientific Journal of Kursky State University]. 2012. – No. 2 (22). – pp. 130-137.

7. Novodranova V.F. Kognitivnaja karta nauki [Cognitive Map of Science]. Mezhdunarodnyj kongress po kognitivnoj lingvistike: sb. materialov, 26-28 sentjabrja 2006 g. [Proceedings of International Congress on Cognitive Linguistics (Tambov, Russia, September 26 – 28)], – Tambov: Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2006. – pp. 69-70.

8. Satretdinova A.Kh., Penskaya Z.P. Medicinkie terminy v uchebno-professional'nom diskurse [Medical terms in educational discourse]/ Gumanitarnye issledovaniya, 2019. – № 3 (71). – pp. 56-60.

УДК 811.161.1

О.Л. Заболотнева, И.В. Кожухова

O.L. Zabolotneva, I.V. Kozhukhova

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МАРКЕРА ОК В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

MARKER OK IN ACADEMIC DISCOURSE

Основной целью статьи является рассмотрение функционирования дискурсивного маркера ОК в англоязычных лекциях. Обоснованность анализа маркера связана с изменением целевого использования маркера ОК в академическом дискурсе. Так, авторы рассматривают три функции “академического ОК”: экспрессивную (привлечение внимания), конативную (средство обратной связи) и интраперсональную. На материале лекций на английском языке приводятся примеры употребления рассматриваемого маркера в различных функциях. Статья завершается выводами и определением перспективы исследования.

Ключевые слова: дискурсивный маркер, академический дискурс, лекция, маркер ок, экспрессивная функция, конотативная функция, метадискурсивная функция.

The main objective of the article is to examine the functioning of the discourse marker OK in English-language lectures. The validity of marker analysis is connected with a change in the intended use of the OK marker in the academic discourse. Thus, the authors consider three functions of “academic OK”: expressive (attracting attention), conative (a means of feedback) and intrapersonal. On the material of lectures in English, examples of the use of the considered marker in various functions are given. The article ends with conclusions and an outline of the research perspective.

Key words: discourse marker, academic discourse, lecture, marker ok, expressive function, conative function, metadiscursive function.

Введение

Лекция является неотъемлемой составляющей академического дискурса, который имеет прототипную модель и представляет собой специализированную клишированную разновидность общения, обусловленного социальными функциями и ролями партнеров. Как одна из форм организации обучения в академической среде лекция отличается дискурсивным характером от других форм общения преподавателя и обучающихся. Несомненный интерес представляет непосредственно лекторская речь. Многочисленные статьи и материалы, посвященные изучению академического дискурса, вообще и, лекторской речи, в частности, объединяет одно: в них сообщается о коммуникативной культуре, включающей в себя ряд компонентов. Среди них выделяют:

- правильность речи, соблюдение основных норм современного литературного языка;
- выразительность речи, т.е. умение использовать всё богатство национального языка для воздействия на аудиторию;
- речевой слух;
- этику речевого поведения во время чтения лекции и т.д. [2, с. 152].

Другим важным компонентом академического дискурса, характеризующий логическую и временную связность текста, а также иллюстрирующий взаимодействие лектора и аудитории, является использование дискурсивных маркеров. Впервые о маркере *OK* в англоязычном академическом дискурсе (речь лекторов) написали Г. Левин и Д. Грэй [9, 195-200], отметившие новые функции данного маркера, которые не были проявлены

в разговорном дискурсе. Это была первая попытка простого описания и интерпретации *OK* в лекторской речи. Новые функции, закрепленные за дискурсивным маркером в академическом дискурсе, стали именовать “*lecturer’s OK*” (“*лекторское OK*”).

Целью настоящей работы является описание функционирования дискурсивного маркера *OK*, а также цели и функции его употребления в академическом дискурсе (на материале лекций на английском языке).

К общенаучным методам исследования, используемым при написании работы, можно отнести анализ и синтез данных по теме исследования. Методом разговорного анализа проанализированы диктофонные записи, которые были получены приемом сплошной выборки в результате прослушивания современных англоязычных лекций по культурологии, филологии и лингвистике, общей длительностью более 30 часов звучания на базе трёх университетов: Санкт-Петербургского государственного университета, Челябинского государственного университета, а также Пермского государственного университета. Лекторы – носители и не-носители английского языка, преобладающее большинство – профессора из университетов стран Европы, США, Канады и России. На данном этапе нами не делается различие относительно уровня владения языком и гендерных различий.

Основные функции дискурсивных маркеров

Обзор литературы показывает, что интерес к аспекту дискурсивных маркеров в отечественной науке существует не одно десятилетие. Дискурсивный маркер был и остается популярным объектом лингвистических исследований. Зарубежные исследователи (Fraser, 1996; Halliday, Hasan, 1976; Schiffrin, 1987) рассматривают дискурсивные маркеры как средства последовательной и глобальной связи предложения и высказываний в дискурсе, которые обеспечивают связность и цельность. В отечественной лингвистической литературе можно встретить следующие названия:

“дискурсивные частицы”, “дискурсивные коннективы”, “дискурсивные слова”, “диалогические частицы”, “прагматические частицы”, “дискурсивные маркеры речевого отгораживания” и т.д. Интерес к дискурсивным маркерам существует не только в теоретическом языкознании. Есть и прикладная потребность их изучения: каждый язык имеет свой набор дискурсивных средств, и, следовательно, владение дискурсивными маркерами – один из признаков коммуникативной компетентности говорящего [5]. В.В. Смирнова в своем диссертационном исследовании «Формирование дискурсивных маркеров проблемной достоверности с исходной семантикой зрительного восприятия» проводит основательное исследование в области употребления в русском языке таких дискурсивных маркеров, как *очевидно, видимо, по-видимому, видать, видно*. В процессе исследования В.В. Смирнова выявляет самое низкое количество контекстов употребления дискурсивных маркеров за весь период их употребления. Дискурсивные маркеры, являясь важнейшим элементом коммуникации, организуют и направляют её ход, обеспечивают её успешность, служат для выражения субъективного отношения говорящего к сообщаемому. Эти единицы выступают одновременно и организаторами структуры дискурса и лингвокультурными операторами – представителями этноментальной сферы. В связи с этим, владение дискурсивными маркерами необходимо для полноценного общения не только на родном, но и на иностранном языке [3], [4].

Особенностью дискурсивных маркеров является то, что, благодаря им может меняться характер интерпретации в дискурсе, но его смысловое содержание практически не трансформируется, то есть пропозиционное значение высказывания не изменяется под действием дискурсивного маркера [6].

В научном тексте, например, выделяют три группы дискурсивных маркеров: 1. Связующие маркеры. К ним относятся маркеры, указывающие: 1) на порядок следования информации (*firstly, secondly, to begin with, first of all, in turn, accordingly*); 2) на порядок расположения материала на странице или в

тексте (*in the next chapter we'll focus on, it is illustrated*); 3) введение новой или дополнительной информации (*moreover, in addition, in particular*); 4) противопоставление или отход от основной линии изложения (*however, on the one hand, on the other hand, conversely*); 5) Маркеры, указывающие на вывод или заключение (*consequently, therefore, finally, to sum it up*). 2. Маркеры, передающие оценку автора (*perhaps, potential, to some extent*). 3. Маркеры, отражающие диалогичность научного текста, т.е. взаимодействие говорящего и слушающего (*it's known, clear, it's not a secret, as known*) [1]. В работах также активно обсуждается распределение маркеров с точки зрения их структуры и значений [7]. Краткий анализ показывает, что анализ и описание дискурсивных маркеров в различных коммуникативных практиках хоть и является достаточно молодым явлением, тем не менее, его изученность и многогранность сторон его рассмотрения показывает несомненный интерес и актуальность. А возникновение и стремительное развитие новых образовательных явлений и тенденций не позволяет предположить смещение или угасание интереса к дискурсивным маркерам.

Основные функции дискурсивного маркера ОК.

Вслед за Джонгом-Ми Ли [10, р. 41] рассмотрим три базовые функции дискурсивного маркера ОК в речи лекторов:

- а) экспрессивная – привлечение внимания;
- б) конативная – индикатор обратной связи;
- в) интраперсональная – показатель внутреннего диалога.

Отметим, что данная классификация не является абсолютной и исчерпывающей при описании функционального разнообразия рассматриваемого дискурсивного маркера и может быть скорректирована исходя из исследовательских запросов и непосредственно материала исследования. Данные функции а) – в) были выведены, например, из первоначальной классификации, предложенной Г. Левином и Д. Грэй и

включающей в себя “каноническое *ok*, вводное *ok*, заключительное *ok*, маркер хезитации, *ok*-связка” [9].

Лекторская речь представляет собой комплекс явлений, каждое из которых имеет право рассматриваться и исследоваться обособленно. Для того чтобы речь была выразительной, лекторы используют широкий спектр языковых средств: слова с различными дополнительными, чаще оценочными, значениями, среди которых встречаются синонимы, антонимы, фразеологизмы, а также ряд специальных стилистических средств и приемов (тропы и фигуры речи) и, безусловно, дискурсивные маркеры. Выразительная речь с элементами диалогичности лучше запоминается слушателями. На своих лекциях преподаватели из США, Канады и Великобритании имеют склонность повторять «шаблонные» фразы. По нашим наблюдениям, в речи лекторов встречаются клишированные фразы и предложения, среди которых самыми частотными являются: *“OK”, “Right!”*, *“Nice work!”*, *“Are you with me?”*, *“Do you follow me?”*, *“Are we together here?”*, *“You see what I’m saying?”*, *“Am I making myself clear?”*, *“Are we on the same page?”*, *“Comments?”*, *“I’ll tell you guys something”*, *“Let’s go forward with this lecture”*, *“What is going on and How do you know?”* и т.д.

Экспрессивная функция является базовой и служит для привлечения внимания. Профессор из престижного университета Стоуни-Брук (Нью-Йорк) знакомится со студентами и кратко рассказывает о своих научных интересах и области своих исследований: *“And my research area is identity and what I do is that I study the ways, in which people are defined and how they define themselves, especially in the context of migration. OK? In other words, when you migrate from one place to another what type of identity do you assume? How do other people perceive you? OK? And this is what I do in my research area.”* Лектору близка данная тема еще и потому, что он сам является иммигрантом. Несколько лет назад молодой человек приехал из небольшого государства в Карибском море – Гаити, защитил диссертацию, преподает в Стоуни-Брук. Вероятнее всего, он так и не смог освоиться на новой родине, привыкнуть к новому образу жизни.

Рамочный повтор (“And my research area is *identity* and what I do is that..... And this is what I do in my research area”) и ок-связка побуждают слушателя обратить на это внимание.

На лекциях американских преподавателей аббревиатура «ОК» звучит достаточно часто: “*You do remember that tragic event when the two planes crashed and the children from Ufa died. OK?*” Используя дискурсивный маркер, лектор обращается к фоновым знаниям аудитории, привлекая таким образом внимание слушателей.

Приведем пример конативной функции. Лектор использует ОК, желая наладить обратную связь со студентами. Ему интересна живая дискуссия и интерактивная связь: *First of all, do you know the difference between homicide and murder? Do you know the word homicide? Homicide is also killing somebody. But murder and homicide are different and the penalty is different. Like homicide and murder both have different degrees. OK? Homicide might be: you are driving down the street, you are not drunk. OK? You are just driving. But something happens. Maybe you lose your attention for a moment. Somebody crosses the street, you hit him, and you kill him. That would be a homicide. The person is just as dead. OK?* Различие экспрессивной и конативной функций в двух примерах выше реализуется также за счет общения с аудиторией (в конативной функции) и акцентировании внимания на себе/своих интересах в экспрессивной функции.

В самом начале лекции, которая посвящена произведению известной американской писательницы Тони Моррисон “Возлюбленная” (1987 год), профессор американской литературы желает заинтриговать слушателей и вовлечь их в предстоящую беседу: *Tony Morrison dedicated her novel “to sixty million and more”. Does anyone have any idea to whom or what she might be referring to? “To sixty million and more”? Remember, Tony Morrison is an African-American woman. And I’ve told you that this is a historical novel. Does anybody have a clue? I think that “sixty million and more” refers to Africans who were brought to America. Not only to the United States but also to South America and to the Carribean. The journey for the Africans was called the “Middle Passage” – the*

passage across the Atlantic. That was the journey of sheer horror. It is estimated that one in ten people survived. OK?” Речь идёт о книге, которая посвящена «более чем шестидесяти миллионам». Цифры указывают на число погибших афроамериканцев и их потомков от трансатлантической работорговли.

В данных примерах мы видим функционирование маркера *OK* в конце высказывания, оратор привлекает внимание на сказанный фрагмент, использование *OK* идентифицирует не только логическое завершение, но и призыв к обратной связи – дискуссии или вопросам.

При описании *интраперсональной* функции *OK* в академическом дискурсе мы можем обозначить данный маркер как средство связи, обеспечивающее логический переход от одной части лекции к другой (об этом писали Г. Левин и Д. Грэй [9]), средство интраперсональной коммуникации. В данном случае, в зависимости от получателя, функция может пересекаться с конативной: *OK* как часть внутреннего диалога лектора может служить показателем “отбивки” частей лекции, либо, данное средство может быть обращено к аудитории и служить знаком логического перехода и переключения внимания к следующей части повествования. Маркеры в данной функции служат для заполнения пауз, подбора наиболее подходящего варианта, перехода к следующему пункту высказывания: *“They OK were quite popular those times but to put it correctly their actions were not as legal as they were supposed to be”*. Аналогичная фраза без *OK* не потеряет смысла, так как функционирует в роли хезитационной паузы. Использование *OK* в качестве элемента когезии, а также маркировать модальность высказывания [8].

Отметим, что данные функции маркера характерны для устного академического дискурса и могут не находить релевантных соответствий в письменном академическом дискурсе. Еще одной ремаркой относительно употребления дискурсивных маркеров является сфера употребления – так, Л. МакГраф и соавторы говорят о том, что при идентичности использования дискурсивных маркеров устного и письменного академического дискурса

можно наблюдать больше соответствий на личностном уровне, но не на междисциплинарном [11].

Заключение

На данном этапе нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

Во-первых, лекция, являясь неотъемлемой частью академического дискурса, характеризуется рядом компонентов, среди которых можно выделить использование различных дискурсивных маркеров, расширяющих свои функции в зависимости от дискурса, в котором они используются.

Во-вторых, основываясь на картотеке нашего материала исследования, были описаны три базовые функции дискурсивного маркера *ОК* в академической речи: экспрессивная, конативная и интраперсональная. В некоторых ситуациях использование маркера не может трактоваться единственным способом.

В-третьих, намечая перспективу исследования, можно рассмотреть количественные и качественные характеристики использования маркера *ОК*, а также рассмотреть анализ существующих подходов к данному маркеру для определения оптимальной схемы его исследования в разnodискурсивных практиках.

Литература

1. Баженова А.А. Дискурсивные маркеры в научном тексте/ В сборнике: Коммуникативные аспекты языка и культуры. Сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Национальный исследовательский Томский политехнический университет. – 2014. – С. 201-205.

2. Заболотнева О.Л. Лингвокультурологические и социолингвистические особенности лекции: дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2007. – 194 с.

3. Смирнова В.В. Дискурсивные маркеры как отражение лингвокультурных традиций русского и английского языков // Инновационная наука. – 2015. – № 12-2. – С. 181-184.
4. Смирнова В.В. Формирование дискурсивных маркеров проблемной достоверности с исходной семантикой зрительного восприятия: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2018.
5. Ткач И.А. Историческая динамика семантики дискурсивного маркера (на примере маркера *иначе говоря*) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 1. – С. 25-34.
6. Шустова С.В., Царенко Н.М. Дискурсивные маркеры как средство формирования прагмалингвистической компетенции // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2018. – Т. 4. – № 2. – С. 21-29.
7. Deroey K.L.B., Taverniers. Just remember this: Lexicogrammatical relevance markers in lectures // English for Specific Purposes, 2012. – Vol. 31. – No. 4. – pp. 221-233.
8. House J. Developing pragmatic competence in English as a lingua franca: Using discourse markers to express (inter)subjectivity and connectivity // Journal of Pragmatics, 2013. – Vol. 59. – pp. 57-67.
9. Levin H., Gray D. The Lecturer's OK // American Speech 58, 1983. – pp. 195 – 200.
10. Lee Jong-Mi. The Multifunctional Use of a Discourse Marker okay by Korean EFL teachers // Foreign Language Education Research 21, 2017. – pp. 41-65.
11. McGrath L., Kuteeva M. Stance and engagement in pure mathematics research articles: Linking discourse features to disciplinary practices // English for Specific Purposes, 2012. – Vol. 31. – No. 3. – pp. 161-173.

References

1. Bazhenova A.A. Diskursivnyye markery v nauchnom tekste / V sbornike: Kommunikativnyye aspekty yazyka i kul'tury. Sbornik materialov XIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh. Natsional'nyy issledovatel'skiy Tomskiy politekhnicheskii universitet [Discourse markers in scientific text / In the collection: Communicative aspects of language and culture. Collection of materials of the XIV International scientific-practical conference of students and young scientists], National Research Tomsk Polytechnic University, 2014. – pp. 201-205.
2. Zabolotneva O.L. Lingvokul'turologicheskiye i sotsiolingvisticheskiye osobennosti lektsii: dis...kand. filolog, nauk [Linguocultural and Sociolinguistic Features of Lecture: dis...cand. philologist, science], Chelyabinsk, 2007. – 194 p.
3. Smirnova V.V. Diskursivnyye markery kak otrazheniye lingvokul'turnykh traditsiy russkogo i angliyskogo yazykov / Innovatsionnaya nauka [Discourse markers as a reflection of the linguocultural traditions of the Russian and English languages] Innovative Science, 2015. – No. 12-2. – pp. 181-184.
4. Smirnova V.V. Formirovaniye diskursivnykh markerov problemnoy dostovernosti s iskhodnoy semantikoy zritel'nogo vospriyatiya: dis. ... kand. filol. nauk [Formation of discourse markers of problematic reliability with the initial semantics of visual perception: dis. ... cand. philologist, science] Voronezh, 2018.
5. Tkach I.A. Istoricheskaya dinamika semantiki diskursivnogo markera (na primere markera inache govorya) / Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Historical dynamics of the semantics of a discourse marker (by the example of a marker *in other words*) / Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], Voronezh, 2020. – No. 1. – pp. 25-34.
6. Shustova S.V., Tsarenko N.M. Diskursivnyye markery kak sredstvo formirovaniya pragmlingvisticheskoy kompetentsii // Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki [Discourse markers as a means of forming

pragmalinguistic competence], Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, 2018. – Vol. 4. – No. 2. – pp. 21-29

7. Deroey, K.L.B., Taverniers. Just remember this: Lexicogrammatical relevance markers in lectures // English for Specific Purposes, 2012. – Vol. 31. – No. 4. – pp. 221-233.

8. House J. Developing pragmatic competence in English as a lingua franca: Using discourse markers to express (inter)subjectivity and connectivity // Journal of Pragmatics, 2013. – Vol. 59. – pp. 57-67.

9. Levin H., Gray D. The Lecturer's OK // American Speech 58, 1983. – pp. 195 – 200.

10. Lee Jong-Mi. The Multifunctional Use of a Discourse Marker okay by Korean EFL teachers // Foreign Language Education Research 21, 2017. – pp. 41-65.

11. McGrath L., Kuteeva M. Stance and engagement in pure mathematics research articles: Linking discourse features to disciplinary practices // English for Specific Purposes, 2012. – Vol. 31. – No. 3. – pp. 161-173.

УДК 81'23

O.S. Zubkova

O.S. Zubkova

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТОПОНИМОВ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ
СОЗНАНИИ (НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТАЖНОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА)**

**FUNCTIONING OF TOPONYMS IN THE INDIVIDUAL CONSCIOUSNESS
(SOME RESULTS OF THE PILOT EXPERIMENT)**

В статье представлены некоторые результаты пилотажного эмпирического исследования топонимов на материале русского, английского и итальянского языков. Автор акцентирует внимание на антропоцентричности создаваемой носителем языка индивидуальной картины мира. Подчёркивается, что образы объективируют концептуализацию и категоризацию окружающей действительности, являясь основой для интерпретации топонимической лексики, отражающей мировосприятие индивида. В

статье констатируется, что в топонимах как в лингвосемиотических знаках отражаются лингвокультурный опыт и традиции конкретного этноса.

Ключевые слова: топоним, топооснова, топонимическая номинация, индивидуальное сознание, ассоциативный эксперимент.

The article presents some results of the pilot empirical research of toponyms based on the material of Russian, English and Italian. The author focuses on the anthropocentricity of the individual worldview created by a native speaker. It is emphasized that images objectify the conceptualization and the categorization of the surrounding reality, being the basis for the interpretation of toponymic vocabulary that reflects an individual's perception of the world. The article states that toponyms as well as linguosemiotic signs reflect linguocultural experience and traditions of a particular ethnic group.

Key words: toponyms, topographic base, toponymic nomination, individual consciousness, associative experiment.

Формирование топонимической картины мира представляет собой актуальную задачу современной лингвистики, поскольку топоним располагает безусловной этнолингвокультурной значимостью и интегративным статусом, а топонимическая система в вербализованном виде передает историко-социальные, языковые и этнокультурные особенности народа. Топоним становится не только определённым идентификатором географического объекта, но и представляет собой описание окружающей действительности, включая в себя широкий спектр конструктивных языковых возможностей. Образная номинация, заключенная в топониме, «всегда национально специфична в том смысле, что закрепляет в себе исторически сложившуюся в сознании народа субъекта номинации картину мира» [1, с. 218].

Вместе с тем, «образ представляет собой базовую составляющую, формирующую социально-культурное представление» [2, с. 31] о топонимическом объекте в индивидуальном сознании реципиента. Иными словами, топоним является сложным феноменом, особой коммуникативной единицей, формируемым как индивидуальное представление, тесно связанное с массовым сознанием.

Очевидно, что топоним функционирует на двух уровнях коммуникативного пространства языковой личности: на уровне языка и на уровне культуры. Топоним состоит из специфического конгломерата лингвистического и экстралингвистического планов, сведения о лексеме

переплетаются со страноведческой и культурологической информацией об объекте. «Непрерывный континуум, который представляет собой ономастическое пространство с его разнообразным заполнением в разные эпохи и у разных народов, доступен в полном обозрении лишь для лиц, специально этим интересующихся. Ономастическое пространство, доступное отдельному индивиду, включает в себя разные области его, но лишь во фрагментарном виде» [3, с. 17]. Подчеркнём, что, согласно нашим наблюдениям, нередко в топониме устанавливаются «новые связи, разрушающие ограниченные рамки профессионального терминопотребления, что неизбежно ведет к изменению природы конкретной лексемы, соотносящейся в новом для себя контексте с иными, узкопрофессиональными фактами и явлениями» [4, с. 44] Исходя из вышеозначенных постулатов, мы предположили, что топонимы формируются при помощи различных аспектов языковой системы (синтаксического, морфологического, лексемного и др.) и являются результатом интерференции когнитивно-перцептивно-аффективного опыта индивида как носителя конкретного языка на их понимание.

Задачи исследования.

На данном этапе эмпирического исследования для нас были релевантны следующие задачи: сбор и систематизация топонимических номинативов по лексикографическим источникам; – подготовка и проведение ассоциативного эксперимента; – анализ и описание полученных данных; – обобщение результатов исследования.

Методы исследования.

В качестве основного метода эмпирического исследования нами была выбрана ассоциативная методика, применяемая в рамках свободного ассоциативного эксперимента. Кроме того, нами применялись метод семной интерпретации, количественный метод, интерпретационный метод.

Материал исследования.

Материалом исследования для нашего пилотажного эксперимента послужили 30 стимулов, извлеченных методом сплошной выборки их лексикографических источников на русском, итальянском и английском языках (по 10 стимулов на каждом языке соответственно). Русские топонимы: *Безлюдовка, Добрые Пчёлы, Разбитый Котёл, Мухоедово, Верхние Караси, Жареный Бугор, Синие Кусты, Кривое Колено, Красное Эхо, Веселая Жизнь*. Итальянские топонимы: *San Giovanni in Fiore, Isola di Capo Rizzuto, Mazara del Vallo, San –Marino, Sala Consilina, Lercara Friddi, Rodi Garganico, Castellammare di Stabia, Corgliano Calabro, Palma di Montechiaro*. Английские топонимы: *Great Yarmouth, Kingston upon Hull, Newcastle upon Tine, Stafford-upon-Avon, Kings-Linn, Great Grimsby, Saint Andrews, Barrow-in-Furness, Stoke-on-Trent, Middlesbrough*.

Участники и процедура эксперимента.

Участниками эксперимента стали представители трёх лингвокультур (общее количество – 45 человек; все – носители языков): первая группа – англоговорящие студенты-филологи и практикующие юристы в возрасте от 17 до 45 лет (15 человек); вторая группа – русскоговорящие студенты-филологи и школьные педагоги-математики в возрасте от 18 до 39 лет (15 человек); третья группа – итаоговорящие студенты-международники и биологи в возрасте от 20 до 42 лет (15 человек).

Испытуемым предлагалась следующая инструкция: «Напишите или первое, пришедшее в голову слово или словосочетание, или поставьте прочерк, если не возникает никаких ассоциаций с предъявленным на карточке словосочетанием/словом». Количество ответов (реакций) и время, отведённое на ответы, не ограничивалось. Кроме того, на карточке необходимо было указать пол, возраст, профессиональную принадлежность или специальность обучения.

Обработка полученных данных.

Вертикальный анализ не выявил непригодных для обработки бланков. В результате проведенного эксперимента нами была получена 291 реакция от 45 испытуемых. Итальянские респонденты дали большее количество ассоциаций, в сравнении с русскими и английскими (136:70:85 соответственно).

Анализ результатов пилотажного эксперимента.

При выполнении анализа эмпирического материала, для каждого из стимулов были построены ассоциативные поля и выделены доминантные (наиболее частотные реакции) и соответствующие периферийные группы признаков. Ассоциативные поля стимулов подразделялись на семантические группы, при выделении которых мы основывались на методе семной интерпретации (см. подр.: [2; 5]).

Ю.Н. Караулов [6] полагает, что оценки, даваемые носителями языка стимульному объекту, определяются отношением «человек – действительность», а отношения «язык – действительность» описываются при помощи «семантического гештальта», определяющего ассоциативное поле как единицу знаний о мире. Семантический гештальт выстраивается на основе семантической классификации входящих в поле ассоциатов (реакций) и состоит из нескольких семантических зон, которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующие стимулу ассоциативного поля, а «структурирование ассоциативного поля по принципу семантического гештальта позволяет учитывать все реакции в поле, в том числе, единичные, отражающие личностное восприятие респондентов» [7, с. 103]. Данные постулаты нашли подтверждение в нашем эмпирическом материале. Например, на предъявляемый стимул *Весёлая жизнь* нами были получены следующие реакции: «развлечения», «много денег», «красивая одежда», «игры», «путешествия», «я держу перо синей птицы».

Для испытуемых – носителей русского языка ядерный слой ассоциативного поля стимула, например, *Весёлая жизнь* представлен

семантической группой «развлечения» (14 реакций: *путешествия (4); игры (4); катание на лыжах (2); походы в кино (2), красивая одежда (2)*). Базовый слой ассоциативного поля состоит из двух семантических групп: «культура» (6 реакций: *культурно и красиво (2); культура, культурная жизнь общества (3), спектакль (1);*) и «оценка» (5 реакций: *интересное путешествие (1); классный сплав по реке (1); угнетающее утро (1); весёлый летний лагерь (2)*). Периферийный слой составляют семантическая группа «литература» (2 реакции: *«Ханума»; комедийная литература*) и единичные реакции (2 реакции: *много денег; я держу перо синей птицы*).

Заметим, что в данной статье мы ограничимся представлением наиболее репрезентативных примеров, отражающих специфику функционирования топонимов и особенности их идентификации испытуемыми в рамках проведённого эксперимента. Качественный анализ эмпирического материала эксплицирует ассоциативные связи между образом топоосновы и даваемыми реакциями, поскольку ассоциативное поле стимула объективирует всё разнообразие как лингвистических, так и экстралингвистических признаков стимульного материала.

Так, например, ассоциативное поле стимула *Добрые пчёлы* представлено следующими тремя слоями: ядерный слой представлен семантической группой «населённый пункт, в котором занимаются разведением пчёл» (8 реакций), *название усадьбы или пасеки* (4 реакции). Базовый слой ассоциативного поля состоит из семантической группы «пчеловодство» (10 реакций), *разведение пчёл, которые не жалят* (2 реакции). Периферийный слой составляет семантическая группа «название» (2 реакции: *название мультфильма; название какого-то фильма*) и единичные реакции (2 реакции: *не жалят всех; тепло*).

Для испытуемых – носителей английского языка ядерный слой ассоциативного поля стимула *Saint Andrews* представлен семантической группой «местность, город» (14 реакций: *местность (5); городок (5); зелёный город (2); небольшая, но удобная округа (2)*) (переводы здесь и далее выполнены нами – О.З.). Базовый слой ассоциативного поля состоит из

семантической группы: «имя» (10 реакций: *имя, фамилия; имя святого; Святой Андрей; апостол Андрей; посланник Andrews*). Периферийный слой составляет семантическая группа «религия» (3 реакции: *религиозность, кто-то из католицизма; иудей*) и единичные реакции (3 реакции: *праздник; зелень, GTA*).

Ассоциативное поле стимула *Great Grimsby* представлено следующими тремя слоями: ядерный слой представлен семантической группой «улица, город» (9 реакций), *название маленького города* (5 реакций). Базовый слой ассоциативного поля состоит из семантической группы «имя» (6 реакций) *имя; фамилия; чьё-то имя или прозвище; имя какого-то человека*. Периферийный слой составляет семантическая группа «учебное заведение» (3 реакции: *университет; католическая школа для мальчиков; школа*) и единичные реакции (3 реакции: *боевик; кино; вино*).

Для испытуемых – носителей итальянского языка ядерный слой ассоциативного поля стимула *Isola di Capo Rizzuto* представлен семантической группой «географический объект» (13 реакций: *остров (5); остров в Капо-Ризуто (5); небольшой островок (2); географический объект (1)*). Базовый слой ассоциативного поля состоит из семантической группы: «название» (10 реакций: *название картины, а имя художника не помню; название кафе; название вкусной пасты; название вкусного соуса; название блюда*). Периферийный слой составляет семантическая группа «отель» (3 реакции: *номер в отеле, хороший отель; солнце во всех номерах*) и единичные реакции (3 реакции: *всегда жарко; очень дорогой бензин, не нравится*).

Ассоциативное поле стимула *Castellammare di Stabia* представлено следующими тремя слоями: ядерный слой представлен семантической группой «достопримечательность» (10 реакций), *местность; красивые здания* (6 реакций). Базовый слой ассоциативного поля состоит из семантической группы «дворец, замок» (6 реакций) *замок в городе; Дворец в Стабии, прибрежный дворец в Стабии; музей-дворец; крепость-замок; замок-музей*. Периферийный слой составляет семантическая группа «развлечения» (4 реакции: *название*

заведения; танцы в красных платьях; кафе и развлечения; название ресторана) и единичные реакции (2 реакции: *море; костёл*).

Резюмируя вышесказанное, подчеркнём, что при восприятии и идентификации топонима в индивидуальном сознании, образный компонент является основой для формирования «доминирующих ментальных репрезентаций <...> и обеспечивающий направление восприятия» [8, с. 48].

Выводы.

Результаты, полученные нами в ходе эксперимента, позволяют констатировать следующее:

– топонимы содержат очевидные характеристики географических объектов, отражая географические особенности конкретного топообъекта и, нередко, объективируя их лингвокультурные особенности. Кроме того, по определённому топоинформанту можно конкретизировать язык, местность, исторические рамки возникновения конкретной топонимической номинации;

– имя собственное в составе топонимической единицы обладает повышенной аттрактивностью и предметностью, в сравнении с нарицательным именем, для дешифровки которого достаточно так называемой «неопределённой предметности», сопровождаемой трактовкой лексем в топонимических, толковых или энциклопедических лексикографических источниках. Имя собственное характеризуется тесной связью с именуемым топонимическим объектом и не существует вне связи с номинативом;

– имена собственные в составе топонима являются наиболее продуктивным способом обозначения топообъекта. Нами замечено, что иные способы номинации исследуемого феномена (описательная фраза, метафорическое выражение, гиперболизация, числовая номинация) имеют ограниченное распространение в сравниваемых лингвокультурах по сравнению с «универсальностью» имени собственного;

– применение свободной ассоциативной методики позволяет эффективно исследовать элементы топооснов, функционирующих в индивидуальном

сознании. Очевидно, что ассоциативная связь предопределяется культурой, индивидуальным и коллективным знаниями, перцептивно-когнитивно-аффективным опытом носителя языка. Выделение частотных ассоциаций объективирует целостную картину восприятия топонимов представителями исследуемых лингвокультур, акцентируя универсальные черты и определяя их уникальные особенности.

Литература

1. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. – М.: Р. Валент, 2000. – 312 с.
2. Зубкова О.С. Медицинская метафора-термин как ментальная репрезентация // Вопросы когнитивной лингвистики. Научно-теоретический журнал. 2010. – №3. – С. 41-48.
3. Зубкова О.С. Профессиональная метафора в медицинском дискурсе // Известия Юго-Западного государственного университета. Научный рецензируемый журнал. – Серия Лингвистика и педагогика, №3. – 2013. – С. 44-51.
4. Зубкова О.С., Анненкова А.В. Специфика функционирования образов имиджевой рекламы в индивидуальном лексиконе: монография. – Курск: Из-во ЗАО «Университетская книга», 2017. – 242 с.
5. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 191-206.
6. Киселева Е.А. Опыт экспериментального психолингвистического исследования образов России и Японии в обыденном сознании студентов новосибирского государственного университета // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2009. – Том 7, выпуск 2. – С. 103-115.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

8. Фаткуллина Ф.Г. Топонимическая лексика как отражение национальной языковой картины мира // Материалы II Международной научной конференции «Социальное развитие и общественные науки» / European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – № 3. Том 1. – С. 219-224.

References

1. Breus E.V. Osnovy teorii i praktiki perevoda s russkogo yazyka na angliiskii [The basis of Theory and Practice of Translation from Russian into English]. – М.: R.Valent, 2000. – 312 p.

2. Fatkullina F.G. Toponimicheskaya leksika kak otrazhenie nacional'noi yazykovoi kartiny mira [Toponymic Vocabulary as a Reflection of the National Language Picture of the World]. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii "Social'noe razvitie i obschestvennye nauki". Evropeiskii zhurnal social'nyh nauk [European Social Science Journal], 2014. – Vol. 1. – No. 3. – pp. 219-224.

3. Karaulov Yu.N. Pokazateli nacional'nogo mentaliteta v associativno-verbal'noi seti [The Indicators of the National Mentality in the Associative-Verbal Network]. Yazykovoe soznanie i obraz mira [Language Consciousness and Image of the World]. М. – 2000. – pp. 191-206.

4. Kiseleva E.A. Opyt eksperimental'nogo psiholingvisticheskogo issledovaniya obrazov Rossii i YAponii v obydennom soznanii studentov novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [The Experience of the Experimental Psycholinguistic Research of the Images of Russia and Japan in Everyday Consciousness of the Students of Novosibirsk State University]. Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2009. – Vol. 7. – № 2. – pp. 103-115.

5. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]. М.: Vostok-Zapad, 2007. – 314 p.

6. Zubkova O.S. Medicinskaya metafora-termin kak mental'naya reprezentaciya [Medical Metaphor-Term as a Mental Representation]. Voprosy kognitivnoi lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics], 2010. – No. 3. – pp. 41-48.

7. Zubkova O.S. Professional'naya metafora v medicinskom diskurse [Professional Metaphor in Medical Discourse]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika [Proceedings of Southwest State University. Series Linguistics and Pedagogical], 2013. – No. 3. – pp. 44-51.

8. Zubkova O.S., Annenkova A.V. Specifika funkcionirovaniya obrazov imidzhevoi reklamy v individual'nom leksikone: monografiya [The Specifics of Images Functioning of Corporate Advertising in an Individual Lexicon]. – Kursk: Izvo ZAO "Universitetskaya kniga", 2017. – 242 p.

УДК 81'42

Чжао Липэн, Н.А. Романова

Zhao Lipeng, N.A. Romanova

**ВОЕННАЯ ПРИСЯГА КАК ЖАНР РИТУАЛЬНОГО
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ТЕКСТА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ
АСПЕКТ
MILITARY OATH AS A GENRE OF RITUAL INSTITUTIONAL TEXT: A
COMPARATIVE ASPECT**

В статье дается описание военной присяги как жанра ритуального институционального текста. Сформулированы общие, формальные и содержательные особенности жанра присяги. Сопоставлены тексты присяги Вооруженных Сил РФ и присяги Китайской Народно-освободительной Армии. Показано, что композиция и речевая организация текста военной клятвы обусловлены его коммуникативной целью и связанными с ней функциями, а также характером коммуникантов (адресата и адресанта). В содержательной структуре текстов русской и китайской присяг выделены vindиктивная и комиссивная составляющие. Определены темпоральная перспектива и общая схема построения текстов военных клятв двух стран.

Ключевые слова: военная присяга, жанр, коммуникативная цель, речевая организация, декларативная функция, инспиративная функция, vindиктивная и комиссивная составляющие.

The article describes the military oath as a genre of ritual institutional text. The general, formal and substantial features of the oath genre are formulated. The texts of the oath of the Armed Forces of the Russian Federation and the oath of the Chinese People's Liberation Army are compared. It is proved that the composition and speech organization of the text of the military oath is due to its communicative purpose and related functions, as well as the nature of the communicants (addressee and addressee). In the content structure of the texts of the Russian and Chinese oaths, the indicative and commissive components are distinguished. The temporal perspective and the general scheme for constructing the texts of military oaths of the two countries are determined.

Key words: military oath, genre, communicative goal, speech organization, declarative function, inspiratory function, the inductive and commissive components.

Будучи одним из ключевых элементов культуры, ритуал на протяжении веков выступает средством регулирования отношений в обществе. Сакральный компонент в структуре ритуала со временем утратил свою обязательность, появились так называемые светские ритуалы. Ритуальные действия проходят в определенной обстановке, часто сопровождаются необходимой атрибутикой, жестами, чтением письменных текстов либо устными заверениями.

Основным жанром ритуальных текстов является клятва, которая представлена многообразием разновидностей: брачная клятва, юридическая клятва, врачебная клятва (клятва Гиппократа), президентская присяга, ставленническая присяга, военная присяга (институциональные ритуальные тексты); обет, фидеистическая клятва [2, с. 123] (сакрально-ритуальные тексты). Остановимся подробнее на жанре военной присяги.

Процедура принятия военной присяги – один из важных «социотворческих ритуалов», место, время и характер проведения которого значимы в психологическом плане и, как правило, определяются на законодательном уровне.

Военная присяга – церемониальная торжественная клятва, даваемая каждым гражданином при поступлении на военную службу в вооружённые силы государства. Она существует с давних пор и характеризуется специфическим содержанием, традициями и обрядами по ее принятию, зависящими от исторически сложившихся обычаев того или иного народа, сущности государственного строя, его вооруженных сил.

В юридической науке присяга трактуется как принятие торжественного обещания выполнять обязанности в соответствии с принимаемым статусом (должностью), сам юридический факт изменения социального статуса субъекта, осуществляемый на основе специальных символических действий в рамках проводимого ритуала.

Присяга (военная клятва) имеет ряд специфических черт, свойственных институциональным текстам:

1. Общие:

1) конвенциональный характер (соответствие заданным схемам, образцам или правилам текстового и речевого употребления в коммуникации, обслуживающей практическую деятельность человека) [3, с. 157];

2) торжественность, церемониальность (присяга произносится в торжественной обстановке, при наличии специальных атрибутов и действий, что определяет ее возвышенный стиль);

3) инспиративность (позитивные эмоции, отражающие идентификацию субъекта с формируемой новой государственно-правовой общностью);

4) публичность (зачитывается в обстановке открытости, в окружении большого количества людей);

5) облигаторность (обязательность произнесения и исполнения);

2. Формальные:

6) регламентированность;

7) регулярная воспроизводимость образцов и моделей;

8) типизированность (в кратких словесных формулировках раскрываются важнейшие поведенческие ориентиры, спектр обязанностей новобранца, перспективы его существования в связи с новым положением);

9) изоморфизм;

3. Содержательные:

10) перформативность (равнозначность действию (эквивалентность) и неприложимость к нему критериев истинности / ложности);

11) промиссивный характер (присяга является текстом-обещанием, или текстом-промиссивом) [3, с. 160-161].

Перейдем к сравнению жанровых параметров текстов присяги Вооруженных сил Российской Федерации (далее – присяга ВС РФ) и присяги Китайской Народно-освободительной Армии (далее – присяга КНОА).

Текст присяги ВС РФ:

«Я, (фамилия, имя, отчество), торжественно присягаю на верность своему Отечеству – Российской Федерации. Клянусь свято соблюдать Конституцию Российской Федерации, строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников. Клянусь достойно исполнять воинский долг, мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество!»

Текст присяги КНОА:

«Я солдат Китайской Народно-Освободительной Армии. Клянусь: подчиняться руководству Коммунистической партии Китая, искренне служить народу, выполнять приказы, быть дисциплинированным, быть храбрым и упорным, не бояться жертв, тренироваться, чтобы убивать врага, всегда быть готовым сражаться, никогда не дезертировать из армии, клянусь насмерть защищать Родину».

中国人民解放军誓词

“我是中国人民解放军军人，我宣誓：服从中国共产党的领导，全心全意为人民服务，服从命令，严守纪律，英勇顽强，不怕牺牲，苦练杀敌本领，时刻准备战斗，绝不叛离军队，誓死保卫祖国。”

Особенности композиции и речевой организации текста, как правило, обусловлены его коммуникативной целью и связанными с ней функциями, а также характером коммуникантов (адресанта и адресата).

Коммуникативная цель. Функции.

Коммуникативная цель присяги – воодушевление военнослужащего на надлежащее выполнение военных обязательств перед Родиной, фиксация перехода присягающего в новый статус.

Присяга в соответствии со своей основной коммуникативной целью выполняет две основные функции: декларативную и инспиративную [4, с. 69-70].

Декларативная функция заключается в том, что данный текст создает новую реальность: произнесение текста клятвы означает установление определенного положения дел для будущего социального статуса. Декларативная функция актуализируется в провозглашении принципов действий адресанта, декларировании морального, патриотического и гражданского долга и обязанностей. Языковыми маркерами декларирования профессиональных обязанностей выступают инфинитивы и словосочетания с инфинитивом: *Inf+N, Inf+Adj (выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников, выполнять приказы, быть дисциплинированным, быть храбрым и упорным, не бояться жертв, тренироваться, никогда не дезертировать из армии).*

Инспиративная функция проявляется в способности присяги выступать в качестве инструмента и механизма воодушевления будущего солдата, вызывать у него положительные эмоции, способствующие идентификации субъекта с формируемой государственно-правовой общностью. Лингвистическими маркерами данной функции служат номинации возвышенных эмоций, передаваемые в первую очередь наречиями (*свято соблюдать Конституцию, строго выполнять требования воинских уставов, достойно исполнять воинский долг, мужественно защищать свободу, искренне служить народу, насмерть защищать Родину).*

В тексте присяги Вооруженных сил РФ превалирует инспиративная функция, тогда как в присяге китайской Народно-освободительной Армии в большей мере выражена декларативная функция. Это связано с желанием

акцентировать морально-нравственную основу безусловного выполнения воинского долга (российская присяга) либо с необходимостью перечислить обязанности, основные умения и личные качества солдата с целью формирования образца для подражания (китайская присяга).

Адресат и адресант.

Присяга может иметь в качестве адресатов лицо или группу лиц, относящихся к высшему эшелону государственной власти (в РФ присягают верховному главнокомандующему армией – президенту, в КНР клятву дают председателю Центрального военного совета – генеральному секретарю ЦК Коммунистической партии Китая); реальных адресатов-наблюдателей – военнослужащих и других лиц, участвующих в ритуале принятия присяги, а также приглашенных; виртуальных адресатов-наблюдателей – Бога, лиц, которые не присутствуют на церемонии, но могут упоминаться в тексте присяги и, соответственно, называются присягающим [5, с. 79-80] (данный тип адресата не представлен в исследуемых текстах).

В качестве адресанта во всех рассматриваемых нами институциональных клятвах выступает лицо – человек, приобретающий новый статус, вступающий в ряды вооруженных сил РФ / Народно-освободительной Армии Китая (*Я солдат Китайской Народно-Освободительной Армии...; Я, (фамилия, имя, отчество)...*). В первом тексте адресант уже наделен статусом новобранца (на это указывает лексема *солдат*), тогда как во втором – адресант обретает новую роль лишь после произнесения текста клятвы.

Современная присяга носит двунаправленный характер (коммуниканты закреплены конвенционально на законодательном уровне, адресант произносит готовый записанный ранее текст, реальные адресаты-наблюдатели сохраняют молчание). В институализированном ритуальном речевом акте (присяге) успех гарантирован только благодаря наличию у адресата и адресанта специальных полномочий [3, с. 158].

Композиционно-содержательная структура текста.

Присяга ВС РФ: Текст небольшой по объему, не делится на части. Состоит из трех предложений. Это типовой текст, поэтому информация в скобках меняется в зависимости от субъекта текста – того, кто его будет произносить.

Присяга КНОА: Объем текста небольшой, он состоит из двух предложений, которые по содержанию можно условно разделить на две части. Это универсальная клятва китайских военных солдат. Содержание является фиксированным и не нуждается в изменении в соответствии со сменой предмета клятвы.

Хотя формальное членение текста отсутствует, в содержательном плане все же можно выделить две части: вступление (фраза-зачин) и основную часть (композиции русской и китайской присяг изоморфны).

Присяга Вооруженных сил РФ начинается с именованя фамилии, имени и отчества присягающего, присяга Народно-освободительной Армии Китая – с вводной формулы, указания должности / положения лица, произносящего клятву (интитуляции) – *Я солдат Китайской Народно-освободительной Армии...*

Далее следует основная часть, содержащая гарантии и обязательства перед Конституцией народом и Отечеством.

По мнению И.И. Чеснокова, текст любой присяги содержит виндиктивный (готовность говорящего подвергнуть себя юридическим и этическим санкциям за нарушение присяги) и комиссивный (описание взятых на себя обязательств) компоненты [5, с. 81]. В виндиктивной составляющей текста военной присяги используется глагол «клянусь» (идентична для двух анализируемых текстов), комиссивная составляющая присяги ВС РФ включает 4 компонента, присяга КНОА состоит из основного обязательства – быть дисциплинированным, храбрым и упорным, которое конкретизируется рядом вербальных построений, указывающих на определенные виды деятельности (их 8).

Общая схема построения текста присяги

Присяга ВС РФ: Субъект (я) – действие (присягаю) – содержание присяги, клятвы (что обязуется выполнять).

Присяга КНОА: Субъект (я) – действие (клянусь) – содержание присяги, клятвы (что обязуется выполнять).

Темпоральная перспектива текста

Апелляция к настоящему в зачине присяги осуществляется через перформатив, содержащий глагол в 1-м лице единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога (*клянусь, присягаю*).

Основная часть в обеих присягах апеллирует к будущему времени, которое реализуется через инфинитивные конструкции (*клянусь соблюдать, клянусь выполнять, клянусь защищать, клянусь подчиняться, клянусь служить, клянусь тренироваться*). Категория прошлого в текстах русской и китайской присяг не представлена.

Лексико-грамматическая организация текста.

Присяга ВС РФ.

В тексте используются имена существительные, называющие:

- 1) государство, его закон: *Отечество, Российская Федерация, Конституция РФ, Россия, народ России;*
- 2) понятия военной сферы: *устав, командиры, начальники, приказ;*
- 3) нравственно-этические категории: *Воинский долг, верность Отечеству;*
- 4) ценности, которые защищает солдат: *свобода, независимость, конституционный строй.*

Прилагательные в тексте не используются, при этом отмечается широкое употребление наречий (их присутствие обусловлено «глагольным» характером

текста): *свято* соблюдать, *торжественно* присягаю, *достойно* исполнять, *мужественно* защищать, *строго* выполнять.

Присяга КНОА:

Здесь также можно констатировать наличие имен существительных, называющих:

1) государство, его закон: *Китайской Народно-Освободительной Армии, Коммунистической партии Китая, народ, Родина;*

2) понятия военной сферы: *солдат, армия, приказ;*

3) ценности, которые защищает солдат: *искренне служить народу, защищать Родину.*

В тексте присяги отмечены имена прилагательные и одно наречие: *Китайской, Освободительной, Коммунистической, дисциплинированный, храбрый, упорный, искренне* служить.

Синтаксис текста

Присяга ВС РФ. Предложения текста присяги ВС РФ имеют простую структуру, являются односоставными определенно-личными с однородными членами. Завершает текст восклицательное предложение, выражающее эмоциональное состояние говорящего.

Присяга КНОА. В тексте используется намеренное расчленение связного фрагмента на несколько пунктуационно и интонационно самостоятельных отрезков (парцелляция) с целью выделения глагола «клянусь». Второе предложение – сложное, осложненное однородными членами.

Заключение

Итак, тексты рассмотренных присяг имеют сходство в содержательном (солдаты клянутся в верности Родине, обязуются защищать Отчизну и народ, подчиняться приказам, строго соблюдать законы и военную дисциплину) и формальном (единство композиции) плане. Но, несмотря на изоморфизм и тождественность, все же есть определенные отличия:

1. В русском тексте адресат присяги меняется, в то время как в китайском он универсален, фиксирован.

2. В присяге Вооруженных сил России за счет употребления большого числа оценочных лексических единиц в большей степени выражена инспиративная функция.

Рассмотрение текстов присяг в сопоставительном аспекте позволяет выявить в них универсальные и национально-специфические черты. Это обусловлено тем, что содержание, традиции и обряды по принятию присяги зависят от мировидения, исторически сложившихся традиций и обычаев народа, его вооруженных сил и сущности строя каждого государства.

Литература

1. Русакова Н.Г. Присяга при приобретении гражданства российской федерации иностранцами // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 4 (40). – С. 205-207.

2. Рабенко Т.Г. Клятва как фидеистический речевой жанр. // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 13 (194). – С. 122-126.

3. Сиразиева З.Н. Прагмалингвистический анализ речевого жанра "клятва" в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2016. – № 1. – С. 156-162.

4. Сиразиева З.Н. Специфика инспиративной и декларативной функций в текстах речевого жанра "клятва" в русском и английском языках // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 8-3. – С. 68-70.

5. Чесноков И.И. Военная присяга в советской армии: когнитивно-коммуникативный аспект // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. – № 8 (131). – С. 79-83.

References

1. Rabenko T.G. Kljatva kak fideisticheskij rechevoj zhanr [The oath as a fideistic speech genre]. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2010. – No. 13 (194). – pp. 122-126.
2. Rusakova N.G. Prisjaga pri priobrenenii grazhdanstva rossijskoj federacii inostrancami [Oath of the acquisition of citizenship of the Russian Federation by foreigners]. Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii [Jurisprudence and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017. – No. 4 (40). – pp. 205-207.
3. Sirazieva Z.N. Pragmalingvisticheskij analiz rechevogo zhanra "kljatva" v russkojazychnoj i anglojazychnoj lingvokul'turah [Pragmalinguistic analysis of the speech genre "oath" in Russian-speaking and English-speaking linguistic cultures]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics], 2016. – No. 1. – pp. 156-162.
4. Sirazieva Z.N. Specifika inspirativnoj i deklarativnoj funkcij v tekstah rechevogo zhanra "kljatva" v russkom i anglijskom jazykah [The specifics of the inspiratory and declarative functions in the texts of the speech genre "oath" in Russian and English]. Sovremennye tendencii razvitija nauki i tehnologij [Modern trends in the development of science and technology], 2016. – No. 8-3. – pp. 68-70.
5. Chesnokov I.I. Voennaja prisjaga v sovetskoj armii: kognitivno-kommunikativnyj aspekt [Military oath in the Soviet army: cognitive-communicative aspect]. Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], 2018. – No. 8 (131). – pp. 79-83.

**КОМПОЗИЦИОННАЯ СЕМАНТИКА ЭВФЕМИСТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА
COMPOSITIONAL SEMANTICS OF EUPHEMISTIC DISCOURSE**

В статье рассматривается возможность применения одной из базовых категорий лингвистической прагматики – эвфемии – в анализе не только структуры высказываний, но и дискурсов. В частности, анализируются проблемы специфики проявления эвфемии в процессах порождения эвфемистического дискурса, формирования его тексто-дискурсивных структур, развертывании тексто-содержательных (диктумных и модусных) составляющих. Обсуждается роль эвфемии в случаях нормативных и коммуникативно осложненных текстов при восприятии текста (эвфемистического дискурса) потенциальным адресатом.

Ключевые слова: эвфемия, эвфемистический дискурс, модус, диктум, коммуникация.

The article discusses the possibility of using one of the basic categories of linguistic pragmatics – euphemia – in the analysis of not only the structure of statements, but also discourses. In particular, the author analyses the problems of the specific euphemia manifestation in the processes of generating euphemistic discourse, the formation of its text-discursive structures, the deployment of text-content (dictum and modus) components. The role of euphemia in cases of normative and communicatively complicated texts in the perception of a text (euphemistic discourse) by a potential addressee is discussed.

Key words: euphemia, euphemistic discourse, modus, dictum, communication.

Введение

Постепенно усложняющийся уровень социальной организации общества способствует прогрессу коммуникативной системы индивида, что тождественно отражается на развитии как языковых явлений, так и языковой системы в целом. Диахронический анализ в рамках теории эвфемизма демонстрирует не только преобразования его формы и содержания, но и усложнение фигурации коммуникативно-прагматической деятельности.

Так, если в середине XX в. причинность эвфемизма коррелировала исключительно с религиозными табу (Л.А. Булаховский, Б.А. Ларин, А.А. Реформатский), запрещающими упоминать явно некоторые духовно опасные религиозные выражения, то уже к концу XX в. (1980 г.) в научном

мире эвфемия рассматривается через призму «социального, психологического и собственно лингвистического аспектов» [8, с. 9] как сложное языковое явление, которое реализуется особым образом в речи. В начале XXI в. глубокое научное осмысление получила именно лингвистическая сущность эвфемизма за счет систематизации языковых эвфемизмов по степени эвфемизации (Е.П. Сеничкина); классификации по тематическим классам (А.М. Кацев, Р. Холдер), по способу образования и по функции (В.П. Москвин); спецификации средств и целей эвфемизации (Л.П. Крысин, В.П. Москвин, Т.Л. Павленко, Е.П. Сеничкина, А.С. Мейриева) и типов дискурса: политический (О.В. Обвинцева, Н.В. Прядильникова, Е.И. Шейгал), деловой (Н.М. Потапова), медицинский и педагогический (Н.В. Тишина), в которых активно функционируют эвфемизмы. Однако с течением времени и по мере накопления научно-эмпирической базы становится очевидным, что понимание эвфемизма только в категории языкового выражения (высказывания) является редуцированным и недостаточным для решения ряда проблем в таких научных подходах к языку, которыми являются коммуникативная лингвистика, лингвистическая прагматика, анализ дискурса и некоторые другие. В последнее десятилетие эвфемизмы рассматриваются российскими учеными в контексте проблематики речевого воздействия (Ю.С. Баскова, Г.А. Копнина, Л.Н. Саакян), а усложняющаяся формализация научной сущности эвфемизма способствовала появлению четвертого, этико-риторического аспекта изучения эвфемизма (А.М. Никитина). Актуальность риторики в данном случае подчеркивает принцип именно убеждающей речи [16]. Под этико-риторическим аспектом эвфемии А.М. Никитина понимает «учет речевой ситуации общения, то есть условий речи: факторов адресата и адресанта, обстоятельств, при которых происходит общение (место, время), предмета речи, социальных связей и личных отношений между говорящими, целей и задач речевых действий» [12]. Такой подход позволяет расширить диапазон области исследования эвфемизма как явления не только языка, но и речи, что в свою очередь дает нам

возможность ввести в научное обсуждение такой термин как «эвфемистический дискурс».

Изложение основного материала

Трактуя дискурс (вслед за Л.В. Щербой) как речевую деятельность, текст нами понимается как структурный компонент этой деятельности, т.е. как последовательность знаковых единиц, объединённая смысловой связью и фиксированная определенным вещественным образом. Ввиду того, что дискурс рассматривается учеными (Арутюнова Н.Д., Богданов В.В.) как «единство и взаимодействие текста и внелингвистических условий и средств его реализации» [1, с. 183] и как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами» [18, с. 136], то логичным можно считать утверждение о том, что эвфемистический дискурс объединяет в себе как сам эвфемистический текст, так и социальный контекст его использования (интерпретация эвфемистического дискурса возможна лишь с учетом социальных, психологических и культурных факторов ситуативного контекста коммуникации). Попадая в фокус внимания интерпретатора, эвфемистический текст стимулирует в его сознании состояния, сходные с состояниями отправителя, что порождает схожие смыслы и ассоциации и тем самым способствует возникновению эвфемистического дискурса. Эвфемистический дискурс, соответственно, понимается нами не просто как деятельность/взаимодействие во всем многообразии социальных контекстов, но и как психический процесс интерактивного взаимодействия коммуникантов, направленный на конструирование языковых знаков особого типа – эвфемизмы, где формирование нового смысла происходит в результате «особого механизма мышления – эвфемии» [2]. Эвфемистический дискурс – это сложное коммуникативное событие [6] (ситуация), в норме интенциональное, в рамках которого адресантом (говорящим, автором) текста производится осознанный отбор объектов дискурсивной деятельности под влиянием эвфемии

(психо-когнитивной категории объективации мира), которая ложится в основу диктумной (пропозитивные объективные смыслы) и модусно-модальной (оценочная установка) составляющих порождения текстов и дискурсов и задает направление «развертывания» дискурсивных событий, текстовой истории в целом.

Причины, инициирующие «эвфемию как стратегию, предполагающую словесное доминирование говорящего с опорой на принцип коммуникативного сотрудничества» [14], а собственно «эвфемизм как речевой акт» [10, с. 364-365], демонстрирующий особое речевое намерение участников коммуникации, не однозначны [11]. В рамках данной статьи, вслед за учеными (В.И. Жельвисом, А.М. Кацевым, А.В. Кириллиной, М.Л. Ковшовой, О.В. Обвинцевой, Г. Паулем, Е.Н. Торопцевой, С. Ульманом, К.К. Шахжури и т.д.), мы возложим на эмпатию ключевую роль в качестве психо-когнитивного триггера при выполнении «гуманистического заказа» эвфемистического дискурса.

Эвфемистический дискурс, таким образом, предлагаем рассматривать в терминах основных категорий риторики: этос, логос и пафос (в терминологии Ю.В. Рождественского). Этос (условия для речи) – речевая ситуация, в которой может быть затронута тема (как, например, инвалидность), способная задеть, оскорбить собеседника. В нашем примере этос – публичные интервью, рассчитанные на широкую аудиторию. Пафос (намерение, замысел создателя речи) – не задеть чувства адресата(тов), не обидеть слушающего, избежать возможного конфликта, прийти к взаимопониманию – сообщить общественности о проблемах инвалидов таким образом, чтобы, с одной стороны, показать, насколько отличается (отягощается) жизнь каждого, кто имеет физические особенности, и, с другой стороны, никого не обидев и не задев, подчеркнуть особенности и достижения каждого. Логос (словесные средства выражения эвфемистической интенции) – собственно эвфемизмы, нейтрально или положительно окрашенные слова, стилистические приемы (эпитеты, перифраз, антитеза, антифразис, сравнения), фигуры речи (метафора,

метонимия, ирония), призванные «смягчить» изложение фактической информации.

Для анализа мы рассмотрим несколько примеров эвфемистического дискурса, где диктумом является инвалидность в разных формах ее проявления. Несмотря на то, что в России эта тема не является стигматичной и об инвалидности говорят «без заигрываний», например, в поправках к Конституции мы встречаем четкую формулировку: «Законодательство Российской Федерации о социальной защите **инвалидов** состоит из соответствующих положений» [17], инвалидность, будучи проявлением медико-биологической дисфункции, является также одной из самых острых проблем и в социальной сфере, поэтому любое публичное обсуждение этой темы всегда болезненно и неоднозначно.

Инициатором и основным направляющим вектора «развертывания» эвфемистического дискурса является автор и ведущий программы, в которой обсуждается «болезненная» для общества тема, в частности, «инвалидность». Герой программы и зрители, хоть и являются участниками этой коммуникативной ситуации, но имеют второстепенное значение, уступая ключевую роль Адресанту. Несмотря на это, роль зрителей (для них создается весь дискурс), равно как и роль самого героя программы (полноценный участник коммуникации), нельзя недооценивать.

Наблюдения показывают, что реализация эвфемистического дискурса в значительной степени зависит от ряда факторов, связанных, в первую очередь, с лицом говорящего (Адресанта), в частности:

1) намерение адресанта открыто или скрыто демонстрировать эмпатию и, как результат, разворачивать эвфемистический дискурс. Такое намерение может быть выражено сразу несколькими способами:

а) в заголовке названия интервью, например: «*Моё трудное счастье*». Большой разговор о материнстве, семье и любви», «Жизнь после страшных ожогов. 47 операций и ампутация. «Живее я себя никогда не чувствовала»», «Рустам и Индира Набиевы. *История любви после трагедии*. Мальдивы, дети,

Эльбрус!». В этих заголовках прослеживается максимальная поддержка героев (эмпатия).

б) при представлении героя, т.е. в начале интервью, например:

«Я увидела твою фотографию в этом проекте (отсутствие ступней) ... (глубокий вдох и выдох) ... и, наверное, я не единственная, для кого эта фотография была откровением. С тех пор мое отношение к тебе изменилось. И все, что бы ты ни делала, оно теперь приобрело какой-то дополнительный флер героизма, преодоления, подвига» [4].

в) в середине интервью автор использует такие, на первый взгляд, незаметные, короткие фразы: «я тобой восхищаюсь», «ты мой герой», «ты настоящий герой», «ты потрясающая», «твоя история вызывает восхищение, смешанное с сочувствием» и т.д., которые носят характер поддержки и одобрения.

2) детальная осведомленность адресанта о личной ситуации героя и особенностях его «преодоления», что позволяет избежать нетактичных вопросов и не провоцирует героя самостоятельно излагать подробности своей трагедии. В таком случае автор излагает свою мысль с позиции констатации, например: «Я знаю, что ты перенесла 22 операции и это был непростой опыт для тебя», «Готовясь к программе, я прочитала информацию о трагедии, которая произошла с тобой. Не представляю, как тебе удалось выжить», «Давай сразу оговоримся, или скажем зрителям, что ты перенесла тяжелую операцию». Призыв «давай расскажем» демонстрирует попытку автора разделить переживания героя и продемонстрировать это зрителям.

Для обеспечения максимального коммуникативного эффекта, автор (ведущий) может варьировать свое обращение, прибегая к различным средствам выражения, что дает возможность выделить несколько каналов трансляции эвфемистического дискурса: семантический и прагматический (фонетический, визуальный и тема-рематическая структура).

Семантическая и диктумно-событийная составляющая эвфемистического текста как части эвфемистического дискурса

Как уже отмечалось, диктумная (пропозитивно-сюжетная) составляющая текста, кроме многих других факторов, зависит от подбора адресантом (автором, рассказчиком) объектов (в широком смысле слова) изображения и введения (или не введения) их в фокус эвфемистических преобразований. Основные задачи эвфемистического дискурса реализовываются при помощи различных тропов и фигур, организующих эвфемистический текст.

При анализе структурно-семантических особенностей эвфемистического дискурса, первое, что обращает на себя внимание, – это семантическое противопоставление общепринятого лексического фонда, зафиксированного в словарных статьях (понятие «инвалид» представлено такими выражениями как *беспомощный, немощный, пожизненный, жалкий, несчастный*) [7] и субъективного авторского лексического фонда, используемого в видео для выражения позиции автора (эмпатия) при интерпретации этого понятия.

Одним из наиболее часто встречающихся авторских приемов, тропов, выполняющих эвфемистическую функцию, является эпитет, дающий портретную, психологическую, поведенческую характеристику герою (инвалиду), например: *«удивительная девчонка», «успешный мужчина», «счастливая жена и мама», «сильный, красивый мужчина»* и т.д. Можно встретить также поэтические конструкции эпитетов, например: *«судьбоносная поездка», «мятежные мысли», «звенящая история»*.

Образные определения, дополняющие друг друга, дают разностороннюю (преимущественно положительную) характеристику герою, могут также образовать цепочку эпитетов, длина которой составляет и три, и четыре единицы, например: *«симпатичный, высокий и худой парень», «красивая, статная, успешная, яркая женщина»*.

В рамках эвфемистического дискурса часто встречается употребление такого тропа как перифраза, которая представляет собой описательный оборот, образуемый для замены одного наименования другим, например: *«важный*

аспект этой истории / что-то ужасное случилось – авария», «прогнозы врачей – диагноз: инвалидность», «человек, который научился ценить не то что каждый год, а каждый день своей жизни – инвалид», «важная информация обо мне, которая во многом меня определяет, – инвалидность».

К языковым средствам, придающим речи образность и эвфемистическую выразительность, относится также и антитеза, например: *«сломанный позвоночник, но не сломанная жизнь и душа», «я не такая, как все (инвалид), но я страшно красивая и самовлюбленная», «да, у меня такое случилось (нет ног), но я жива, я с этим справлюсь», «твоя история очень трагичная с одной стороны и очень красивая с другой».*

Риторический вопрос используется для демонстрации эмоционального настроения говорящего, где внешне выражаемая недостаточная информированность и неуверенность контрастирует с ясно осознаваемой внутренней убежденностью, например: *«Каким же образом такая изысканная на вид особа, как вы, оказалась в таком положении?», «Как удастся Вам выстоять в таких обстоятельствах?», «Я часто задаю себе вопрос: как бы я повела себя в такой ситуации»* и т.д.

В речевых ситуациях реализации эвфемистического дискурса, часто встречается употребление средств с высоким индексом образности (термин Зубковой О.С.), где метафора, например, используется «в создаваемых субъективно обусловленных образах, актуальных в ситуации «для меня здесь-и-сейчас». Восприятие и развитие образов осуществляется целостно и посредством важнейших психических процессов (восприятия, мышления, памяти), реализующих сознание как отрефлексированное отражение мира» [5, с. 9]. Например: *«в каком таком тренажерном зале я свою силу прокачала»,* здесь речь идет о стойкости и выносливости, способствовавших примирению героини с ее статусом инвалида; *«это мой модный аксессуар, как сумочка у девушек»* – речь идет об инвалидной коляске; *«как люди отреагируют на коляску»* – перенесение образа инвалида с человека на техническое средство и т.д.

Ирония или даже самоирония является существенным и значимым компонентом эвфемистического текста и, соответственно, эвфемистического дискурса, например: *«когда в первый раз после аварии села за руль – я скакала до потолка», «жена часто просит «ноги убери», когда пылесосит (смеется)»* (ног нет вообще), *«я понимала, что мне необходимо «стать на ноги» (смех) и жить самостоятельно»* (в данном случае речь идет о способности о себе самостоятельно заботиться).

При анализе семантической составляющей эвфемистического текста важно также отметить и способы преобразования смысла с помощью «устоявшихся речевых тактик» [9] за счет смещения фокуса говорящим на:

- целый объект (состояние) или его часть: *«ступни малость не такие, а остальное-то все нормальное», «пусть у меня ног нет, но руки-то у меня сильные», «у меня ботинки странной формы»;*

- объект (состояние) или его функции: *«физические особенности», «сложность передвижения», «доступная среда дома»; «я имею право стоять рядом с вами и фотографироваться в рост», «то, что делает обычный рядовой человек и что делает человек в инвалидном кресле. Последний – герой, а этот просто заурядный», «это (авария, повлекшая инвалидность) произошло, а я осталась нормальным человеком»;*

- отдельный объект или системы объектов: *«здесь целый мир колясочников», «целая жизнь колясочников»* (речь идет о городе Евпатория, который специализируется на организации досуга и лечения для людей с дополнительными потребностями), *«мы такие же как все», «в нашей семье все здоровые, все полноценные», «мне хотелось помочь всем людям, которые оказались в такой ситуации»;*

- разные объекты одного класса: *«я на него сразу обратила внимание, он выделялся из всех: высокий, сильный, худой»* (каждый член этой группы имеет инвалидность разной степени)»;

- объекты существенные или не существенные для общей обговариваемой темы: *«я не чувствовала ног, но представляла, как море ласкает мои пальцы»* и т.д.

Вектор перемещения и движения фокуса существенно зависит от функционально-содержательной природы эвфемистического текста. Это далеко не полный список семантических преобразований и способов смещения фокуса при обсуждении темы в рамках эвфемистического дискурса, однако их достаточно, чтобы продемонстрировать особенности семантической составляющей эвфемистического дискурса, которая определяет ход коммуникативного взаимодействия и влияет на успешное протекание и логичное «развертывание» эвфемистического текста.

Одной из важных причин коммуникативных неудач или серьезных коммуникативных осложнений при разворачивании эвфемистического текста и, как следствие, эвфемистического дискурса, может стать неготовность одного или всех участников коммуникативного акта вести разговор на определенную тему, то есть ставить в фокус внимания конкретные объекты, события, факты и т. д. Типичные высказывания участников общения в этом случае: *«Не хочу об этом говорить»*, *«Давай поменяем тему разговора»* и т. д., что также способствует сохранению коммуникативного комфорта.

Прагматическая и модусно-модальная составляющая эвфемистического дискурса

Будучи разновидностью креолизованного текста, эвфемистический текст, для реализации прагматических целей, может включать в себя разнородные средства передачи информации: вербальные, экстралингвистические, изобразительные (иконические), мелодические и т.д. Взаимодействуя друг с другом, эти средства обеспечивают целостность и связность всего текста и, как следствие, его коммуникативный эффект.

С позиции фигурации коммуникативно-прагматической деятельности ход и развертывание эвфемистического дискурса можно отследить и по изменению

отношения, оценки к отдельным объектам обсуждения, которые становятся одним из фокусов эвфемизации и обсуждаются участниками коммуникации на протяжении всего сюжета. Рассмотрим апелляцию говорящих к различным, порой даже противоположным, оценкам одного объекта обсуждения, например: одной из причин, повлекших за собой инвалидность, является авария, которая в начале обсуждения имела характеристику «ужасная трагедия», «роковая поездка», а впоследствии – «то, что произошло», «эта авария», «тот случай» и уже в конце мы сталкиваемся с такими формулировками: «я верю – так должно было случиться», «все, что ни делается, – это к лучшему», «я убеждена, что все это не зря», «если бы мне предложили выбрать жизнь без той аварии, но как сложится жизнь дальше – неизвестно, просто будут здоровые ноги, или пройти, прожить все это заново еще раз, но ты будешь знать итог – я бы выбрала второй вариант», а также одна из героинь назвала аварию «счастливым случаем», который, несмотря на трагичность ситуации, позволил девушке переосмыслить ценность ее жизни. Переход с одного модуса на другой с изменением оценки, отношения к объекту речи (переход с перцептивного образа восприятия объектов мира (модус знания), присущего говорящему, на ментальный (модус веры)), так же является прагматической стратегией адресанта.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает тема-рематическая структура эвфемистического текста, рассматриваемая нами как коммуникативная стратегия, призванная реализовать прагматический расчет адресанта. Стигматичной теме обсуждения противопоставляется и превалирует количественно рематическая составляющая, что, по нашему мнению, также способствует эвфемизации текста. Например:

Видео 1: Жизнь с инвалидностью. Как принять себя? «Вообще-то я считаю себя страшно красивой!» [4]

Тема: инвалидность (отсутствие ступней)

Рема: профессиональная реализация (писатель); рождение ребенка; сильная духом личность (коуч).

Видео 2: Сломать позвоночник, но не сломать жизнь. «Когда я узнала, что беременна, то была в растерянности» [15]

Тема: инвалидность (травма позвоночника, потеря чувствительности нижних конечностей)

Рема: большая любовь; рождение ребенка; наличие преданных друзей; поддержка родителей; самостоятельное управление автомобилем.

Видео 3: Жизнь после страшных ожогов. 47 операций и ампутация. «Живее я себя никогда не чувствовала» [3]

Тема: инвалидность (поражения и нарушения функций нижних конечностей)

Рема: достижение значимых результатов в спорте; предложение стать лицом компании *Nike*; поддержка семьи; романтические отношения.

Видео 4: Рустам и Индира Набиевы. История любви после трагедии. Мальдивы, дети, Эльбрус! [13]

Тема: инвалидность (ампутация нижних конечностей)

Рема: значимые результаты в спорте; восхождение на Эльбрус; успешный предприниматель; создание семьи; рождение двоих детей; поездка на Мальдивы.

Это далеко не весь перечень стратегий, которые использует автор при развертывании эвфемистического дискурса. Отбор объектов и способы оперирования ими зависят от ряда аспектов, касающихся лиц адресанта и адресата: их психо-когнитивных особенностей, социальных ролей, верований, предметной и коммуникативной цели и других факторов. Умышленные манипуляции объектами речи (собственно объектами, фактами, событиями), их интерпретацией, оценками и т.д. являются важными коммуникативными приемами развертывания эвфемистического дискурса.

Выводы

Имея когнитивную, психоэмоциональную природу, эмпатия в процессах порождения эвфемистического дискурса становится причиной отбора

участниками коммуникативного события, составляющих диктумно-модусной (то есть собственно информативной и прагматической, в частности, оценочной) фигурации, формирования перспективы с позиций «объективного» или «субъективного» наблюдателя или участников коммуникативного события. Эмпатия или ее отсутствие у участников общения в значительной мере определяет дальнейшее развертывание текстовой истории, а также движение сюжета в целом.

Выявление составляющих эвфемистического текста требует обращения к анализу средств языкового кода в их эксплицитных и имплицитных формах, например, дейктических средств, дискурсивных слов, а также интонации, тональности, громкости и высоты голоса, тембровых характеристик, паралингвистических и других форм. Одним из важных проявлений эвфемистического дискурса (текста) следует считать фокусировки, то есть организацию перспективы развертывания коммуникативного события языковыми, внеязыковыми и паралингвистическими средствами. С позиций порождения и восприятия эвфемистического дискурса перспективным считаем детальную проработку зависимости принципов «развертывания» и стратегий реализации эвфемистического дискурса от формы изложения (устная, письменная, видео, материалы прессы, официальные документы, художественный текст и т.д).

Литература

1. Богданов В.В. Текст и текстовое общение. – СПб.: Наука, 1993. – 68 с.
2. Болдырев Н.Н., Алексикова Ю.В. Когнитивный аспект эвфемизации (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 2. – С. 5-11.
3. Жизнь после страшных ожогов. 47 операций и ампутация. «Живее я себя никогда не чувствовала» URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qRB0osWYKKs> (дата обращения 19.12.2020).

4. Жизнь с инвалидностью. Как принять себя? «Вообще-то я считаю себя страшно красивой!» URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jj93jWSs-JA&t=193s> (дата обращения 17.12.2020).
5. Зубкова О.С., Анненкова А.В. Специфика функционирования образов имиджевой рекламы в индивидуальном лексиконе: монография. – Курск: Из-во ЗАО «Университетская книга», 2017. – 242 с.
6. Карасик В.И. О типах дискурса / В сборнике: Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сборник научных трудов. – Волгоград: Перемена. – 2000. – С. 5-20.
7. Карта слов и выражений. URL: <https://kartaslov.ru//инвалид> (дата обращения 19.12.2020).
8. Кацев А.М. Эвфемизмы в современном английском языке: опыт социолингвистического описания: Автореф. ... канд. филол. наук. – Л., 1977. – 22 с.
9. Ковшова М.Л. Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфе-мизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2019. – № 4. – С 35-48.
10. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 456 с.
11. Логвина С.А. Психический и психологический аспекты эвфемии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2017. – Т. 7. – № 1 (22). – С. 53-59.
12. Никитина А.М. К вопросу об эвфемии: этико-риторический аспект // Наука и школа. – 2013. – № 5. – С. 77-80.
13. Рустам и Индира Набиевы. История любви после трагедии. Мальдивы, дети, Эльбрус! URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ajW0d39UYAQ&t=1288s> (дата обращения 19.12.2020).

14. Саакян Л.Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 208 с.
15. Сломать позвоночник, но не сломать жизнь. «Когда я узнала, что беременна, то была в растерянности» URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-PdXm1Jq-F0> (дата обращения 17.12.2020).
16. Степаненко С.Б. Философия и риторика // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. – 2007. – Т. 311. – № 7. – С. 5-9.
17. Федеральный закон от 24.11.1995 N 181-ФЗ (ред. от 08.12.2020) "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения 25.12.2020).
18. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / [под общей ред. В. Н. Ярцевой]. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. – 685 с.

References

1. Bogdanov V.V. *Tekst i tekstovoe obschenie* [The Text and the Text Communication]. SPb.: Nauka, 1993, 68 p.
2. Boldyrev N.N., Aleksikova Iu.V. *Kognitivnyi aspekt evfemizatsii (na materiale angliiskogo iazyka)* [The cognitive aspect of euphemization (based on the material of the English language)] // *Voprosy kognitivnoi lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics]*, 2010, no. 2, pp. 5-11.
3. *Zhizn posle strashnykh ozhogov. 47 operatsii i amputatsiia. «Zhivee ia sebia nikogda ne chuvstvovala»* [Life after terrible burns. 47 operations and amputation. "I've never felt more alive"] [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qRB0osWYKKs> (data obrashcheniia 19.12.2020).

4. Zhizn s invalidnostiu. Kak priniat sebia? «Voobshche-to ia schitaiu sebia strashno krasivoi!» [Life with a disability. How to accept yourself? "Actually, I consider myself terribly beautiful!"] [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jj93jWSs-JA&t=193s>.
5. Zubkova O.S., Annenkova A.V. Specifika funkcionirovaniya obrazov imidzhevoi reklamy v individual'nom leksikone: monografiya [The Specifics of the Functioning of Images in Image Advertising in the Individual's Lexicon: a Monograph]. Kursk: Iz-vo ZAO "Universitetskaya kniga", 2017, 242 p.
6. Karasik V.I. O tipakh diskursa [On types of discourse] / V sbornike: Iazykovaia lichnost: institutsionalnyi i personalnyi diskurs: Sbornik nauchnykh trudov [In the collection: Linguistic personality: institutional and personal discourse: Collection of scientific papers]. Volgograd: Change, 2000, pp. 5-20.
7. Karta slov i vyrazhenii [The map of words and expressions of the Russian language]. [Electronic resource]. URL: <https://kartaslov.ru/invalid>.
8. Katsev A.M. Evfemizmy v sovremennom angliiskom iazyke: opyt sotsiolingvisticheskogo opisaniia [Euphemisms in Modern English: An Experience of Sociolinguistic Description]. Abstract of thesis of candidate of philological science. Leningrad, 1977. – 22 p.
9. Kovshova M.L. Evfemizmy i frazeologizmy: ustoichivye struktury v aspekte evfe-mizatsii [Euphemisms and Phraseological Units: Frozen Structures from the Standpoint of Euphemisation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serii: Russkaia filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2019. – No. 4. – pp. 35-48.
10. Kovshova M.L. Lingvokulturologicheskii metod vo frazeologii: Kody kultury [Linguocultural method in phraseology: Culture codes]. M.: LIBROKOM, 2012, 456 p.
11. Logvina S.A. Psikhicheskii i psikhologicheskii aspekty evfemii [Psychic and psychological aspects of euphemisms]. *Izvestiia Iugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Lingvistika i pedagogika* [Proceedings of

South-West State University. Series Linguistics and Pedagogical], 2017. – Vol. 7. – No. 1 (22). – pp. 53-59.

12. Nikitina A.M. K voprosu ob evfemii: etiko-ritoricheskii aspekt [On the problem of euphemisms: ethical and rhetorical aspect]. *Nauka i shkola [Science and School]*, 2013. – No. 5. – pp. 77-80.

13. Rustam i Indira Nabievy. Istoriia liubvi posle tragedii. Maldivy, deti, Elbrus! [Rustam and Indira Nabiyeu. Love story after the tragedy. Maldives, children, Elbrus!] [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ajW0d39UYAQ&t=1288s>.

14. Saakian L.N. Evfemiia kak pragmalingvisticheskaia kategoriia v diskursivnoi praktike nepriamogo rechevogo ubezhdeniia [Eufemia as pragmalinguistic category in the discursive practice of indirect verbal persuasion], Thesis of Candidate of Philological Sciences. Moscow, 2010. – 208 p.

15. Slomat pozvonochnik, no ne slomat zhizn. «Kogda ia uznala, chto beremenna, to byla v rasteriannosti» [To break one's spine, but not to break one's life. "When I found out that I was pregnant, I was at a loss"]. [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-PdXm1Jq-F0>.

16. Stepanenko S.B. Filosofii i ritorika [Philosophy and rhetoric]. *Izvestiia Tomskogo politekhnicheskogo universiteta [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University]*, 2007. – Vol. 311. – No. 7. – pp. 5-9.

17. Federalnyi zakon ot 24.11.1995 N 181-FZ (red. ot 08.12.2020) "O sotsialnoi zashchite invalidov v Rossiiskoi Federatsii" (s izm. i dop, vstup. v silu s 19.12.2020). [Federal Law of 24.11.1995 N 181-FZ (as amended on 08.12.2020) "On social protection of disabled people in the Russian Federation" (with changes and additions that came into force on 19.12.2020)]. [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/.

18. YAzykoznanie. Bol'shoi enciklopedicheskii slovar' [Linguistics. Great Encyclopedic Dictionary], edited by V.N. IArtseva. M.: Bol'shaya Rossiiskaya Enciklopediya, 1998. – 685 p.

ДЕФИНИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ЗНАЧЕНИЯ ТЕРМИНА**«ГОМЕОПАТИЯ»****DEFINITION ANALYSIS OF THE MEANING OF THE TERM****«HOMEOPATHIA»**

Статья посвящена описанию использования дефиниционного анализа при изучении значения сложного клинического термина «гомеопатия». Автор обосновывает необходимость дефиниционного анализа в связи с неоднозначностью трактовки мотивирующих основ в составе сложного клинического термина. Рассматриваются понятие ядра дефиниции и явление вариации неосновных компонентов дефиниции. Выделяются компоненты значения термина «гомеопатия» в русскоязычных и франкоязычных медицинских словарях. Автор приходит к выводу о необходимости использования дефиниций из разных словарей для отбора наиболее значимых и точно выраженных компонентов значения.

Ключевые слова: терминологический элемент, мотивирующая основа, дефиниция, ядро дефиниции, компонентный анализ, дефиниционный анализ, вариативность компонентов дефиниции.

The article describes the use of definition analysis in the study of the meaning of the complex clinical term "homeopathy." The author justifies the need for a definition analysis due to the ambiguity of the interpretation of motivating foundations in the composition of a complex clinical term. The concept of the core of the definition and the phenomenon of variation of minor components of the definition are considered. The components of the meaning of the term "homeopathy" in Russian-speaking and French-speaking medical dictionaries are distinguished. The author concludes that it is necessary to use definitions from different dictionaries to select the most significant and accurately expressed components of the value.

Key words: terminological element, motivating basis, definition, definition kernel, component analysis, definitional analysis, variability of components of a definition.

Введение

Клиническая терминология имеет происхождение преимущественно от греческих основ, как и многие термины в других областях науки. Подавляющее большинство клинических терминов представляют собой сложные слова, образованные путем основосложения, то есть соединения греческих или, реже, латинских основ, называемых терминологическими элементами. Терминообразующие элементы или терминологические элементы принято называть мотивирующими основами. Согласно В.М. Лейчику, термин и терминологический элемент соотносятся с двумя

языковыми планами, где единицей плана содержания термина является понятие, которому в плане выражения соответствует терминологический элемент [2, с. 65]: *ophthalmo-* (*l'oeil, глаз*); *-plégie* (*paralysie, паралич*): *ophthalmoplégie – la paralysie de l'oeil (des yeux), паралич глаз(а)*. Окончательное формирование понятия, выраженного термином, происходит, если оно находит свое место в системе понятий определенной медицинской области (например, в офтальмологии), поскольку называемое клиническое явление может быть лишь отдельным звеном в некоем общем клиническом явлении или медицинском понятии.

Греко-латинские основы, составляющие терминологические элементы, призваны унифицировать клиническую терминологию и сделать доступной для носителей любого языка во всем мире. Перед студентами-медиками независимо от языка, на котором ведется преподавание, ставится задача выучить определенный объем терминологических элементов, научиться разбираться в структуре клинического термина, понимать его семантику и уметь самостоятельно формировать термины, исходя из дефиниций. Заучивание правильно составленных словарных дефиниций клинических терминов и их анализ способствует формированию профессионального языка и точному представлению о называемом медицинском объекте или явлении. Согласно определению немецкого лингвиста В. Ментрупа, «под профессиональным языком можно понимать терминологию, имеющую в значительной мере конвенциональный характер, по возможности свободную от синонимии и омонимии, характеризующуюся высокой степенью точности, семантической четкости и однозначности» [6, с. 306]. Овладение профессиональным языком способствует формированию профессионально-языковой картины мира, эволюция которой происходит в течение всей профессиональной деятельности специалиста.

Дефиниционный метод как способ усвоения термина

Несмотря на то, что терминологические элементы служат для образования термина с прозрачной семантикой, мотивируя значение слова, часто невозможно

раскрыть понятие, обозначаемое термином без его дефиниции. Это происходит не от того, что неизвестно значение терминологического элемента, а вследствие скрытых семантических отношений между этими терминологическими элементами, опосредованными участием других сем, невыраженных в термине. Чаще всего термин имеет более широкое значение, чем на это указывают значения терминологических элементов. Согласно В.Ф. Новодрановой, при анализе комплексной единицы необходимо понять, как именно взаимодействуют, а не складываются значения элементов, составляющих данную единицу [7, с. 318]. Это обстоятельство дает основание считать, что усвоение сложного термина должно осуществляться с помощью дефиниционного метода, который предполагает выявление семантических отношений между значениями терминологических элементов и позволяет восполнить все семантические компоненты значения термина.

Дефиниционный метод является логическим продолжением и разновидностью компонентного анализа и был разработан в трудах таких лингвистов, как Ю.Д. Апресян, И.В. Арнольд, Р.С. Гинзбург, основывавшихся, в свою очередь на работах Дж. Катца, Дж. Фодора, Ю. Найды. Вслед за В.В. Матюшиной мы понимаем компонентный анализ как процедуру расщепления значения на составные части, вычленение которых обусловлено как соотношением элементов внутри отдельного значения, так и соотношением этого значения со значением других языковых единиц [5, с. 90]. В соответствии с дефиниционным методом, значение термина определяется его дефиницией, а дефиниция уже представляет собой компонентный анализ, в котором каждая часть дефиниции является компонентом. При этом мы понимаем под дефиницией ядро словарной информации, самые существенные признаки, выражаемые термином. За рамками словарной дефиниции, как отмечает Б.Ю. Городецкий, могут оставаться другие сведения, представленные в других энциклопедических словарях или специальной литературе [1, с. 20]. Информация, которую специалист или обучающийся получает за пределами дефиниции термина, может значительно расширить или даже изменить понятие, вкладываемое им в данный термин. Например, историческая справка о

происхождении термина и другие пояснения могут выходить за пределы дефиниции, но порой они играют существенную роль в формировании и закреплении концепта, выраженного термином.

Чтобы избежать ошибочного толкования термина при введении в медицинскую терминологию в медицинском вузе, следует рекомендовать студентам как можно чаще использовать медицинские словари и энциклопедии для изучения полных дефиниций клинических терминов или использовать описание терминов в учебных пособиях по клинической терминологии. Большая роль в процессе усвоения медицинских клинических терминов принадлежит преподавателю, который в условиях аудиторной подготовки формирует у студентов навыки анализа структуры и семантики терминов и их использования в научном стиле речи в будущей профессиональной деятельности [8, с. 58]. Так, в пособии на французском языке «Основы медицинской терминологии: клиническая терминология» авторы представляют дефиниционный анализ некоторых терминов, значение которых не может быть понято из сложения значений двух основ. Кроме этого, пособие содержит краткий словарь терминов во французской транслитерации с примерами терминов и их полной дефиницией со ссылками на электронные франкоязычные словари [4, с. 28; с. 47-74].

Термин *homeopathie* (*гомеопатия*) состоит из двух терминологических элементов *homeo-* “*semblable*” (*подобный*) и *-pathie* “*souffrance*” (*болезнь, страдание*), которые, в некоторой степени, должны мотивировать общее значение термина. Однако сложение значений двух терминов не дает никакого представления о понятии, выражаемом термином. Именно в этом случае нужно всегда обращаться к словарной дефиниции. Дефиниция позволяет сформировать более точное представление о понятии, обозначенном термином, по сравнению с совокупным значением составляющих данный термин основ. Кроме того, по словам С.И. Маджаевой, “дефиниция выполняет познавательную функцию, формируя значение заболевания, его симптомы, органы, задетые болезнью, то есть суммирует результаты познания” [3, с. 133].

Дефиниционный анализ выявляет в термине семантические отношения между терминологическими элементами и представляет другие компоненты значения термина.

Анализ дефиниций медицинских терминов

Попробуем проанализировать несколько дефиниций термина *гомеопатия* из франкоязычных и русскоязычных словарей: *L'homéopathie est une forme de médecine alternative qui consiste à traiter **un trouble** par de petites quantités de médicaments qui, chez une personne en bonne santé, produiraient des symptômes **identiques** s'ils étaient administrés à plus forte dose.* [<https://www.doctissimo.fr/sante/dictionnaire-medical/homeopathie>]. – *Гомеопатия — это форма альтернативной медицины, которая заключается в лечении заболевания маленькими дозами лекарства, способного вызвать у здорового человека симптомы того же заболевания, если бы оно было назначено в большой дозе (Перевод наш – Т.Т.).* Как видно из определения термина, знания только значения терминологических элементов не достаточно, чтобы понять значение термина в целом. К тому же терминологический элемент *-pathie* в клинических терминах обычно указывает на наименование патологии какого-нибудь органа, а не на метод лечения, как в случае гомеопатии (*homeopathie*), например: кардиопатия (*cardiopathie*), остеопатия (*osteopathie*) и т.д. Чтобы понять наличие терминологических элементов в структуре термина *гомеопатия*, следует, прежде всего, противопоставить этот термин по признаку медицинского метода лечения другому термину внутри одной терминосистемы. Основой для этого противопоставления в рамках компонентного анализа является оппозиция *гомеопатия/ аллопатия*.

Появление обоих терминов связано с основателем гомеопатии Х. Ганеманом, который в 1796 году создал концепцию лечения по принципу «Подобное излечивается подобным» (*лат. «Similia similibus curantur»*). Назвав свой лечебный метод *homeopathia*, Ганеман противопоставил его всем другим традиционным методам известным в медицине, которые основываются на

принципе «Противоположное лечится противоположным» (лат.: «*Contraria contrariis curantur*»), получившим соответственно название *allopathia*. С тех пор термин *allopathia* употребляется исключительно гомеопатами для противопоставления этих двух принципов лекарственного лечения.

Дефиниционный анализ позволяет восполнить все семантические компоненты значения термина. Так, в дефиниции термина *homeopathie* (гомеопатия) в электронном медицинском словаре Doctissimo, кроме компонентов значения *identiques (me же самые)* и *le trouble (заболевание)*, выраженных в терминологических элементах *homeo-* (гомео-) и *-pathie (-патия)*, важными компонентами значения являются: *médecine alternative* (альтернативная медицина), *petites quantités* (маленькие дозы, которые лечат болезнь), *la forte dose* (большая доза этого лекарства у здорового человека вызывает ту же самую болезнь).

Необходимо отметить, что некоторые второстепенные компоненты значения, могут отсутствовать или быть добавлены в основном определении термина в разных словарях или в разных изданиях одних и тех же словарей, что свидетельствует о вариативности компонентов дефиниции. Например, в *Petit Robert* определение термина «*homéopathie*» не имеет указания на то, что этот метод лечения относится к нетрадиционной медицине, то есть не поддерживается официальной медициной, хотя статья дает ссылку на термин *аллопатия*, т.е. традиционную медицину. Вместе с тем, есть дополнительные сведения о происхождении метода и термина и об их авторе, а также в короткой дефиниции указывается, что чрезвычайно маленькие дозы получают путем разбавления: «*Homéopathie – méthode thérapeutique (du médecin allemand Hannemann) qui consiste à soigner les malades au moyen de remèdes (à doses infinitésimales obtenues par dilution) capables, à des doses plus élevées, de produire sur l'homme sain des symptômes semblables à ceux de la maladie à combattre*» [13, с. 1242].

Анализ дефиниций термина *гомеопатия* в трех русскоязычных словарях также показал вариацию неосновных компонентов значения. В словаре

Г. Арнаудова *гомеопатия* определяется практически также, как самое первое приведенное нами определение из словаря *Doctissimo*, за исключением указания на альтернативность этой лечебной системы [9, с. 1186]. В Энциклопедическом словаре медицинских терминов Б.В. Петровского в определении *гомеопатии*, напротив, на первом месте стоит именно указание на умозрительность положений этого метода, что придает всему определению конкретный аксиологический оттенок [11, с. 303]. В электронном медицинском словаре, в котором собраны более 10000 дефиниций, словарная статья определяет термин *гомеопатия* как медицинскую систему, в которой для лечения больного применяются ничтожно малые количества вещества, которое само способно вызвать симптомы его болезни [<http://www.medsiv.ru/html/g/gomeopati8.html>]. В этом определении нет важного компонента значения, указывающего, что те же самые симптомы могут появиться, если испытывать это вещество в **большой дозе на здоровом человеке**. То, что этот метод относится к альтернативной медицине, указывает соответствующая ссылка в конце словарной статьи.

Заключение

Таким образом, для усвоения клинических терминов, необходимых в профессиональной деятельности врача, наряду с изучением структуры термина и запоминанием общего значения греко-латинских основ на первом этапе обучения требуется погружение в различные сферы медицины с помощью изучения словарных дефиниций искомого термина в разных словарях. В связи с вариативностью компонентов дефиниции одного и того же термина, как это было продемонстрировано на термине *homeopathie* (*гомеопатия*), дефиниционный анализ дает возможность наиболее полно раскрыть семантическую структуру термина и создать представление обучаемых о явлении, обозначаемом медицинским термином.

Литература

1. Городецкий Б.Ю. Проблемы и методы современной лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии. – М.: Прогресс, 1983. – С. 5-22.
2. Лейчик В.М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина. // Вопросы языкознания. 1981. – № 2. – С. 63-73.
3. Маджаева С.И. Фреймовый подход к систематизации терминологических знаний // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та, 2012. – № 2 (22). – С. 130-137.
4. Маджаева С.И., Ткачева Т.А. Основы медицинской терминологии: клиническая терминология // Учебно-методическое пособие для иностранных студентов на французском языке. – Астрахань: АГМУ, 2018. – 76 с.
5. Матюшина В.В. Психолингвистический анализ содержания ценности «Толерантность» (на м-ле русского языка). Толерантность» (на м-ле русского языка). – дисс... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2017. – 241 с.
6. Ментруп В. К проблеме лексикографического описания общенародного языка и профессиональных языков // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии. – М.: Прогресс, 1983. – С. 301-333.
7. Новодранова В.Ф. Композиционная семантика (на материале медицинской терминологии). С любовью к языку. Сб. науч. трудов, Воронеж, 2002. – С. 315-319.
8. Сатретдинова А.Х., Пенская З.П. Медицинские термины в учебно-профессиональном дискурсе. // Гуманитарные исследования. 2019. – № 3 (71). – С. 56-60.

Словари

9. Арнаудов Др. Георги Д. Медицинская терминология на пяти языках. – София: Медицина и физкультура, 1964. – 1030 с.
10. Медицинский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.medslv.ru/html/g/gomeopati8.html> (Дата обращения: 26.09.2019)

11. Петровский Б.В. (ред.) Энциклопедический словарь медицинских терминов: В 3-х томах / Гл.ред. Б.В. Петровский. – М.: Советская Энциклопедия, т. I, А-Й, 1982. – 464 с.
12. Dictionnaire medical Doctissimo. URL: <https://www.doctissimo.fr/sante/dictionnaire-medical/homeopathie> (Дата обращения: 26.09.2019)
13. Le nouveau Petit Robert: Dictionnaire alphabetique et analogique de la Langue Francaise 2008 Edition / red. dirigée par A. Rey, J. Rey-Debove. – P.: Le Robert, 2008. – 2838 p.
14. Dictionnaire médicale de l'académie de Médecine, version 2016. URL: <http://dictionnaire.academie-medecine.fr> (Дата обращения: 15.10.2019)

References

1. Gorodeckij B.Ju. Problemy i metody sovremennoj leksikografii [Problems and methods of modern lexicography]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike [New in foreign linguistics]. Vol. 14. Problemy i metody leksikografii [Problems and methods of lexicography]. – М.: Progress, 1983. – pp. 5-22.
2. Lejchik V.M. Optimal'naja dlina i optimal'naja struktura termina [Optimal Length and Optimal Term Structure]. Voprosy jazykoznanija [Linguistics questions], 1981. – № 2. – pp. 63-73.
3. Madzhaeva S.I. Frejmovyj podhod k sistematizacii terminologicheskikh znaniy [Frame approach to systematizing terminology knowledge]. Uchenye zapiski. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gos. un-ta [Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State], 2012. – №2 (22). – pp. 130-137.
4. Madzhaeva S.I., Tkacheva T.A. Osnovy medicinskoj terminologii: klinicheskaja terminologija [Basics of Medical Terminology: Clinical Terminology]. – Astrahan: AGMU, 2018. – 76 p.
5. Matjushina V.V. Psiholingvisticheskiy analiz sodержaniya cennosti «Tolerantnost'» (na m-le russkogo jazyka) [Psycholinguistic analysis of the content of the value "Tolerance" (in Russian)], diss...kand.filol.nauk – М., 2017. – 241 p.

6. Mentrup V. K probleme leksikograficheskogo opisanija obshhenarodnogo jazyka i professional'nyh jazykov [To the problem of lexicographic description of the national language and professional languages]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics], Vol. 14. Problemy i metody leksikografii [Problems and methods of lexicography]. – M.: Progress, 1983. – pp. 301-333.

7. Novodranova V.F. Kompozicionnaja semantika (na materiale medicinskoj terminologii). [Compositional semantics (on the material of medical terminology)]. *S ljubov'ju k jazyku* [Love for language]. *Sb. nauch. trudov*, – Voronezh, 2002. – pp. 315-319.

8. Satretdinova A.H., Penskaja Z.P. Medicinskie terminy v uchebno-professional'nom diskurse [Medical terms in educational and professional discourse]. *Gumanitarnye issledovanija* [Humanitarian researches], 2019. – № 3 (71). – pp. 56-60.

Dictionaries

9. Arnaudov Dr. Georgi D. Medicinskaja terminologija na pjati jazykah [Medical terminology in five languages], – Sofija: Medicina i fizkul'tura, 1964 – 1030 p.

10. Medicinskij slovar' [Medical dictionary]. [Electronic ressource] URL: <http://www.medslv.ru/html/g/gomeopati8.html> (2019, September 24)

11. Petrovskij B.V. (red.) Jenciklopedicheskij slovar' medicinskih terminov: V 3-h tomah [Encyclopedia Dictionary of Medical Terms: In 3 Volumes]. – M.: Sovetskaja Jenciklopedija, t. I, A-J, 1982 – 464 p.

12. Dictionnaire medical Doctissimo. [Electronic ressource] URL: <https://www.doctissimo.fr/sante/dictionnaire-medical/homeopathie> (2019, September 26)

13. Le nouveau Petit Robert: Dictionnaire alphabetique et analogique de la Langue Francaise 2008 Edition / red. dirigée par A. Rey, J. Rey-Debove. – P.: Le Robert, 2008. – 2838 p.

14. Dictionnaire médicale de l'académie de Médecine, version 2016. URL:
<http://dictionnaire.academie-medecine.fr> (2019, Oktober 15)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

С.И. Маджаева

S.I. Madzhaeva

**ДИСКУРСОЛОГИЯ. ТЕРМИНОЛОГИЯ. ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА В
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ (НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)
DISCURSOLOGY. TERMINOLOGY. LANGUAGE ECOLOGY IN MODERN
LINGUISTICS (INTERNATIONAL PRACTICAL RESEARCH
CONFERENCE)**

22 ноября 2019 г. в стенах Астраханского государственного медицинского университета состоялась III-я научно-практическая конференция «Дискурсология. Терминология. Экология языка». Конференция проводилась в рамках научного проекта «Особенности языка медицины» по инициативе кафедры латинского и иностранных языков. С пожеланиями плодотворной деятельности выступили проректор по науке и инновационной работе, д.м.н., профессор М.А. Самотруева, начальник управления обеспечения образовательного процесса, д.м.н., профессор С.А. Зурнаджан.

В конференции приняли участие более шестидесяти отечественных и зарубежных учёных: представители лингвистического направления Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет», медицинской академии имени С.И. Георгиевского, Крымского федерального университета, Самарского медицинского университета, Волгоградского социально-педагогического университета, Курского государственного университета, Поволжской государственной академии физической культуры, спорта и туризма, Приволжского исследовательского медицинского университета, Астраханского государственного медицинского университета, и многих других.

Отрадно, что исследования были проведены не только маститыми учёными, но и аспирантами, магистрантами и соискателями. Название конференции было выбрано неслучайно – это именно те области, в которых изучаются проблемы языка. Это обусловлено как экстралингвистическими, так и лингвистическими факторами: изменяется язык, появляются не экологичные слова, которые могут причинить вред человеку. Происходит экспрессивизация слова. Возникновение новых понятий сопровождается функционированием новых терминов.

Конференция «Дискурсология, терминология, экология языка в современной лингвистике», на которой обсуждались вопросы когнитивной лингвистики, взаимосвязь языка и мышления, языка и объективной действительности, способности языка влиять на сознание человека, специалиста, формирование его профессионально-языковой картины мира, развитие языковой личности специалиста является действующим средством, открывающим лингвистам новые возможности в работе с мощным орудием, каким является *язык*.

После пленарного заседания ученые продолжили свою работу в секциях: *проблемы терминологии, актуальные вопросы преподавания иностранных языков в вузе и проблемы дискурсологии*.

В секции «Проблемы терминологии», руководил которой доцент Т.В. Лукоянова, был проявлен интерес к термину, его функционированию, развитию и т.д. Кандидат психологических наук Э.М. Байдашева в своем докладе отметила один из главных диагностических признаков – цвет, обозначив проблему анализа терминов с компонентом цветообозначения. Кандидат филологических наук Л.А. Киселева сообщила о формировании профессионально-языковой картины мира специалиста-медика при помощи терминов, оказывающие влияние на становление и формирование ПЯКМ врача. О высокой степени многозначности предлогов, о влиянии контекста на значение слова, взаимообусловленности различных компонентов сложной семантической структуры предлога в зависимости от его окружения

проинформировала З.Р. Гречухина. Хочется отметить практическую значимость результатов исследования З.Р. Гречухиной для всех, кто включён в процесс публикации научных трудов. А.О. Сеницина представила анализ наименований растений в мотивационном ключе, определив наиболее продуктивный мотивационный признак номинации растений – «излечивающие свойства». Интересные примеры, рассмотренные с нового ракурса, вызвали живой интерес аудитории.

Особый характер конференции придали выступления М.В. Беззубиковой, Т.В. Лукояновой, проводившие анализ материала в когнитивном аспекте.

Руководитель секции «Актуальные вопросы преподавания иностранных языков в вузе» к.пед.н, доцент З.П. Пенская отметила широкий спектр исследований в методике преподавания русского как иностранного, формирование коммуникативной компетенции у будущих врачей. Это – специфика преподавания медицинской терминологии, роль преподавателя на формирование образа мышления студента-иностранца, применение заимствований, применение онлайн-тренажеров для оптимизации контроля знаний. Новые горизонты работы с поэтическими текстами со студентами-иностранцами открылись присутствующим в сообщении Н.А. Филатовой, выделив выразительное средство языка, эпитеты, способствующие обогащению словарного запаса студентов и формированию образного мышления. Интересным было сообщение Т.А. Ткачевой об усвоении клинической терминологии студентами с помощью изучения словарных дефиниций.

Доцент Е.Ю. Гагарина, руководитель секции «Проблемы дискурсологии», обратила внимание аудитории на большое количество исследований в области дискурсологии и экологии языка.

В процессе работы секции были рассмотрены разные направления исследования дискурса в современной лингвистике, Были обсуждены следующие доклады: «Влияние современного жаргона на культуру речи» (В.О. Болтнева); «Видеоконтент как способ самопрезентации бренда врача в социальной сети» (Е.Ю. Гагарина); «Когнитивная значимость дискурса в

коммуникативном пространстве» (С.Г. Джабраилова); «Медицинский дискурс: документный аспект» (Л.В. Епанчина); «Медийный дискурс как элемент дискурсивного пространства» (А.М. Курманова); «Проблема англоязычных заимствований в рамках литературного языка и за его пределами в контексте лингвистической экологии» (Ж.Ю. Мотыгина).

Необходимо отметить, что работа секций по обозначенным направлениям была площадкой для апробации результатов исследований соискателей и аспирантов. Этот раздел работы конференции затронул один из наиболее актуальных вопросов современной дискурсологии – вопрос дефиниции дискурса и его основных институциональных свойств. Участниками конференции была выдержана поставленная задача обзорного освещения основных теоретических проблем дискурсологии, связанных с определением дискурса в аспекте лингвистики текста, классификации дискурса, его разных модификаций. По завершению обсуждений были расставлены приоритеты дальнейшей работы по изучению дискурса и дискурсивности.

Необходимо подчеркнуть, что заседания секций проходили в непринуждённой атмосфере, сопровождались творческой и активной дискуссией, вызвавшей желание у самой молодой части аудитории принять участие в последующих конференциях уже в качестве докладчиков.

Работа конференции позволила оценить свой собственный уровень и сформировать для себя новые пути дальнейшего развития в науке.

**МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ С МЕЖДУНАРОДНЫМ
УЧАСТИЕМ «ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ И
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ РОССИЙСКОГО ВУЗА»
INTERUNIVERSITY SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE OF
STUDENTS AND YOUNG SCIENTISTS WITH INTERNATIONAL
PARTICIPATION «PROBLEMS OF TOLERANCE AND SOCIO-CULTURAL
INTEGRATION IN THE MULTICULTURAL EDUCATIONAL
ENVIRONMENT OF A RUSSIAN UNIVERSITY»**

12-13 декабря в Астраханском ГМУ прошла межвузовская научно-практическая конференция студентов и молодых ученых с международным участием **«Проблемы толерантности и социокультурной интеграции в поликультурной образовательной среде российского вуза»**. Организаторами мероприятия явились кафедра русского языка и кафедра психологии и педагогики Астраханского государственного медицинского университета.

В работе конференции приняли участие более 50 очных участников и около 60 – заочных. К началу конференции был издан сборник материалов, в котором представлены исследования молодых ученых, студентов, ординаторов, магистрантов, преподавателей медицинских, гуманитарных, технических вузов России (Астраханского ГМУ, АГУ, АГТУ, МГУ, Санкт-Петербургского государственного технологического университета, I-го Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова).

В связи с глобальными интеграционными процессами, охватывающими все сферы современного общества, и растущей академической мобильностью в сфере высшего образования формирование культуры толерантности, гражданской идентичности в условиях поликультурного общества становится

приоритетным направлением учебно-воспитательной деятельности высшей школы.

Значимость и актуальность данной конференции отметила в своем вступительном слове ректор Астраханского ГМУ д.м.н., профессор Башкина Ольга Александровна, подчеркнув, что именно в образовательных организациях создаются условия для содействия консолидации различных слоев гражданского общества, уменьшению социальной напряженности между представителями различных конфессий и национальных культур.

В этом плане безусловный интерес представляет Астраханский регион, для которого характерна традиционная этническая мозаичность. В настоящее время в Астраханской области проживают представители более 140 национальностей, действует 37 национально-культурных общественных объединений. Ежегодно увеличивается число иностранных студентов, желающих получить образование в вузах Астрахани. Так, сегодня в Астраханском ГМУ обучается более 2000 иностранных студентов из стран ближнего и дальнего зарубежья.

В приветственном слове к участникам конференции президент Астраханского ГМУ д.м.н., профессор Галимзянов Халил Мингалиевич заявил о необходимости создания в вузах условий, позволяющих организовать эффективное межэтническое и межкультурное взаимодействие, а также сформировать толерантное отношение к представителям иных этносов и культур. В Астраханском медицинском университете функционирует международный отдел, содействующий академической мобильности обучающихся и преподавателей; центр социально-психологической адаптации студентов (СПАС) и студенческий отряд «Инсайт», оказывающие психологическую поддержку и способствующие успешной адаптации студентов к новым условиям обучения и проживания; клуб интернациональной дружбы, студенческий кружок любителей русской словесности, Образовательный лингвистический центр, деятельность которых направлена на совершенствование языковой подготовки иностранных обучающихся.

Конференция затрагивала широкий спектр научных интересов, касающихся проблем межкультурной коммуникации и билингвального образования, формирования толерантности в полиэтнической образовательной среде вуза, социокультурной и психологической адаптации студентов-иностранцев, вопросов психолого-педагогического сопровождения субъектов образовательного процесса высшей школы, использования потенциала образовательного пространства для личностного роста и самореализации будущих специалистов.

На пленарном заседании было заслушано 3 доклада, вызвавших живой интерес участников конференции. В своем сообщении преподаватель кафедры русского языка Астраханского ГМУ Гущина К.Н. раскрыла понятия «толерантность» и «терпимость», представила их собственную оценку, продемонстрировав их функционирование в современной языковой картине мира.

Преподаватель подготовительного факультета АГТУ Цих В.А. обозначила проблемы адаптации иностранных студентов к жизни в России через призму межкультурной коммуникации, выявила основные коммуникативные барьеры, предложила собственные рекомендации по улучшению интеграции студентов.

Магистрант АГУ Локтева А.Г. представила характеристику понятия жизнестойкости как личностного ресурса, способствующего эффективному выходу из стрессовой ситуации, более успешному выполнению деятельности, а также снижению заболеваемости; обозначила предикторы повышения эффективности трудовой деятельности работников, участвующих в оказании психиатрической помощи.

После пленарного заседания работа продолжилась на 4-х секционных заседаниях. Ряд докладов был посвящен изучению проблемы адаптации иностранных студентов, выявлению психофизиологических, учебно-познавательных, социально-культурных факторов, влияющих на их адаптацию, а также определению педагогических условий социальной адаптации

иностранных студентов в условиях образовательного учреждения. При обсуждении данного вопроса были обозначены методы, позволяющие облегчить адаптационный период посредством изучения русского языка.

Особый интерес представляли доклады, затрагивающие проблемы формирования корпоративной культуры образовательной организации в условиях поликультурной среды. Особое внимание уделено трудностям, с которыми сталкиваются образовательные организации. Во многих исследованиях предложены результаты социологических опросов и анкетирования студентов. Выявлены основные проблемы, возникающие в процессе межнационального общения между носителями разных культур, предложены возможные пути их решения. Раскрыты причины культурных конфликтов.

В отдельных докладах были рассмотрены проблемы личностного роста студентов вуза, вопросы мотивации личности, формирования здоровьесберегающей среды у студентов.

По итогам секционных заседаний были определены лучшие доклады, авторы которых награждены дипломами. Все участники получили сертификаты.

Конференция позволила участникам обменяться опытом и представить собственные концепции по формированию культуры толерантности в многонациональной студенческой среде российского вуза.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бекишева Елена Владимировна	доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО СамГМУ zondterm@gmail.com
Гагарина Елена Юрьевна	кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ GagarinaE@yandex.ru
Голованова Елена Иосифовна	доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО ЧелГУ ligol@csu.ru
Гринева-Гринева Сергей Викторович	доктор филологических наук, профессор, Белостокский университет, Польша svgrinev@mail.ru
Дроздова Татьяна Васильевна	доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО АГТУ drozdova@astu.org
Заболотнева Оксана Леонидовна	кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО ЧелГУ zoxl@mail.ru
Зубкова Ольга Станиславовна	доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО КГУ olgaz4@rambler.ru
Кожухова Ирина Владимировна	кандидат филологических наук, ФГБОУ ВО ЧелГУ vinantov@mail.ru
Логвина Светлана Андреевна	кандидат педагогических наук, ФГАОУ ВО КФУ имени В.И. Вернадского svet.logvina@mail.ru
Маджаева Санья Ибрагимовна	доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ sanya-madzhaeva@yandex.ru
Рожкова Тамара Валентиновна	кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО СамГМУ rozhkovatamarav@yandex.ru
Романова Наталия Анатольевна	кандидат филологических наук, ФГАОУ ВО ВолГУ tyurikova_na@hotmail.com
Сатретдинова Альфия Хамитовна	кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ agmarus@yandex.ru
Сорокина Эльвира Анатольевна	доктор филологических наук, профессор, МГОУ ellasor@mail.ru
Ткачева Татьяна Акимовна	кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ tian@list.ru
Чжао Липэн	магистрант, ФГАОУ ВО ВолГУ 854930537@qq.com

Требования к оформлению статьи

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе *Microsoft Word* и сохраняется с расширением *.doc.* или *docx.*

Параметры страницы. Формат А4 (книжный). Поля: все по 20 мм.

Форматирование основного текста. Абзацный отступ 1,25 см.

Межстрочный интервал – полуторный. Нумерация страниц располагается внизу страницы в углу справа. *Шрифт Times New Roman,* Обычный. Размер кегля (символов) – 14 пт.

Объем статьи. Минимальный объем статьи 8 страниц, максимальный объем – до 12 страниц машинописного текста.

Требования к составу публикуемой статьи.

Публикуемая в журнале статья должна состоять из следующих последовательно расположенных элементов:

- индекс (УДК) – слева, обычный шрифт;
- инициалы автора(ов) и фамилия(и) – справа, шрифт 12 пт – курсив (на русском и английском языках);
- заголовок (название) статьи – по центру, шрифт полужирный, буквы прописные (на русском и английском языках);
- аннотация и ключевые слова, шрифт 12 пт – курсив (на русском и английском языках);
- текст статьи;
- литература.

Редакция журнала рекомендует придерживаться традиционной структуре написания статьи (введение, цели исследования, методы исследования, полученные результаты, обсуждение результатов и выводы). Элементы статьи отделяются друг от друга одной пустой строкой.

Аннотация. Объем – 5-10 строк.

Ключевые слова. 5-10 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.

Библиографический список. Список цитируемой литературы приводится в соответствии с требованиями ГОСТ7.1. В списке источники располагаются в алфавитном порядке:

Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования правила составления. Для связи списка цитируемой литературы с текстом статьи используют отсылки в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Отсылки в тексте статьи заключают в квадратные скобки. Порядковый номер цитируемого источника приводят в соответствующей строке текста статьи, например, [5]. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой, например, [5, с. 23].

References составляется в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке. Для транслитерации с кириллицы на латиницу рекомендуем использовать систему автоматического транслитерирования на сайте <http://www.translit.ru> (выбрав при этом опцию «МВД»).

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

Familija A.A. Nazvanie stat'i [Title of article]. *Nazvanie zhurnala [Title of Journal]*, 2005. – Vol. 10. – No. 2. – pp. 49-53.

- представлять в References описание журнала только в транслитерированном варианте (без перевода) недопустимо;

- при описании изданий без авторов (сборников, коллективных монографий) допускается вместо авторов писать одного, максимум двух редакторов издания;

- для неопубликованных документов можно делать самое короткое название с указанием в скобках (unpublished), если оно имеет авторство (для учета ссылок автора), либо просто “Unpublished Source” или “Unpublished Report” и т.д., если авторство в документе отсутствует;

- так как русскоязычные источники трудно идентифицируются зарубежными специалистами, необходимо в описаниях оригинальное название источника выделять курсивом, как в большинстве зарубежных стандартов;

- нежелательно в ссылках делать произвольные сокращения названий источников. Это часто приводит к потере связки, так как название может быть не идентифицировано;

- все основные выходные издательские сведения (в описаниях журнала: обозначение тома, номера, страниц; в описаниях книг: место издания – город, обозначение издательства (кроме собственного непереводного имени издательства, оно транслитерируется)) должны быть представлены на английском языке;

- в описаниях русскоязычных учебников, учебных пособий не надо указывать тип изданий;

- в выходных данных публикаций в ссылках (статей, книг) необходимо указывать количество страниц публикации: диапазон страниц в издании указывается “pp.” Перед страницами; количество страниц в полном издании (книге) – указывается как “p.” после указания количества страниц;

- перевод заглавия статьи или источника берется в квадратные скобки;

- одна публикация описывается в списке литературы один раз, независимо от того, сколько раз в тексте публикации был упомянут источник;

- если книга в списке литературы (в любом варианте – основном или в References) описывается полностью, тогда в описании должен быть указан

полный объем издания, независимо от того, какие страницы издания были процитированы в тексте; исключение составляют случаи, когда используются отдельные главы из книги; в этом варианте в списке литературы дается описание главы, с указанием страниц “от-до”;

- для транслитерации необходимо использовать системы автоматического перевода кириллицы в романский алфавит; не делать транслитерацию вручную;

- для журналов, издающихся на русском и английском языках, ссылка дается на английскую версию журнала.

Рисунки, схемы, диаграммы. В качестве иллюстраций статей принимается не более 3 рисунков. Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например, (рис. 2). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под рисунком.

Фотографии. Прилагаемые фотографии должны быть четкими, пригодными для сканирования либо в электронном виде (формат *tif, jpg*).

Таблицы. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТов 7.12-93, 7.11-78. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе *Microsoft Word* (формат *.doc) и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.

Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами АГМУ или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией.

Дополнительно к статье автор высылает следующие документы

1. Сведения об авторе(ах).

Сведения об авторе(ах) присылаются на электронный адрес журнала linguistics.and.edu@gmail.com отдельным файлом, имеющим название Сведения_Фамилия. Сведения об авторе(ах), которые содержат данные:

– фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень; ученое звание; место работы (кафедра, институт (факультет)); занимаемая должность; контактный телефон (рабочий, сотовый); адрес электронной почты.

Сведения в полном объеме приводятся на русском и английском языках.

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи

Фамилия Имя Отчество	
Ученая степень, ученое звание	
Должность или профессия	
Место работы или учебы	
Контактный телефон	
Адрес электронной почты	
Тема статьи	
Раздел	

2. Рецензию. Скан рецензии на статью аспирантов присылается на электронный адрес sanya-madzhaeva@yandex.ru отдельным файлом, имеющим название Рецензия_Фамилия. Рецензия составляется и заверяется научным руководителем или специалистов в данной предметной области, имеющих степень доктора/ кандидата наук.

Статьи присылать до 1 декабря, 1 марта, 1 июня, 1 сентября

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ
TITLE OF THE ARTICLE

*Аннотация. Объем – до 500 знаков. Слово «Аннотация» в начале статьи не пишется.
Ключевые слова: 5-10 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.*

*Abstract. Volume – up to 500 signs. The word "Abstract" is not written at the beginning.
Key words: 5-10 key words (word combinations) carrying the basic text meaning.*

Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст
статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст
статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст
статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст.

Литература

References

ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Сетевое издание

2021

Том 1 № 1 (1)

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой
информации Эл № ФС77-79816 от 07 декабря 2020 г.)

Учредитель: ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России

Адрес учредителя: 414000, г. Астрахань, Бакинская, 121, каб 410

Тел/Факс: +7(8512)52-41-43, +7(8512)39-41-30

E-mail: agma@astranet.ru

Редакционная коллегия

Ответственный секретарь – Байдашева Э.М.

Техническое редактирование – Дьякова Е.М.

